

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://to1stoyleo.ru/> приятного чтения!

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой

I.

Князю Нехлюдову было девятнадцать лет, когда он из 3-го курса университета приехал на летние вакансии в свою деревню, и один пробыл в ней всё лето. Осенью он неустановившейся ребяческой рукой написал к своей тётке, графине Белорецкой, которая, по его понятиям, была его лучший друг и самая гениальная женщина в мире, следующее переведенное здесь французское письмо:

«Милая тётушка.

«Я принял решение, от которого должна зависеть участь всей моей жизни. Я выхожу из университета, чтоб посвятить себя жизни в деревне, потому что чувствую, что рожден для нее. Ради Бога, милая тётушка, не смейтесь надо мной. Вы скажете, что я молод; может-быть, точно я еще ребенок, но это не мешает мне чувствовать мое призвание, желать делать добро и любить его.

«Как я вам писал уже, я нашел дела в неопisanном расстройстве. Желая их привести в порядок и вникнув в них, я открыл, что главное зло заключается в самом жалком, бедственном положении мужиков, и зло такое, которое можно исправить только трудом и терпением. Если б вы только могли видеть двух моих мужиков, Давида и Ивана, и жизнь, которую они ведут с своими семействами, я уверен, что один вид этих двух несчастных убедил бы вас больше, чем всё то, что я могу сказать вам, чтоб объяснить мое намерение. Не моя ли священная и прямая обязанность заботиться о счастье этих семисот человек, за которых я должен буду отвечать Богу? Не грех ли покинуть их на произвол грубых старост и управляющих, из-за планов наслаждения или честолюбия? И зачем искать в другой сфере случаев быть полезным и делать добро, когда мне открывается такая благородная, блестящая и ближайшая обязанность? Я чувствую себя способным быть хорошим хозяином; а для того чтоб быть им, как я разумею это слово, не нужно ни кандидатского диплома, ни чинов, которые вы так желаете для меня. Милая тётушка, не делайте за меня честолюбивых планов, привыкните к мысли, что я пошел по совершенно-особенной дороге, но которая хороша и, я чувствую, приведет меня к счастью. Я много и много передумал о своей будущей обязанности, написал себе правила действий, и, если только Бог даст мне жизни и сил, я успею в своем предприятии.

«Не показывайте письма этого брату Васе: я боюсь его насмешек; он привык первенствовать надо мной, а я привык подчиняться ему. Ваня если и не одобрит мое намерение, то поймет его».

Графиня отвечала ему следующим письмом, тоже переведенным здесь с французского:

«Твое письмо, милый Дмитрий, ничего мне не доказало, кроме того, что у тебя прекрасное сердце, в чем я никогда и не сомневалась. Но, милый друг, наши добрые качества больше вредят нам в жизни, чем дурные. Не стану говорить тебе, что ты делаешь глупость, что поведение твое огорчает меня, но постараюсь подействовать на тебя одним убеждением. Будем рассуждать, мой друг. Ты говоришь, что чувствуешь призвание к деревенской жизни, что хочешь сделать счастье своих крестьян и что надеешься быть добрым хозяином. 1) Я должна сказать тебе, что мы чувствуем свое призвание только тогда, когда уж раз ошибемся в нем; 2) что легче сделать собственное счастье, чем счастье других, и 3) что для того, чтоб быть добрым хозяином, нужно быть холодным и строгим человеком, чем ты едва ли когда-нибудь будешь, хотя и стараешься притворяться таким.

«Ты считаешь свои рассуждения непреложными и даже принимаешь их за правила в жизни; но в мои лета, мой друг, не верят в рассуждения и в правила, а верят только в опыт; а опыт говорит мне, что твои планы – ребячество. Мне уже под пятьдесят лет, и я много знавала достойных людей, но никогда не слыхивала, чтоб молодой человек с именем и способностями, под предлогом делать добро, зарылся в деревне. Ты всегда хотел казаться оригиналом, а твоя оригинальность не что иное, как излишнее самолюбие. И, мой друг! выбирай лучше торные дорожки: они ближе ведут к успеху, а успех, если уж ненужен для тебя как успех, то необходим для того, чтоб иметь возможность делать добро, которое ты любишь.

«Нищета нескольких крестьян – зло необходимое, или такое зло, которому можно

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
помочь, не забывая всех своих обязанностей к обществу, к своим родным и к самому себе. С твоим умом, с твоим сердцем и любовью к добродетели нет карьеры, в которой бы ты не имел успеха; но выбирай по крайней мере такую, которая бы тебя стоила и сделала бы тебе честь.

«Я верю в твою искренность, когда ты говоришь, что у тебя нет честолюбия; но ты сам обманываешь себя. Честолюбие – добродетель в твои лета и с твоими средствами; но она делается недостатком и пошлостью, когда человек уже не в состоянии удовлетворить этой страсти. И ты испытаешь это, если не изменишь своему намерению. Прощай, милый Митя. Мне кажется, что я тебя люблю еще больше за твой нелепый, но благородный и великодушный план. Делай, как знаешь, но, признаюсь, не могу согласиться с тобой».

Молодой человек, получив это письмо, долго думал над ним и, наконец решив, что и гениальная женщина может ошибаться, подал прошение об увольнении из университета и навсегда остался в деревне.

II.

У молодого помещика, как он писал своей тётке, были составлены правила действий по своему хозяйству, и вся жизнь и занятия его были распределены по часам, дням и месяцам. Воскресенье было назначено для приема просителей, дворовых и мужиков, для обхода хозяйства бедных крестьян и для подания им помощи с согласия мира, который собирался вечером каждое воскресенье и должен был решать, кому и какую помощь нужно было оказывать. В таких занятиях прошло более года, и молодой человек был уже не совсем новичок ни в практическом, ни в теоретическом знании хозяйства.

Было ясное июньское воскресенье, когда Нехлюдов, напившись кофею и пробежав главу «Maison Rustique»,¹ с записной книжкой и пачкой ассигнаций в кармане своего легонького пальто, вышел из большого с колоннадами и террасами деревенского дома, в котором занимал внизу одну маленькую комнатку, и по неочищенным, заросшим дорожкам старого английского сада направился к селу, расположенному по обеим сторонам большой дороги. Нехлюдов был высокий, стройный молодой человек с большими, густыми, вьющимися темнорусыми волосами, с светлым блеском в черных глазах, свежими щеками и румяными губами, над которыми только показывался первый пушок юности. Во всех движениях его и походке заметны были сила, энергия и добродушное самодовольство молодости. Крестьянский народ пестрыми толпами возвращался из церкви; старики, девки, дети, бабы с грудными младенцами, в праздничных одеждах, расходились по своим избам, низко кланяясь барину и обходя его. Войдя в улицу, Нехлюдов остановился, вынул из кармана записную книжку, и на последней, исписанной детским почерком странице прочел несколько крестьянских имен с отметками. Иван Чурисенок – просил сошек, прочел он и войдя в улицу, подошел к воротам второй избы справа.

Жилище Чурисенка составляли: полусгнивший, подопрелый с углов сруб, погнувшийся на-бок и вросший в землю так, что над самой навозной завалиной виднелись одно разбитое красное волоковое оконце с полуоторванным ставнем, и другое, волчье, заткнутое хлопком. Рубленные сени, с грязным порогом и низкой дверью, другой маленький срубец, еще древнее и еще ниже сеней, ворота и плетеная кость лепились около главной избы. Всё это было когда-то покрыто под одну неровную крышу; теперь же только на застрехе густо нависла черная, гниющая солома; наверху же местами видны были решетник и стропила. Перед двором был колодезь с развалившимся срубиком, остатком столба и колеса и с грязной, истоптанной скотиною лужей, в которой полоскались утки. Около колодца стояли две старые, треснувшие и надломленные ракиты, с редкими, бледно-зелеными ветвями. Под одной из этих ракит, свидетельствовавших о том, что кто-то и когда-то заботился об украшении этого места, сидела восьмилетняя белокурая девочка и заставляла ползать вокруг себя другую двухлетнюю девчонку. Дворной щенок, вилявший около них, увидав барина, опрометью бросился под ворота и залился оттуда испуганным, дребезжащим лаем.

– Дома ли Иван? – спросил Нехлюдов.

Старшая девочка как будто остолбенела при этом вопросе и начала всё более и более открывать глаза, ничего не отвечая; меньшая же открыла рот и собиралась плакать. Небольшая старушонка, в изорванной клетчатой панёве, низко подпоясанной стареньким, красноватым кушаком, выглядывала из-за двери и тоже ничего не отвечала. Нехлюдов подошел к сеням и повторил вопрос.

– Дома, кормилец, – проговорила дребезжащим голосом старушонка, низко кланяясь и вся приходя в какое-то испуганное волнение.

Когда Нехлюдов, поздоровавшись с ней, прошел через сени на тесный двор, старуха подперлась ладонью, подошла к двери и, не спуская глаз с барина, тихо стала покачивать головой. На дворе бедно; кое-где лежал старый, невоженный, почерневший навоз; на навозе беспорядочно валялись прелая колода, вилы и две бороны. Навесы вокруг двора, под которыми с одной стороны стояли соха, телега без колеса и лежала куча сваленных друг на друга, пустых, негодных пчелиных колодок, были почти все раскрыты, и одна сторона их обрушилась, так что спереди перемёты лежали уже не на сохах, а на навозе. Чурисенок топором и обухом выламывал плетень, который придавила крыша. Иван Чурис был мужик лет пятидесяти, ниже обыкновенного роста. Черты его загорелого, продолговатого лица, окруженного темнорусой с проседью бородою и такими же густыми волосами, были красивы и выразительны. Его темно-голубые, полузакрытые глаза глядели умно и добродушно-беззаботно. Небольшой правильный рот, резко обозначившийся из-под русских, редких усов, когда он улыбался, выражал спокойную уверенность в себе и несколько насмешливое равнодушие ко всему окружающему. По грубости кожи, глубоким морщинам, резкообозначенным жилам на шее, лице и руках, по неестественной сутуловатости и кривому, дугообразному положению ног видно было, что вся жизнь его прошла в непосильной, слишком тяжелой работе. Одежда его состояла из белых посконных порток, с синими заплатками на коленях, и такой же грязной, расползавшейся на спине и руках рубахи. Рубаха низко подпоясывалась тесемкой с висевшим на ней медным ключиком.

– Бог помощь! – сказал барин, входя на двор.

Чурисенок оглянулся и снова принялся за свое дело. Сделав энергическое усилие, он выпростал плетень из-под навеса и тогда только воткнул топор в колоду и, оправляя пояс, вышел на середину двора.

– С праздником, ваше сиятельство! – сказал он, низко кланяясь и встряхивая волосами.

– Спасибо, любезный. Вот пришел твое хозяйство проведать, – с детским дружелюбием и застенчивостью сказал Нехлюдов, оглядывая одежду мужика. – Покажи-ка мне, на что тебе сохи, которые ты просил у меня на сходке.

– Сошки-то? Известно, на что сошки, батюшка, ваше сиятельство. Хоть маломальски подпереть хотелось, сами изволите видеть; вот андысь угол завалился, еще помиловал Бог, что скотины в ту пору не было. Всё-то еле-еле висит, говорил Чурис, презрительно осматривая свои раскрытые, кривые и обрушенные сараи. – Теперь и стропила, и откосы, и перемёты только тронь, глядишь, дерева дельного не выйдет. А лесу где нынче возьмешь? сами изволите знать.

– Так на что ж тебе пять сошек, когда один сарай уже завалился, а другие скоро завалятся? Тебе нужны не сошки, а стропила, перемёты, столбы – всё новое нужно, – сказал барин, видимо щеголяя своим знанием дела.

Чурисенок молчал.

– Тебе, стало-быть, нужно лесу, а не сошек; так и говорить надо было.

– Вестимо нужно, да взять-то негде: не всё же на барский двор ходить! Коли нашему брату повадку дать к вашему сиятельству за всяким добром на барский двор кланяться, какие мы крестьяне будем? А коли милость ваша на то будет, на счет дубовых макушек, что на господском гумне так, без дела лежат, – сказал он кланяясь и переминаясь с ноги на ногу: – так, може, я, которые подменю, которые поурежу и из старого как-нибудь соорудю.

– Как же из старого? Ведь ты сам говоришь, что всё у тебя старо и гнило: нынче этот угол обвалился, вавтра тот, послезавтра третий; так уж ежели делать, так делать всё заново, чтоб не даром работа пропадала. Ты скажи мне, как ты думаешь, может твой двор простоять нынче зиму, или нет?

– А кто е знает!

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru

– Нет, ты как думаешь? завалится он, – или нет?

Чурис на минуту задумался.

– Должон весь завалится, – сказал он вдруг.

– Ну, вот видишь ли, ты бы лучше так и на сходке говорил, что тебе надо весь двор пристроить, а не одних сошек. Ведь я рад помочь тебе...

– Много довольны вашей милостью, – недоверчиво и не глядя на барина отвечал Чурисенок. – Мне хоть бы бревна четыре, да сошек пожаловали, так я, может, сам управлюсь; а который негодный лес выберется, так в избу на подпорки пойдет.

– А разве у тебя и изба плоха?

– Того и ждем с бабой, что вот-вот раздавит кого-нибудь, – равнодушно сказал Чурис. – Намедни и то накатина с потолка мою бабу убила!

– Как убила?

– Да так, убила, ваше сиятельство: – по спине как полыхнёт ее, так она до ночи замертво пролежала.

– Что ж, прошло?

– Прошло-то прошло, да всё хворает. Она точно и от-роду хворающая.

– Что ты, больна? – спросил Нехлюдов у бабы, продолжавшей стоять в дверях и тотчас же начавшей охать, как только муж стал говорить про нее.

– Всё вот тут не пускает меня, да и шабаш, – отвечала она, указывая на свою грязную, тощую грудь.

– Опять! – с досадой сказал молодой барин, пожимая плечами: – отчего же ты больна, а не приходила сказаться в больницу? Ведь для этого и больница заведена. Разве вам не повешали?

– Повешали, кормилец, да недосуг всё: и на барщину, и дома, и ребятишки – всё одна! Дело наше одинокое...

III.

Нехлюдов вошел в избу. Неровные, закопченные стены в черном углу были увешаны разным тряпьем и платьем, а в красном буквально покрыты красноватыми тараканами, собравшимися около образов и лавки. В середине этой черной, смрадной, шестиаршинной избёнки, в потолке была большая щель, и несмотря на то, что в двух местах стояли подпорки, потолок так погнулся, что, казалось, с минуты на минуту угрожал разрушением.

– Да, изба очень плоха, – сказал барин, всматриваясь в лицо Чурисенка, который, казалось, не хотел начинать говорить об этом предмете.

– Задавит нас, и ребятишек задавит, – начала слезливым голосом приговаривать баба, прислонившись к печи под полатями.

– Ты не говори! – строго сказал Чурис и с тонкой, чуть заметной улыбкой, обозначившейся под его пошевелившимися усами, обратился к барину: – и ума не приложу, что с ней делать, ваше сиятельство, с избой-то; и подпорки, и подкладки клал – ничего нельзя сделать!

– Как тут зиму зимовать? Ох-ох-о! – сказала баба.

– Оно, коли еще подпорки поставить, новый накатник настлать, – перебил ее муж, с спокойным, деловым выраженьем: – да кой-где перемёты переменить, так, может, как-нибудь пробьемся зиму-то. Прожить можно, только избу всю подпорками загородишь – вот что; а тронь ее, так щепки живой не будет; только поколи стоит, держится, – заключил он, видимо весьма довольный тем, что он сообразил это обстоятельство.

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru

Нехлюдову было досадно и больно, что Чурис довел себя до такого положения и не обратился прежде к нему, тогда как он, с самого своего приезда, ни разу не отказывал мужикам и только того добивался, чтоб все прямо приходили к нему за своими нуждами. Он почувствовал даже некоторую злобу на мужика, сердито пожал плечами и нахмурился; но вид нищеты, окружавшей его, и среди этой нищеты спокойная и самодовольная наружность Чуриса, превратили его досаду в какое-то грустное, безнадежное чувство.

– Ну, как же ты, Иван, прежде не сказал мне? – с упреком заметил он, садясь на грязную, кривую лавку.

– Не посмел, ваше сиятельство, – отвечал Чурис с той же чуть заметной улыбкой, переминаясь своими черными, босыми ногами по неровному земляному полу; но он сказал это так смело и спокойно, что трудно было верить, чтоб он не посмел прийти к барину.

– Наше дело мужицкое: как мы смеем!.. – начала-было, всхлипывая, баба.

– Ну, гуторь, – снова обратился к ней Чурис.

– В этой избе тебе жить нельзя; это вздор! – сказал Нехлюдов, помолчав несколько времени. – А вот что мы сделаем, братец...

– Слушаю-с, – отозвался Чурис.

– Видел ты каменные герардовские избы, что я построил на новом хуторе, что с пустыми стенами?

– Как не видать-с, – отвечал Чурис, открывая улыбкой свои еще целые, белые зубы: – еще не мало дивились, как клали-то их – мудрёные избы! Ребята смеялись, что не магази ли будут, от крыс в стены засыпать. Избы важные! – заключил он с выраженьем насмешливого недоумения, покачав головой: – остроги словно.

– Да, избы славные, сухие и теплые, и от пожара не так опасны, – возразил барин, нахмутив свое молодое лицо, видимо недовольный насмешкой мужика.

– Неспорно, ваше сиятельство, избы важные.

– Ну, так вот, одна изба уж совсем готова. Она десятиаршинная, с сенями, с клетью и совсем уж готова. Я ее, пожалуй, тебе отдам в долг за свою цену: ты когда-нибудь отдашь, – сказал барин с самодовольной улыбкой, которую он не мог удержать при мысли о том, что делает благодеяние. – Ты свою старую ломаешь, – продолжал он: – она на амбар пойдет; двор тоже перенесем. Вода там славная, огороды вырежу из новины, земли твои во всех трех клинах тоже там, под боком, вырежу. Отлично заживешь! Что ж, разве это тебе не нравится? – спросил Нехлюдов, заметив, что как только он заговорил о переселении, Чурис погрузился в совершенную неподвижность и уже не улыбаясь смотрел в землю.

– Воля вашего сиятельства, – отвечал он, не поднимая глаз.

Старушка выдвинулась вперед, как будто задетая за-живо и готовилась сказать что-то, но муж предупредил ее:

– Воля вашего сиятельства, – повторил он решительно и вместе с тем покорно, взглядывая на барина и встряхивая волосами: – а на новом хуторе нам жить не приходится.

– Отчего?

– Нет, ваше сиятельство, коли нас туда переселите, мы и здесь-то плохи, а там вам навек мужиками не будем. Какие мы там мужики будем? Да там и жить-то нельзя, воля ваша!

– Да отчего ж?

– Из последнего разоримся, ваше сиятельство.

– Отчего ж там жить нельзя?

– Какая же там жизнь? Ты посуди: место не жилое, вода неизвестная, выгона нету-ти. Конопляники у нас здесь искони навозные, а там что? Да и что там? голь! Ни плетней, ни овинов, ни сараев, ничего нету-ти. Разоримся мы, ваше сиятельство, коли нас туда погонишь, в конец разоримся! Место новое, неизвестное... – повторил он задумчиво, но решительно покачивая головой.

Нехлюдов стал-было доказывать мужику, что переселение, напротив, очень выгодно для него, что плетни и сараи там построят, что вода там хорошая, и т. д., но тупое молчание Чуриса смущало его, и он почему-то чувствовал, что говорит не так, как бы следовало. Чурисенок не возражал ему; но когда барин замолчал, он, слегка улыбнувшись, заметил, что лучше бы всего было поселить на этом хуторе стариков дворовых и Алёшу-дурачка, чтоб они там хлеб караулили.

– Вот бы важно-то было! – заметил он и снова усмехнулся. – Пустое это дело, ваше сиятельство!

– Да что ж что место нежилое? – терпеливо настаивал Нехлюдов: – ведь и здесь когда-то место было нежилое, а вот живут же люди: и там, вот, ты только первый поселись с легкой руки... Ты непременно поселись...

– И, батюшка, ваше сиятельство, как можно сличить! – с живостью отвечал Чурис, как будто испугавшись, чтоб барин не принял окончательного решения: – здесь на миру место, место веселое, обычное: и дорога и пруд тебе, белье что ли бабе стирать, скотину ли поить – и всё наше заведение мужицкое, тут искони заведенное, и гумно, и огородишка, и вёты – вот, что мои родители садили; и дед, и батюшка наши здесь Богу душу отдали, и мне только бы век тут свой кончить, ваше сиятельство, больше ничего не прошу. Буде милость твоя избу поправит – много довольны вашей милостью останемся; а нет, так и в старенькой своей век как-нибудь доживем. Заставь век Бога молить, – продолжал он, низко кланаясь: – не сгоняй ты нас с гнезда нашего, батюшка!..

В то время как Чурис говорил, под полатами, в том месте, где стояла его жена, слышны были всё усиливавшиеся и усиливавшиеся всхлипывания, и когда муж сказал: «батюшка», жена его неожиданно выскочила вперед и, в слезах, ударила в ноги барину.

– Не погуби, кормилец! Ты наш отец, ты наша мать! Куда нам селиться? Мы люди старые, одинокие. Как Бог, так и ты... – завопила она.

Нехлюдов вскочил с лавки и хотел поднять старуху, но она с каким-то сладострастьем отчаяния билась головой о земляной пол и отталкивала руку барина.

– Что ты! встань, пожалуйста! Коли не хотите, так не надо; я принуждать не стану, – говорил он, махая руками и отступая к двери.

Когда Нехлюдов сел опять на лавку, и в избе водворилось молчание, прерываемое только хныканьем бабы, снова удалившейся под полати и утиравшей там слезы рукавом рубахи, молодой помещик понял, что значила для Чуриса и его жены разваливающаяся избёнка, обвалившийся колодезь с грязной лужей, гниющие хлевушки, сарайчики и треснувшие вёты, видневшиеся перед кривым оконцем – и ему стало что-то тяжело, грустно, и чего-то совестно.

– Как же ты, Иван, не сказал при мире прошлое воскресенье, что тебе нужна изба? Я теперь не знаю, как помочь тебе. Я говорил вам всем на первой сходке, что я поселился в деревне и посвятил свою жизнь для вас; что я готов сам лишиться себя всего, лишь бы вы были довольны и счастливы – и я перед Богом клянусь, что сдержу свое слово, – говорил юный помещик, не зная того, что такого рода излияния неспособны возбуждать доверия ни в каком, и в особенности в русском человеке, любящем не слова, а дело, и неохотнике до выражения чувств, каких бы то ни было прекрасных.

Но простодушный молодой человек был так счастлив тем чувством, которое испытывал, что не мог не излить его.

Чурис погнул голову на сторону и, медленно моргая, с принужденным вниманием слушал своего барина, как человека, которого нельзя не слушать, хотя он и говорит вещи не совсем хорошие и совершенно до нас не касающиеся.

– Но ведь я не могу всем давать всё, что у меня просят. Еслиб я никому не отказывал, кто у меня просит леса, у меня самого скоро бы ничего не осталось, и я не мог бы дать тому, кто истинно нуждается. Затем-то я и отделил заказ, определил его для исправления крестьянского строения и совсем отдал миру. Лес этот теперь уж не мой, а ваш, крестьянский, и уже я им не могу распоряжаться, а распоряжается мир, как знает. Ты приходи нынче на сходку; я миру поговорю о твоей просьбе; коли он присудит тебе избу дать, так и хорошо, а у меня уж теперь лесу нет. Я от всей души желаю тебе помочь; но коли ты не хочешь переселиться, то дело уже не мое, а мирское. Ты понимаешь меня?

– Много довольны вашей милостью, – отвечал смущенный Чурис. – Коли на двор леску убогаторите, так мы и так поправимся. – Что мир? Дело известное...

– Нет, ты приходи.

– Слушаю. Я приду. Отчего не прийти? Только уж я у мира просить не стану.

IV.

Молодому помещику видно хотелось еще спросить что-то у хозяев; он не вставал с лавки и нерешительно поглядывал то на Чуриса, то в пустую, не топленную печь.

– Что, вы уж обедали? – наконец спросил он.

Под усами Чуриса обозначилась насмешливая улыбка, как будто ему смешно было, что барин делает такие глупые вопросы; он ничего не ответил.

– Какой обед, кормилец? – тяжело вздыхая, проговорила баба: – хлебушка поснедали – вот и обед наш. За сныткой нынче ходить неколи было, так и щец сварить не из чего, а что квасу было, так ребятам дала.

– Нынче пост голодный, ваше сиятельство, – вмешался Чурис, поясняя слова бабы: – хлеб да лук – вот и пища наша мужицкая. Еще слава-ти Господи, хлебушка-то у меня, по милости вашей, по сю пору хватило, а то сплошь у наших мужиков и хлеба-то нет. Луку ныне везде незарод. У Михайла-огородника ананысь посылали, за пучек по грошу берут, а покупать нашему брату неоткуда. С Пасхи почитай-что и в церкву Божью не ходим, и свечку Миколу купить не на что.

Нехлюдов уж давно знал не по слухам, не на веру к словам других, а на деле всю ту крайнюю степень бедности, в которой находились его крестьяне; но вся действительность эта была так несообразна со всем воспитанием его, складом ума и образом жизни, что он против воли забывал истину, и всякий раз, когда ему, как теперь, живо, осязательно напоминали ее, у него на сердце становилось невыносимо тяжело и грустно, как будто воспоминание о каком-то свершенном, неискупленном преступлении мучило его.

– Отчего вы так бедны? – сказал он, невольно высказывая свою мысль.

– Да каким же нам и быть, батюшка, ваше сиятельство, как не бедным? Земля наша какая – вы сами изволите знать: глина, бугры, да и то, видно, прогневили мы Бога, вот уж с холеры почитай хлеба не родит. Лугов и угодьев опять меньше стало: которые позаказали в экономию, которые тоже в барские поля попридрали. Дело мое одинокое, старое... где и рад бы похлопотал – сил моих нету. Старуха моя больная, что ни год, то девчонок рождает: ведь всех кормить надо. Вот один маюсь, а семь душ дома. Грешен Господу Богу, часто думаю себе: хоть бы прибрал которых Бог поскорее: и мне бы легче было, да и им-то лучше, чем здесь горе мыкать...

– О-ох! – громко вздохнула баба, как бы в подтверждение слов мужа.

– Вот моя подмога вся тут, – продолжал Чурис, указывая на белоголового, шаршавого мальчика лет семи, с огромным животом, который в это время, робко, тихо скрипнув дверью, вошел в избу и, уставив исподлобья удивленные глаза на барина, обеими ручонками держался за рубаху Чуриса. – Вот и подсобка моя вся тут, – продолжал звучным голосом Чурис, проводя своей шаршавой рукой по белым волосам ребенка: – когда его дождешься? а мне уж работа не в мочь. Старость бы еще ничего, да грыжа меня одолела. В ненастье хоть криком кричи, а ведь уж мне давно с тягла, в старики пора. Вон Ермилов, Демкин, Зябрев – все моложе меня, а уж давно земли посложили. Ну, мне сложить не на кого – вот беда моя. Кормиться

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
надо: вот и бьюсь, ваше сиятельство.

– Я бы рад тебя облегчить, точно. Как же быть? – сказал молодой барин, с участием глядя на крестьянина.

– Да как облегчить? Известное дело, коли землей владать, то и барщину править надо – уж порядки известные. Как-нибудь малого дождусь. Только будет милость ваша на счет училища его увольте; а то наемни земский приходил, тоже говорит, и его ваше сиятельство требует в училищу. Уж его-то увольте: ведь какой у него разум, ваше сиятельство? Он еще млад, ничего не смыслит.

– Нет, уж это, брат, как хочешь, – сказал барин: – мальчик твой уж может понимать, ему учиться пора. Ведь я для твоего же добра говорю. Ты сам посуди, как он у тебя подрастет, хозяином станет, да будет грамоте знать и читать будет уметь, и в церкви читать – ведь всё у тебя дома с Божьей помощью лучше пойдет, – говорил Нехлюдов, стараясь выразиться как можно понятнее и вместе с тем почему-то краснея и заминаясь.

– Неспорно, ваше сиятельство: – вы нам худа не желаете, да дома-то побыть некому: мы с бабой на барщине – ну а он, хоть и маленек, а всё подсобляет, и скотину загнать и лошадей напоить. Какой ни есть, а всё мужик, – и Чурисенок с улыбкой взял своими толстыми пальцами за нос мальчика и высморкал его.

– Всё-таки ты присылай его, когда сам дома, и когда ему время – слышишь? непременно.

Чурисенок тяжело вздохнул и ничего не ответил.

V.

– Да я еще хотел сказать тебе, – сказал Нехлюдов: – отчего у тебя навоз не вывезен?

– Какой у меня навоз, батюшка, ваше сиятельство! И возить-то нечего. Скотина моя какая? кобылёнка одна да жеребенок, а телушку осенью из телят дворнику отдал – вот и скотина моя вся.

– Так как же у тебя скотины мало, а ты еще телку из телят отдал? – с удивлением спросил барин.

– А чем кормить станешь?

– Разве у тебя соломы-то не достанет, чтоб корову прокормить? У других достает же.

– У других земли навозные, а моя земля глина одна, ничего не сделаешь.

– Так вот и навозь ее, чтоб не было глины; а земля хлеб родит, и будет чем скотину кормить.

– Да и скотины-то нету, так какой навоз будет?

«Это странный cercle vicieux»,² подумал Нехлюдов, но решительно не мог придумать, что посоветовать мужику.

– Опять и то сказать, ваше сиятельство, не навоз хлеб родит, а всё Бог, – продолжал Чурис. – Вот у меня летось на пресном осьминнике шесть копён стало, а с навозкой и крестца не собрали. Никто как Бог! – прибавил он со вздохом. – Да и скотина ко двору нейдет к нашему. Вот шестой год не живет. Летось, одна телка издохла, другую продал: кормиться нечем было; а в запрошлый год важная корова пала: пригнали из стада, ничего не было, вдруг зашаталась, зашаталась, и пар вон. Всё мое несчастье!

– Ну, братец, чтоб ты не говорил, что у тебя скотины нет оттого, что корму нет, а корму нет оттого, что скотины нет, вот тебе на корову, – сказал Нехлюдов, краснея и доставая из кармана шаровар скомканную пачку ассигнаций и разбирая ее: – купи себе на мое счастье корову, а корм бери с гумна – я прикажу. Смотри же, чтоб к будущему воскресенью у тебя была корова: я зайду.

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой to1stoy1eo.ru
Чурис так долго, с улыбкой переминаясь, не подвигал руку за деньгами, что Нехлюдов положил их на конец стола и покраснел еще больше.

– Много довольны вашей милостью, – сказал Чурис с своей обыкновенной, немного насмешливой улыбкой.

Старуха несколько раз тяжело вздохнула под полатями и как будто читала молитву.

Молодому барину стало неловко: он торопливо встал с лавки, вышел в сени и позвал за собой Чуриса. Вид человека, которому он сделал добро, был так приятен, что ему не хотелось скоро расстаться с ним.

– Я рад тебе помогать, – сказал он, останавливаясь у колодца: – тебе помогать можно, потому что, я знаю, ты не ленишься. Будешь трудиться – и я буду помогать: с Божиею помощью и поправишься.

– Уж не то, что поправиться, а только бы не совсем разориться, ваше сиятельство, – сказал Чурис, принимая вдруг серьезное, даже строгое выражение лица, как будто весьма недовольный предположением барина, что он может поправиться. – Жили при бакче с братьями, ни в чем нужды не видали; а вот как помер он, да как разошлись, так всё хуже да хуже пошло. Всё одиночество!

– Зачем же вы разошлись?

– Всё из-за баб вышло, ваше сиятельство. Тогда уже дедушки вашего не было, а то при нем бы не посмели: тогда настоящие порядки были. Он так же, как и вы, до всего сам доходил – и думать бы не смели расходиться. Не любил покойник мужикам повадку давать; а нами после вашего дедушки заведывал Андрей Ильич – не тем будь помянут – человек был пьяный, необстоятельный. Пришли к нему проситься раз, другой – нет, мол, житья от баб, позволь разойтись; ну, подрал, подрал, а наконец, тому делу вышло, всё-таки поставили бабы на своем, врозь стали жить; а уж одинокий мужик известно какой! Ну да и порядков-то никаких не было: орудовал нами Андрей Ильич, как хотел. «Чтоб было у тебя всё», а из чего мужику взять, того не спрашивал. Тут подушные прибавили, столовый запас тоже собирать больше стали, а земель меньше стало, и хлеб рожать перестал. Ну, а как межовка пришла, да как он у нас наши навозные земли в господский клин отрезал, злодей, и порешил нас совсем, хоть помирай! Батюшка ваш – царство небесное – барин добрый был, да мы его и не видали почитай: всё в Москве жил; ну, известно, и подводки туда чаще гонять стали. Другой раз распутица, кормов нет, а вези. Нельзя ж и барину без того. Мы этим обижаться не смеем; да порядков не было. Как теперь ваша милость до своего лица всякого мужичка допускаете, так и мы другие стали, и приказчик-то другой человек стал. Мы теперь знаем хоша, что у нас барин есть. И уж и сказать нельзя, как мужички твоей милости благодарны. А то в опеку настоящего барина не было; всякий барин был: и опекун барин, и Ильич барин, и жена его барыня, и писарь из стану тот же барин. Тут-то много – ух! много горя приняли мужички!

Опять Нехлюдов испытал чувство, похожее на стыд или угрызение совести. Он приподнял шляпу и пошел дальше.

VI.

«Юхванка-Мудреный хочет лошадь продать» прочел Нехлюдов в записной книжечке и перешел чрез улицу, ко двору Юхванки-Мудреного. Юхванкина изба была тщательно покрыта соломой с барского гумна и срублена из свежего светлосерого осинового леса (тоже из барского заказа), с двумя выкрашенными красными ставнями у окон и крыльчком с навесом и с затейливыми, вырезанными из тесин перильцами. Сенцы и холодная изба были тоже исправные; но общий вид довольства и достатка, который имела эта связь, нарушался несколько пригороженной к воротцам клетью с недоплетенным забором и раскрытым навесом, видневшимся из-за нее. В то самое время, как Нехлюдов подходил с одной стороны к крыльцу, с другой подходили две крестьянские женщины с полным ушатом. Одна из них была жена, другая мать Юхванки-Мудреного. Первая была плотная, румяная баба, с необыкновенно-развитой грудью и широкими, мясистыми скулами. На ней была чистая, шитая на рукавах и воротнике рубаха, такая же занавеска, новая понёва, коты, бусы и вышитая красной бумагой и блестками, четвероугольная, щегольская кичка.

Конец водоноса не покачивался, а плотно лежал на ее широком и твердом плече. Легкое напряжение, заметное в красном лице ее, в изгибе спины и мерном движении рук и ног, выказывали в ней необыкновенное здоровье и мужскую силу. Юхванкина

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой to1stoy1eo.ru
мать, несшая другой конец водоноса, была, напротив, одна из тех старух, которые кажутся дошедшими до последнего предела старости и разрушения в живом человеке. Костлявый остов ее, на котором надета была черная, изорванная рубаха и бесцветная панёва, был согнут, так что водонос лежал больше на спине, чем на плече ее. Обе руки ее, с искривленными пальцами, которыми она, как будто ухватившись, держалась за водонос, были какого-то темнобурого цвета и, казалось, не могли уж разгибаться; понурая голова, обвязанная каким-то тряпьем, носила на себе самые уродливые следы нищеты и глубокой старости. Из-под узкого лба, изрытого по всем направлениям глубокими морщинами, тускло смотрели в землю два красные глаза, лишённые ресниц. Один желтый зуб выказывался из-под верхней впалой губы и, беспрестанно шевелясь, сходился иногда с острым подбородком. Морщины на нижней части лица и горла похожи были на какие-то мешки, качавшиеся при каждом движении. Она тяжело и хрипло дышала; но босые, искривленные ноги, хотя, казалось, чрез силу волочась по земле, мерно двигались одна за другою.

VII.

Почти столкнувшись с барином, молодая баба, бойко составила ушат, потупилась, поклонилась, потом блестящими глазами исподлобья взглянула на барина и, стараясь рукавом вышитой рубашки скрыть легкую улыбку, постукивая котами взбежала на сходцы.

– Ты, матушка, водонос-то тётке Настасье отнеси, – сказала она, останавливаясь в двери и обращаясь к старухе.

Скромный молодой помещик строго, но внимательно посмотрел на румяную бабу, нахмурился и обратился к старухе, которая, выпростав корявыми пальцами водонос, взвалила его на плечи и покорно направилась-было к соседней избе.

– Дома сын твой? – спросил барин.

Старуха, согнув еще более свой согнутый стан, поклонилась и хотела сказать что-то, но, приложив руки ко рту, так закашлялась, что Нехлюдов, не дождаввшись, вошел в избу. Юхванка, сидевший в красном углу на лавке, увидев барина, бросился к печи, как будто хотел спрятаться от него, поспешно сунул на полати какую-то вещь и, подергивая ртом и глазами, прижался около стены, как будто давая дорогу барину. Юхванка был русский парень, лет тридцати, худощавый, стройный, с молодой, остренькой бородкой, довольно красивый, если не бегающие карие глазки, неприятно выглядывавшие из-под сморщенных бровей, и не недостаток двух передних зубов, который тотчас бросался в глаза, потому что губы его были коротки и беспрестанно шевелились. На нем была праздничная рубаха с ярко-красными ластовиками, полосатые, набойчатые портки и тяжелые сапоги с сморщенными голенищами. Внутренность избы Юхванки не была так тесна и мрачна, как внутренность избы Чурисы, хотя в ней так же было душно, пахло дымом и тулупом, и так же беспорядочно было раскинута мужицкое платье и утварь. Две вещи здесь как-то странно останавливали внимание: небольшой погнутый самовар, стоявший на полке, и черная рамка с остатком грязного стекла и портретом какого-то генерала в красном мундире, висевшая около икон. Нехлюдов, недружелюбно посмотрев на самовар, на портрет генерала и на полати, на которых торчал из-под какой-то веточки конец трубки в медной оправе, обратился к мужику.

– Здравствуй, Епифан, – сказал он, глядя ему в глаза.

Епифан поклонился, пробормотал: «здравия желаем, васясо», особенно-нежно выговаривая последнее слово, и глаза его мгновенно обежали всю фигуру барина, избу, пол и потолок, не останавливаясь ни на чем; потом он торопливо подошел к полатам, стащил оттуда зипун и стал надевать его.

– Зачем ты одеваешься? – сказал Нехлюдов, садясь на лавку и видимо стараясь как можно строже смотреть на Епифана.

– Как же, помилуйте, васясо, разве можно? Мы, кажется, можем понимать...

– Я зашел к тебе узнать, зачем тебе нужно продать лошадь, и много ли у тебя лошадей, и какую ты лошадь продать хочешь? – сухо сказал барин, видимо повторяя приготовленные вопросы.

– Мы много довольны вашему сясу, что не побрезгали зайти ко мне, к мужику, – отвечал Юхванка, бросая быстрые взгляды на портрет генерала, на печку, на сапоги

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой to1stoy1eo.ru
барина и на все предметы, исключая лица Нехлюдова: – мы всегда за вашего сяса Богу молим...

– Зачем тебе лошадь продать? – повторил Нехлюдов, возвышая голос и прокашливаясь.

Юхванка вздохнул, встряхнул волосами (взгляд его опять обежал избу) и, заметив кошку, которая спокойно мурлыкала, лежа на лавке, крикнул на нее «брысь, подлая» и торопливо оборотился к барину. – Лошадь, которая, васясо, негодная... Коли бы животное добрая была, я бы продавать не стал, васясо...

– А сколько у тебя всех лошадей?

– Три лошади, васясо.

– А жеребят нет?

– Как можно-с, васясо! И жеребенок есть.

VIII.

– Пойдем, покажи мне своих лошадей; они у тебя на дворе?

– Так точно-с, васясо; как мне приказано, так и сделано, васясо. Разве мы можем послушаться вашего сяса? Мне приказал Яков Ильич, чтоб, мол, лошадей завтра в поле не пущать: князь смотреть будут, мы и не пущали. Уж мы не смеем послушаться вашего сяса.

Покуда Нехлюдов выходил в двери, Юхванка достал трубку с полатей и закинул ее за печку; губы его всё так же беспокойно передергивались и в то время, как барин не смотрел на него.

Худая сивая кобыленка перебирала под навесом прелую солому; двухмесячный длинноногий жеребенок какого-то неопределенного цвета, с голубоватыми ногами и мордой, не отходил от ее тощего засоренного репьями хвоста. Посередине двора, зажмурившись и задумчиво опустив голову, стоял утробистый гнедой меренок, с виду хорошая мужицкая лошадка.

– Так тут все твои лошади?

– Никак нет-с, васясо; вот еще кобылка, да вот жеребеночек, – отвечал Юхванка, указывая на лошадей, которых барин не мог не видеть.

– Я вижу. Так какую же ты хочешь продать?

– А вот евту-с, васясо, – отвечал он, махая полой зипуна на задремавшего меренка и беспрестанно мигая и передергивая губами. Меренок открыл глаза и лениво повернулся к нему хвостом.

– Он не старый на вид и собой лошадка плотная, – сказал Нехлюдов. – Поймай-ка его да покажи мне зубы. Я узнаю, стара ли она.

– Никак невозможно поймать-с одному, васясо. Вся скотина гроша не стоит, а норовистая – и зубом и передом, васясо, – отвечал Юхванка, улыбаясь очень весело и пуская глаза в разные стороны.

– Что за вздор! Поймай, тебе говорят.

Юхванка долго улыбался, переминался, и только тогда, когда Нехлюдов сердито крикнул: «Ну! что ж ты?» бросился под навес, принес оброт и стал гоняться за лошадью, пугая ее и подходя сзади, а не спереди.

Молодому барину видимо надоело смотреть на это, да и хотелось, может-быть, показать свою ловкость. – Дай сюда оброт! – сказал он.

– Помилуйте! как можно васясу? не извольте...

Но Нехлюдов прямо с головы подошел к лошади и, вдруг ухватив ее за уши, пригнул к земле с такой силой, что меренок, который, как оказывалось, была очень смиренная

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой to1stoy1eo.ru
мужицкая лошадка, зашатался и захрипел, стараясь вырваться. Когда Нехлюдов заметил, что совершенно напрасно было употреблять такие усилия, и взглянул на Юхванку, который не переставал улыбаться, ему пришла в голову самая обидная в его лета мысль, что Юхванка смеется над ним и мысленно считает его ребенком. Он покраснел, выпустил уши лошади и, без помощи оброта открыв ей рот, посмотрел в зубы: клыки были целы, чашки полные, что всё уже успел выучить молодой хозяин: стало-быть, лошадь молодая.

Юхванка в это время отошел к навесу и, заметив, что борона лежала не на месте, поднял ее и, прислонив к плетню, поставил стоймя.

– Поди сюда! – крикнул барин с детски-раздосадованным выражением в лице и чуть не с слезами досады и злобы в голосе. – Что, эта лошадь старая?

– Помилуйте, васясо, очень стара, годов двадцать будет... которая лошадь...

– Молчать! Ты лгун и негодяй, потому что честный мужик не станет лгать: ему нёзачем! – сказал Нехлюдов, задыхаясь от гневных слез, которые подступали ему к горлу. Он замолчал, чтоб не осрамиться, расплакавшись при мужике. Юхванка тоже молчал и с видом человека, который сейчас заплачет, посапывал носом и слегка подергивал головой. – Ну, на чем же ты выедешь пахать, когда продашь эту лошадь? – продолжал Нехлюдов, успокоившись достаточно, чтоб говорить обыкновенным голосом: – тебя нарочно посылают на пешие работы, чтоб ты поправлялся лошадьми к пахоте, а ты последнюю хочешь продать? а главное, зачем ты лжешь?

Как только барин успокоился, и Юхванка успокоился. Он стоял прямо и, всё так же передергивая губами, перебежал глазами от одного предмета к другому.

– Мы вашему сясу, – отвечал он: – не хуже других на работу выедем.

– Да на чем же ты выедешь?

– Уж будьте покойны, вашего сяса работу справим, – отвечал он, нукая на мерина и отгоняя его. – Коли бы не нужны деньги, то стал бы, разве, продавать?

– Зачем же тебе нужны деньги?

– Хлеба нету-ти ничего, васясо, да и долги отдать мужичкам надо-ти, васясо.

– Как хлеба нету? Отчего же у других, у семейных еще есть, а у тебя, бессемейного, нету? Куда ж он девался?

– Ели, вашего сияса, а теперь ни крохи нет. Лошадь я к осени куплю, васясо.

– Лошади продавать и думать не смей!

– Что ж, васясо, коли так, то какая же наша жизнь будет? и хлеба нету, и продать ничего не смей, – отвечал он совсем на сторону, передергивая губы и кидая вдруг дерзкий взгляд прямо на лицо барина: – значит, с голоду помирать надо.

– Смотри, брат! – закричал Нехлюдов, бледнея и испытывая злобное чувство личности против мужика: – таких мужиков, как ты, я держать не стану. Тебе дурно будет.

– На то воля вашего сясо, – отвечал он, закрывая глаза с притворно-покорным выраженьем: – коли я вам не заслужил. А, кажется, за мной никакого пороку незамечено. Известно, уж коли я вашему сиясу не полюбился, то всё в воле вашей состоит; только не знаю, за что я страдать должен.

– А вот за что: за то, что у тебя двор раскрыт, навоз не запахан, плетни поломаны, а ты сидишь дома да трубку куришь, а не работаешь; за то, что ты своей матери, которая тебе всё хозяйство отдала, куска хлеба не даешь, позволяешь ее своей жене бить и доводишь до того, что она ко мне жаловаться приходила.

– Помилуйте, ваше сиясо, я и не знаю, какие эти трубки бывают, – смущенно отвечал Юхванка, которого, видно, преимущественно оскорбило обвинение в курении трубки. – Про человека всё сказать можно.

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru

– Вот ты опять лжешь! Я сам видел...

– Как я смею лгать вашему сиясу!

Нехлюдов замолчал и, кусая губу, стал ходить взад и вперед по двору. Юхванка, стоя на одном месте, не поднимая глаз, следил за ногами барина.

– Послушай, Епифан, – сказал Нехлюдов детски-кротким голосом, останавливаясь перед мужиком и стараясь скрыть свое волнение: – этак жить нельзя, и ты себя погубишь. Подумай хорошенько. Если ты мужиком хорошим хочешь быть, так ты свою жизнь перемени, оставь свои привычки дурные, не лги, не пьянствуй, уважай свою мать. Ведь я про тебя всё знаю. Занимайся хозяйством, а не тем, чтоб казенный лес воровать да в кабаки ходить. Подумай, что тут хорошего! Коли тебе в чем-нибудь нужда, то приходи ко мне, попроси прямо, что нужно и зачем, и не лги, а всю правду скажи, и тогда я тебе не откажу ни в чем, что только могу сделать.

– Помилуйте, васясо, мы, кажется, можем понимать вашего сяса! – отвечал Юхванка, улыбаясь, как будто вполне понимая всю прелесть шутки барина.

Эта улыбка и ответ совершенно разочаровали Нехлюдова в надежде тронуть мужика и увещаниями обратить на путь истинный. Притом ему всё казалось, что неприлично ему, имеющему власть, усовещивать своего мужика, и что всё, что он говорит, совсем не то, что следует говорить. Он грустно опустил голову и вышел в сени. На пороге сидела старуха и громко стонала, как казалось, в знак сочувствия словам барина, которые она слышала.

– Вот вам на хлеб, – сказал ей на ухо Нехлюдов, кладя в руку ассигнацию: – только сама покупай, а не давай Юхванке, а то он пропьет.

Старуха костлявой рукой ухватилась за притолку, чтоб встать, и собралась благодарить барина; голова ее закачалась, но Нехлюдов уже был на другом конце улицы, когда она встала.

IX.

«Давыдка Белый просил хлеба и колья», значилось в записной книжке после Юхвана.

Пройдя несколько дворов, Нехлюдов, при повороте в переулок, встретился с своим приказчиком, Яковом Алпатычем, который, издали увидев барина, снял клеёнчатую фуражку и, достав фуляровый платок, стал обтирать толстое, красное лицо.

– Надень, Яков! Яков, надень же, я тебе говорю...

– Где изволили быть, ваше сиятельство? – спросил Яков, защищаясь фуражкой от солнца, но не надевая ее.

– Был у Мудреного. Скажи, пожалуйста, отчего он такой сделался? – сказал барин, продолжая идти вперед по улице.

– А что, ваше сиятельство? – отозвался управляющий, который в почтительном расстоянии следовал за бариним и, надев фуражку, расправлял усы.

– Как что? он совершенный негодяй, лентяй, вор, лгун, мать свою мучит, и как видно, такой закоренелый негодяй, что никогда не исправится.

– Не знаю, ваше сиятельство, что он вам так не показался...

– И жена его, – перебил барин управляющего: – кажется, прегадкая женщина. Старуха хуже всякой нищей одета, есть нечего, а она разряженная, и он тоже. Что с ним делать – я решительно не знаю.

Яков заметно смутился, когда Нехлюдов заговорил про жену Юхванки.

– Что ж, коли он так себя попустил, ваше сиятельство, начал он: – то надо меры изыскать. Он точно в бедности, как и все одинокие мужики, но он всё-таки себя сколько-нибудь наблюдает, не так, как другие. Он мужик умный, грамотный и, ничего, честный, кажется, мужик. При сборе подушных он всегда ходит. И старостой при моем уж управлении три года ходил, тоже ничем не замечен. В третьем году опекуну угодно было его посадить, так он и на тягле исправен был. Нешто как в

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
городу на почте живал, то хмелем немного позашибется, так надо меры изыскать. Бывало, зашалит, постращаешь – он опять в свой разум приходит: и ему хорошо, и в семействе лад; а как вам неугодно, значит, эти меры употреблять, то уж я и не знаю, что с ним будем делать. Он точно себя очень попустил. В солдаты опять не годится, потому, как изволили заметить, двух зубов нет. Да и не он один, осмелюсь вам доложить, что совершенно страху не имеют...

– Уж это оставь, Яков, – отвечал Нехлюдов, слегка улыбаясь: – про это мы с тобой говорили и переговорили. Ты знаешь как я об этом думаю, и что ты мне ни говори, я всё так же буду думать.

– Конечно, ваше сиятельство, вам это всё известно, – сказал Яков, пожимая плечами и глядя сзади на барина так, как-будто то, что он видел, не обещало ничего хорошего. – А что насчет старухи вы изволите беспокоиться, то это напрасно, – продолжал он: – оно, конечно, что она сирот воспитала, вскормила и женила Юхвана, и всё такое; но ведь это вообще в крестьянстве, когда мать или отец сыну хозяйство передали, то уж хозяин сын и сноха, а старуха уж должна свой хлеб зарабатывать по силе по мочи. Они, конечно, тех чувств нежных не имеют, но уж в крестьянстве вообще так ведется. То и осмелюсь вам доложить, что напрасно старуха вас трудилась. Она старуха умная и хозяйка; да что ж господина из-за всего беспокоить? Ну, поссорилась с снохой, та, может-быть, ее и толкнула – бабье дело! и помирились бы опять, чем вас беспокоить. Уж вы и так слишком всё изволите к сердцу принимать, – говорил управляющий с некоторой нежностью и снисходительностью глядя на барина, который молча большими шагами шел перед ним вверх по улице.

– Домой изволите? – спросил он.

– Нет, к Давыдке Белому, или Козлу... как он прозывается?

– Вот тоже, ляд-то, доложу вам. Уж эта вся порода Козлов такая. Чего-чего с ним не делал – ничто не берет. Вчера по полю крестьянскому проехал, а у него и гречиха не посеяна; что прикажете делать с таким народцом? Хоть бы старик-то сына учил, а то такой же ляд: ни на себя, ни на барщину, всё как через пень колоду валит. – Уж что-что с ним не делали и опекун и я: и в стан посылали, и дома наказывали – вот что вы не изволите любить...

– Кого? не-уже-ли старика?

– Старика-с. Опекун сколько раз, и при всей сходке, наказывал, так верите ли, ваше сиятельство? хоть бы те что: встряхнется, пойдет, и всё то же. И ведь Давыдка, доложу вам, мужик смирный, и неглупый мужик, и не курит – не пьет, то есть, – объяснил Яков: – а вот хуже пьяного другого. Одно, что в солдаты коли выйдет или на поселенье, больше делать нечего. Эта вся уж порода Козлов такая: и Матрешка, что в черной живет, тоже ихней семьи, такая же ляд проклятый. Так я вам не нужен, ваше сиятельство? – прибавил управляющий, замечая, что барин не слушает его.

– Нет, ступай, – рассеянно отвечал Нехлюдов и направился к Давыдке Белому.

Давыдкина изба криво и одиноко стояла на краю деревни. Около нее не было ни двора, ни овина, ни амбара; только какие-то грязные хлевушки для скотины лепились с одной стороны; с другой стороны кучею навалены были приготовленные для двора хворост и бревна. Высокий зеленый бурьян рос на том месте, где когда-то был двор. Никого, кроме свиньи, которая, лежа в грязи, визжала у порога, не было около избы.

Нехлюдов постучал в разбитое окно; но так как никто не отозвался ему, он подошел к сеням и крикнул: «хозяева!» И на это никто не откликнулся. Он прошел сени, заглянул в пустые хлевушки и вошел в отворенную избу. Старый красный петух и две курицы, подергивая ожерельями и постукивая ногтями, расхаживали по полу и лавкам. Увидев человека, они с отчаянным кудахтаньем, распутив крылья, забились по стенам, и одна из них вскочила на печку. Шестиаршинную избенку всю занимали печь с разломанной трубой, ткацкий стан, который, несмотря на летнее время, не был вынесен, и почерневший стол с выгнутою, треснувшей доскою.

Хотя на дворе было сухо, однако у порога стояла грязная лужа, образовавшаяся в прежний дождь от течи в потолке и крыше. Полатей не было. Трудно было подумать,

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
чтоб место это было жилое – такой решительный вид запустения и беспорядка носила на себе как наружность, так и внутренность избы; однако, в этой избе жил Давыдка Белый со всем своим семейством. В настоящую минуту, несмотря на жар июньского дня, Давыдка, свернувшись с головой в полушубок, крепко спал, забившись в угол печи. Испуганная курица, вскочившая на печь и еще не успокоившаяся от волнения, расхаживая по спине Давыдки, не разбудила его.

Не видя никого в избе, Нехлюдов хотел уже выйти, как протяжный, влажный вздох изобличил хозяина.

– Эй! кто тут? – крикнул барин.

С печки послышался другой протяжный вздох.

– Кто там? Поди сюда!

Еще вздох, мычанье и громкий зевок отозвались на крик барина.

– Ну, что ж ты?

На печи медленно зашевелилось, показалась пола истертого тулупа; спустилась одна большая нога в изорванном лапте, потом другая, и наконец показалась вся фигура Давыдки Белого, сидевшего на печи и лениво и недовольно большим кулаком протиравшего глаза. Медленно нагнув голову, он, зевая, взглянул в избу и, увидев барина, стал поворачиваться немного скорее, чем прежде, но всё еще так тихо, что Нехлюдов успел раза три пройти от лужи к ткацкому стану и обратно, а Давыдка всё еще слезал с печи. Давыдка Белый был действительно белый: и волоса, и тело, и лицо его – всё было чрезвычайно бело. Он был высок ростом и очень толст, но толст, как бывают мужики, то есть не животом, а телом. Толщина его, однако, была какая-то мягкая, нездоровая. Довольно красивое лицо его, с светло-голубыми, спокойными глазами и с широкой, окладистой бородой, носило на себе отпечаток болезненности. На нем не было заметно ни загара, ни румянца; оно всё было какого-то бледного, желтоватого цвета, с легким лиловым оттенком около глаз, и как будто всё заплывало жиром или распухло. Руки его были пухлы, желтоваты, как руки людей больных водяною, и покрыты тонкими белыми волосами. Он так разоспался, что никак не мог совсем открыть глаз и стоять не пошатываясь и не зевая.

– Ну, как же тебе не совестно, – начал Нехлюдов: – середь белого дня спать, когда тебе двор строить надо, когда у тебя хлеба нет?..

Как только Давыдка опомнился от сна и стал понимать, что перед ним стоит барин, он сложил руки под живот, опустил голову, склонив ее немного на бок, и не двигался ни одним членом. Он молчал; но выражение лица его и положение всего тела говорило: «Знаю, знаю; уж мне не первый раз это слышать. Ну бейте же; коли так надо – я снесу». Он, казалось, желал, чтоб барин перестал говорить, а поскорее прибил его, даже больно прибил по пухлым щекам, но оставил поскорее в покое. Замечая, что Давыдка не понимает его, Нехлюдов разными вопросами старался вывести мужика из его покорно терпеливого молчания.

– Для чего же ты просил у меня лесу, когда он у тебя вот уж целый месяц лежит и самое свободное время так лежит – а?

Давыдка упорно молчал и не двигался.

– Ну, отвечай же!

Давыдка промывал что-то и моргнул своими белыми ресницами.

– Ведь надо работать, братец: без работы что же будет? Вот теперь у тебя хлеба уж нет, а всё это отчего? Оттого, что у тебя земля дурно вспахана, да не передвоена, да не во-время засеяна – всё от лени. Ты просить у меня хлеба: ну, положим, я тебе дам, потому что нельзя тебе с голоду умирать, да ведь этак делать не годится. Чей хлеб я тебе дам? как ты думаешь, чей? Ты отвечай: чей хлеб я тебе дам? – упорно допрашивал Нехлюдов.

– Господский, – пробормотал Давыдка, робко и вопросительно поднимая глаза.

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru

– А господский-то откуда? рассуди-ка сам, кто под него вспахал? заскородил? кто его посеял, убрал? – мужички? так? Так вот видишь ли: уж если раздавать хлеб господский мужикам, так надо раздавать тем больше, которые больше за ним работали, а ты меньше всех – на тебя и на барщине жалуются – меньше всех работал, а больше всех господского хлеба просишь. За что же тебе давать, а другим нет? Ведь коли бы все, как ты, на боку лежали, так мы давно все бы на свете с голоду умерли. Надо, братец, трудиться, а это дурно – слышишь, Давыд?

– Слушаю-с, – медленно пропустил он сквозь зубы.

Х.

В это время мимо окна мелькнула голова крестьянской женщины, несшей полотно на коромысле, и чрез минуту в избу вошла давидкина мать, высокая женщина лет пятидесяти, весьма свежая и живая. Изрытое рябинами и морщинами лицо ее было некрасиво, но прямой, твердый нос, сжатые, тонкие губы и быстрые серые глаза выражали ум и энергию. Угловатость плеч, плоскость груди, сухость рук и развитие мышц на черных, босых ногах ее свидетельствовали о том, что она уже давно перестала быть женщиной и была только работником. Она бойко вошла в избу, притворила дверь, обдернула панёву и сердито взглянула на сына. Нехлюдов что-то хотел сказать ей, но она отвернулась от него и начала креститься на выглядывавшую из-за ткацкого стана черную деревянную икону. Окончив это дело, она оправила грязный клетчатый платок, которым была повязана голова ее, и низко поклонилась барину.

– С праздником Христовым, ваше сиятельство, – сказала она: – спаси тебя Бог, отец ты наш...

Увидав мать, Давыдка заметно смутился, согнул несколько спину и еще ниже опустил шею.

– Спасибо, Арина, – отвечал Нехлюдов. – Вот я сейчас с твоим сыном говорил о вашем хозяйстве.

Арина, или как ее прозвали мужики еще в девках, Аришка-Бурлак, подперла подбородок кулаком правой руки, которая опиралась на ладонь левой, и, не дослушав барина, начала говорить так резко и звонко, что вся изба наполнилась звуком ее голоса, и со двора могло показаться, что вдруг говорят несколько бабьих голосов.

– Чего, отец ты мой, чего с ним говорить! Ведь он и говорить-то не может как человек. Вот он стоит, олух, – продолжала она, презрительно указывая головой на жалкую, массивную фигуру Давыдки. – Какое мое хозяйство, батюшка, ваше сиятельство? Мы голь; хуже нас во всей слободе у тебя нет: ни на себя, ни на барщину – срам! А всё он довел. Родили, кормили, поили, не чаяли дожидаться парня. Вот и дождался: хлеб лопают, а работы от него, как от прелой, вон той, колоды. Только знает на печи лежать, либо вот стоит, башку свою дурацкую скребет, – сказала она, передразнивая его. – Хоть бы ты его, отец, пострадал бы, что ли. Уж я сама прошу: накажи ты его ради Господа Бога, в солдаты ли – один конец. Мочи моей с ним не стало – вот что.

– Ну, как тебе не грешно, Давыдка, доводить до этого свою мать? – сказал Нехлюдов, с укоризной обращаясь к мужику.

Давыдка не двигался.

– Ведь добро бы мужик хворый был, – с тою же живостью и теми же жестами продолжала Арина: – а то ведь только смотреть на него, ведь словно боров с мельницы раздулся. Есть, кажись, чему бы работать, гладух какой! Нет, вот пропадает на печи лодырем. Возьмется за что, так не глядели бы мои глаза: коли поднимется, коли передвинется, коли что, – говорила она, растягивая слова и неуклюже поворачивая с боку на бок своими угловатыми плечами. – Ведь вот нынче, старик сам за хворостом в лес уехал, а ему наказал ямы копать: так нет вот, и лопаты в руки не брал... (на минуту она замолчала)... Загубил он меня, сироту! – взвизгнула она вдруг, размахнув руками и с угрожающим жестом подходя к сыну. – Гладкая твоя морда лядащая, прости Господи! (Она презрительно и вместе отчаянно отвернулась от него, плюнула и снова обратилась к барину с тем же одушевлением и, с слезами на глазах, продолжая размахивать руками). Ведь всё одна, кормилец. Старик-от мой хворый, старый, да и тоже проку в нем нет, а я всё одна да одна.

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru

Камень и тот треснет. Хоть бы помереть, так легче было б: один конец. Заморил он меня, подлец! Отец ты наш! мочи моей уж нет! Невестка с работы извелась – и мне то же будет.

XI.

– Как извелась? – недоверчиво спросил Нехлюдов.

– С натуги, кормилец, как Бог свят, извелась. Взяли мы ее за прошлый год из Бабурина, – продолжала она, вдруг переменяя свое озлобленное выражение на слезливое и печальное: – ну, баба была молодая, свежая, смиренная, родная. Дома-то у отца, за золовками, в хосе жила, нужды не видала, и как к нам поступила, как нашу работу узнала – и на барщину, и дома, и везде. Она да я – только и было. Мне что? я баба привычная, она же в тяжести была, отец ты мой, да горе стала терпеть; а всё через силу работала – ну, и надорвалась, сердечная. Летось, петровками, еще на беду мальчишку родила, а хлебушка не было, кой-что, кой-что ели, отец ты мой, работа же спешная подошла – у ней груди и пересохни. Детенок первенький был, коровёнки нету-ти, да и дело наше мужицкое: где уж рожком выкормишь; ну известно, бабья глупость, она этим пуще убиваться стала. А как детенок помер, уж она с той кручины выла-выла, голосила-голосила, да нужда, да работа, всё хуже да хуже: так извелась в лето, сердечная, что к Покрову и сама кончилась. Он ее порешил, бестия! – снова с отчаянной злобой обратилась она к сыну... – Чтò я тебя просить хотела, ваше сиятельство, – продолжала она после небольшого молчания, понижая голос и кланяясь.

– Чтò? – рассеянно спросил Нехлюдов, еще взволнованный ее рассказом.

– Ведь он мужик еще молодой. От меня уж какой работы ждать: нынче жива, а завтра помру. Как ему без жены быть? ведь он тебе не мужик будет. Обдумай ты нас как-нибудь, отец ты наш.

– То есть, ты женить его хочешь? что ж? это дело!

– Сделай божескую милость; вы наши отцы-матери.

И, сделав знак своему сыну, она с ним вместе грохнулась в ноги барину.

– Зачем ты в землю кланяешься? – говорил Нехлюдов, с досадой поднимая ее за плечи. – Разве нельзя так сказать? Ты знаешь, что я этого не люблю. Жени сына, пожалуйста; я очень рад, коли у тебя есть невеста на примете.

Старуха поднялась и стала рукавом утирать сухие глаза. Давыдка последовал ее примеру и, потеряв глаза пухлым кулаком, в том же терпеливо-покорном положении продолжал стоять и слушать, чтò говорила Арина.

– Невесты-то есть, как не быть! Вот Васютка Михейкина, девка ничего, да ведь без твоей воли не пойдет.

– Разве она не согласна?

– Нет, кормилец, коли по согласию пойдет!

– Ну так что ж делать? я принуждать не могу; поищите другую: не у себя, так у чужих; я выкуплю, только бы шла по своей охоте, а насильно выдать замуж нельзя. И закона такого нет, да и грех это большой.

– Э-э-эх, кормилец! да статочное ли дело, глядя на нашу жизнь, да на нашу нищету, чтоб охотой пошла? Солдатка самая и та такой нужды на себя принять не захочет. Какой мужик девку к нам во двор отдаст? Отчаянный не отдаст. Ведь мы голь, нищета. Одну, скажут, почитай, что с голоду заморили, так и моей то же будет. Кто отдаст? – прибавила она, недоверчиво качая головой: – рассуди, ваше сиятельство.

– Так чтò ж я могу сделать?

– Обдумай ты нас как-нибудь, родимый, – повторила убедительно Арина: – что ж нам делать?

– Да чтò ж я могу обдумать? я тоже ничего не могу сделать для вас в этом случае.

– Кто ж нас обдумает, коли не ты? – сказала Арина, опустив голову и с выражением печального недоумения разводя руками.

– Вот хлеба вы просили, так я прикажу вам отпустить, – сказал барин после небольшого молчания, во время которого Арина вздыхала, и Давыдка вторил ей. – А больше я ничего не могу сделать.

Нехлюдов вышел в сени. Мать и сын, кланяясь, вышли за бариним.

XII.

– О-о-о сиротство мое! – сказала Арина, тяжело вздыхая.

Она остановилась и сердито взглянула на сына. Давыдка тотчас повернулся и, тяжело перевалив через порог свою толстую ногу в огромном, грязном лапте, скрылся в противоположной двери.

– Чтò я с ним буду делать, отец? – продолжала Арина, обращаясь к барину. – Ведь сам видишь, какой он! Он ведь мужик не плохой, не пьяный и смирный мужик, ребенкa мало-го не обидит – грех напрасно сказать: худого за ним ничего нету, а уж и Бог знает, чтò такое с ним попритчилось, что он сам себе злодей стал. Ведь он и сам тому не рад. Верить ли, батюшка, сердце кровью обливается на него глядя, какую он муку принимает. Ведь какой ни есть, а моя утроба носила; жалею его, уж как жалею!.. Ведь он не то, чтоб супротив меня, али отца, али начальства что б делал, он мужик боязливый, сказать, чтò дитя малое. Как ему вдовцом быть? Обдумай ты нас, кормилец, – повторила она, видимо желая изгладить дурное впечатление, которое ее брань могла произвести на барина... – Я, батюшка, ваше сиятельство, – продолжала она доверчивым шопотом: – и так клала и этак прикидывала: ума не приложу, отчего он такой. Не иначе, как испортили его злые люди. (Она помолчала немного.) Коли найти человека, его излечить можно.

– Какой вздор ты говоришь, Арина! как можно испортить?

– И, отец ты мой, так испортят, что и навек нечеловеком сделают! Мало ли дурных людей на свете! По злобе вынет горсть земли из-под следу... или чтò там... и навек нечеловеком сделает; долго ли до греха? Я так-себе думаю, не сходить ли мне к Дундуку, старику, чтò в Воробьевке живет: он знает всякие слова, и травы знает, и порчу снимает, и с креста воду спускает; так не пособит ли он? – говорила баба: – може он его излечит.

«Вот она, нищета-то и невежество!» думал молодой барин, грустно наклонив голову и шагая большими шагами вниз по деревне. «Чтò мне делать с ним? Оставить его в этом положении невозможно и для себя, и для примера других, и для него самого, невозможно», говорил он себе, вычитывая на пальцах эти причины. «Я не могу видеть его в этом положении, а чем вывести его? Он уничтожает все мои лучшие планы в хозяйстве. Если останутся такие мужики, мечты мои никогда не сбудутся», подумал он, испытывая досаду и злобу на мужика за разрушение его планов. «Сослать на поселенье, как говорит Яков, коли он сам не хочет, чтоб ему было хорошо, или в солдаты? точно: по крайней мере и от него избавлюсь и еще замену хорошего мужика», рассуждал он.

Он думал об этом с удовольствием: но, вместе с тем, какое-то неясное сознание говорило ему, что он думает только одной стороной ума и что-то нехорошо. Он остановился. «Постой, о чем я думаю», сказал он сам себе: «дà, в солдаты, на поселенье. За чтò? Он хороший человек, лучше многих, да и почему я знаю... Отпустить на волю?» подумал он, рассматривая вопрос не одной стороной ума, как прежде – «несправедливо, да и невозможно». Но вдруг ему пришла мысль, которая очень обрадовала его; он улыбнулся с выражением человека, разрешившего себе трудную задачу. «Взять во двор», сказал он сам себе: «самому наблюдать за ним, и кротостью, и увещаниями, выбором занятий приучать к работам и исправлять его».

XIII.

«Так и сделаю», с радостным самодовольством сказал сам себе Нехлюдов, и, вспомнив, что ему надо было еще зайти к богатому мужику Дутлову, он направился к высокой и просторной связи, с двумя трубами, стоявшей посредине деревни. Подходя к ней, он столкнулся у соседней избы с высокой, ненарядной бабой, лет сорока, шедшей ему навстречу.

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой to1stoy1eo.ru

– С праздником, батюшка, – сказала ему, нисколько не робея, баба, останавливаясь подле него и радушно улыбаясь и кланяясь.

– Здравствуй, кормилица, – отвечал он: – как поживаешь? Вот иду к твоему соседу.

– Так-с, батюшка, ваше сиятельство, хорошее дело. А что, к нам не пожалуете? Уж как бы мой старик рад был!

– Что ж, зайду, потолкуем с тобой, кормилица. Эта твоя изба?

– Эта самая, батюшка.

И кормилица побежала вперед. Войдя вслед за нею в сени, Нехлюдов сел на кадушку, достал и закурил папиросу.

– Там жарко; лучше здесь посидим, потолкуем, – отвечал он на приглашение кормилицы войти в избу. Кормилица была еще свежая и красивая женщина. В чертах лица ее и особенно в больших черных глазах было большое сходство с лицом барина. Она сложила руки под занавеской и, смело глядя на барина и беспрестанно виляя головой, начала говорить с ним:

– Что ж это, батюшка, зачем изволите к Дутлову жаловать?

– Да хочу, чтоб он у меня землю нанял, десятин тридцать, и свое бы хозяйство завел, да еще чтоб лес он купил со мной вместе. Ведь деньги у него есть, так что ж им, так, даром лежать? Как ты об этом думаешь, кормилица?

– Да что ж? Известно, батюшка, Дутловы люди сильные; во всей вотчине почитай первый мужик, – отвечала кормилица, помахивая головой. – Летось другую связь из своего леса поставил, господ не трудили. Лошадей у них, окромя жеребят да подростков, троек шесть соберется, а скотины, коров да овец как с поля гонят, да бабы выйдут на улицу загонять, так в воротах их-то сопнется, что беда; да и пчел-то колодок сотни две, не то больше живет. Мужик очень сильный, и деньги должны быть.

– А как ты думаешь, много у него денег? – спросил барин.

– Люди говорят, известно по злобе, может, что у старика деньги немалые; ну да про то он сказывать не станет и сыновьям не открывает, а должны быть. Отчего ему рощей не заняться? Нешто побоится славу про деньги пустить. Он тоже, годов пять тому, лугами был с Шкаликком дворником в доле, по малости стал заниматься, да обманул, что ли, его Шкалик-то, так рублей триста пропало у старика; с тех пор и бросил. Да как им исправным не быть, батюшка, ваше сиятельство! – продолжала кормилица: – при трех землях живут, семья большая, все работники, да и старик-от – что же худо говорить – сказать, что хозяин настоящий. Во всем-то ему задача, что дивится народ даже; и на хлеб, и на лошадей, и на скотину, и на пчел, и на ребят-то счастье. Теперь всех поженил. То у своих девок брал, а теперь Илюшку на вольной женил, сам откупил. И тоже баба хорошая вышла.

– Что ж они, ладно живут? – спросил барин.

– Как в дому настоящая голова есть, то и лад будет. Хоть бы Дутловы – известно бабье дело; невестки за печкой полаются, полаются, а все под стариком-то и сыновья ладно живут.

Кормилица помолчала немного.

– Теперь старик большего сына, Карпа, слышать, хочет хозяином в дому поставить. Стар, мол, уж стал; мое дело около пчел. Ну Карп-то и хороший мужик, мужик аккуратный, а все далеко против старика хозяином не выйдет. Уж того разума нету!

– Так вот Карп захочет, может-быть, заняться и землей и рощами – как ты думаешь?
– сказал барин, желавший от кормилицы выпытать все, что она знала про своих соседей.

– Вряд ли, батюшка, – продолжала кормилица: – старик сыну денег не открывал. Пока сам жив, да деньги у него в доме, значит, все стариков разум орудует; да и они больше извозом занимаются.

– А старик не согласится?

– Побоится.

– Чего ж он побоится?

– Да как же можно, батюшка, мужику господскому свои деньги объявить? Неравен случай, и всех денег решится! Вот с дворником в дела вошел, да и ошибся. Где же ему с ним судиться! Так и пропали деньги; а с помещиком – то уж и вовсе квит как-раз будет.

– Да, от этого... – сказал Нехлюдов, краснея. – Прощай, кормилица

– Прощайте, батюшка, ваше сиятельство. Покорно благодарим.

XIV.

«Нейти ли домой?» подумал Нехлюдов, подходя к воротам Дутловых и чувствуя какую-то неопределенную грусть и моральную усталость.

Но в это время новые тесовые ворота со скрипом отворились перед ним, и красивый, румяный белокурый парень, лет восемнадцати, в ямской одежде, показался в воротах, ведя за собой тройку крепконогих, еще потных косматых лошадей, и, бойко встряхнув белыми волосами, поклонился барину.

– Что, отец дома, Илья? – спросил Нехлюдов.

– На осике, за двором, – отвечал парень, проводя, одну за другою, лошадей в полуотворенные ворота.

«Нет, выдержу характер, предложу ему, сделаю, что от меня зависит», подумал Нехлюдов и, пропустив лошадей, вошел на просторный двор Дутлова. Видно было, что со двора недавно был вывезен навоз: земля была еще черная, потная, и местами, особенно в воротниках, валялись красные волокнистые комья. На дворе и под высокими навесами в порядке стояло много телег, сох, саней, колодок, кадок и всякого крестьянского добра; голуби перепархивали и ворковали в тени под широкими, прочными стропилами; пахло навозом и дегтем. В одном углу Карп и Игнат прилаживали новую подушку под большую троечную, окованную телегу. Все три сына Дутловы были почти на одно лицо. Меньшой, Илья, встретившийся Нехлюдову в воротах, был без бороды, поменьше ростом, румянее и наряднее старших; второй, Игнат, был повыше ростом, почернее, имел бородку клином и, хотя был тоже в сапогах, ямской рубахе и поярковой шляпе, не имел того праздничного, беззаботного вида, как меньшой брат. Старший, Карп, был еще выше ростом, носил лапти, серый кафтан и рубаху без ластовиков, имел окладистую рыжую бороду и вид не только серьезный, но почти мрачный.

– Прикажете батюшку послать, ваше сиятельство? – сказал он, подходя к барину и слегка и неловко кланяясь.

– Нет, я сам пройду к нему на осик, посмотрю его устройство там; а мне с тобой поговорить нужно, – сказал Нехлюдов, отходя в другую сторону двора, с тем, чтоб Игнат не мог слышать того, что он намерен был говорить с Карпом.

Самоуверенность и некоторая гордость, заметная во всех приемах этих двух мужиков, и то, что сказала ему кормилица, так смущали молодого барина, что ему трудно было решиться говорить с ними о предполагаемом деле. Он чувствовал себя как будто виноватым, и ему казалось легче говорить с одним братом так, чтоб другой не слышал. Карп как будто удивился, зачем барин отводит его в сторону, но последовал за ним.

– Вот что, начал – Нехлюдов, заминаясь: – я хотел тебя спросить: много у вас лошадей?

– Троек пять наберется, жеребятки есть тоже, – развязно отвечал Карп, почесывая спину.

– Что, братья твои на почте ездят?

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru

– Гоняем почту на трех тройках, а то Илюшка в извоз ходил; вот только вернулся.

– Что ж, это вам выгодно? Сколько вы этим зарабатываете?

– Да какая выгода, ваше сиятельство? По крайности кормимся с лошадьми – и то слава Богу.

– Так зачем же вы другим чем-нибудь не займетесь? Ведь можно бы вам лесà покупать, или землю нанимать.

– Оно, конечно, ваше сиятельство, землю нанять можно, когда б где сподручная была.

– Я вот чтò хочу вам предложить, чем вам извозом заниматься, чтоб только кормиться. Наймите вы лучше землю десятин тридцать у меня. Весь клин, чтò за Саповым я вам отдам, да заведите свое хозяйство большое.

И Нехлюдов, увлеченный своим планом о крестьянской ферме, который он не раз сам с собою повторял и передумывал, уже не запинаясь стал объяснять мужику свое предположение о мужицкой ферме.

Карп слушал очень внимательно слова барина.

– Мы много довольны вашей милостью, – сказал он, когда Нехлюдов, замолчав, посмотрел на него, ожидая ответа. – Известно, тут худого ничего нет. Землей заниматься мужику лучше, чем с кнутиком ездить. По чужим людям ходит, всякого народа видит, балуется наш брат. Самое хорошее дело, что землей мужику заниматься.

– Так как ты думаешь?

– Поколи батюшка жив, так я чтò ж думать могу, ваше сиятельство? На то воля его.

– Проведи-ка меня на осик; я поговорю с ним.

– Сюда пожалуйста, – сказал Карп, медленно направляясь к заднему сараю. Он отворил низенькую калитку, ведущую на осик, и, пропустив в нее барина и затворив ее, подошел к Игнату и молча принялся за прерванную работу.

XV.

Нехлюдов, нагнувшись, прошел через низенькую калитку, из-под тенистого навеса, на находившийся за двором осик. Небольшое пространство, окруженное покрытыми соломой и просвечивающими плетнями, в котором симметрично стояли покрытые обрезками досок улья, с шумно-выющеюся около них золотистой пчелою, было всё залито горячими, блестящими лучами июньского солнца. От калитки протоптанная тропинка вела на середину к деревянному голубцу с стоявшим на нем фольговым образком, ярко-блестевшим на солнце. Несколько молодых лип, стройно подымавших выше соломенной крыши соседнего двора свои кудрявые макушки, вместе с звуком жужжания пчел, чуть-слышно колыхались своей темнозеленой, свежей листвою. Все тени, от крытого забора, от лип и от ульев, покрытых досками, черно и коротко падали на мелкую, курчавую траву, пробивавшуюся между ульями. Согнутая небольшая фигурка старика с блестящей на солнце, открытой седой головой и плешью, виднелась около двери рубленого, крытого свежей соломой мшеника, стоявшего между липами. Услышав скрип калитки, старик оглянулся и, отирая полую рубахи свое потное, загорелое лицо и кротко, радостно улыбаясь, пошел навстречу барину.

В пчельнике было так уютно, радостно, тихо, прозрачно; фигура седого старичка с лучеобразными, частыми морщинками около глаз, в каких-то широких башмаках, надетых на босую ногу, который, переваливаясь и добродушно, самодовольно улыбаясь, приветствовал барина в своих исключительных владениях, была так простодушно-ласкова, что Нехлюдов мгновенно забыл тяжелые впечатления нынешнего утра, и его любимая мечта живо представилась ему. Он видел уже всех своих крестьян такими же богатыми, добродушными, как старик Дутлов, и все ласково и радостно улыбались ему, потому что ему одному были обязаны своим богатством и счастьем.

– Не прикажете ли сетку, ваше сиятельство? Теперь пчела злая, кусает, – сказал старик, снимая с забора пахнущий медом, грязный холстинный мешок, пришитый к

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
лубку, и предлагая его барину. – Меня пчела знает, не кусает, – прибавил он с кроткой улыбкой, которая почти не сходила с его красивого, загорелого лица.

– Так и мне не нужно. Чтò, роится уж? – спросил Нехлюдов, сам не зная чему, тоже улыбаясь.

– Коли роиться, батюшка Митрий Миколаич, – отвечал старик, выражая какую-то особенную ласку в этом названии барина по имени и отчеству: – вот только, только-что брать зачала как след. Нынче весна холодная была, извольте знать.

– А вот я читал в книжке, – начал Нехлюдов, отмахиваясь от пчелы, которая, забившись ему в волоса, жужжала под самым ухом: – что коли вощина прямо стоит, по жердочкам, то пчела раньше роится. Для этого делают такие улья из досок... с перекладин...

– Вы не извольте махать, она хуже, – сказал старичок: – а то сетку не прикажете ли подать?

Нехлюдову было больно; но по какому-то детскому самолюбию ему не хотелось признаться в этом, и он, еще раз отказавшись от сетки, продолжал рассказывать старичку о том устройстве ульев, про которое он читал в «Maison rustique»,³ и при котором, по его мнению, должно было в два раза больше роиться; но пчела ужалила его в шею, и он сбился и замялся в середине рассуждения.

– Оно точно, батюшка Митрий Миколаич, – сказал старик с отеческим покровительством, глядя на барина: – точно в книжке пишут. Да, может, это так дурно писано, что вот мол он сделает, как мы пишем, а мы посмеемся потом. И это бывает! Как можно пчелу учить, куда ей вощину крепить? Она сама по колодке норовит, другой раз поперег, а то прямо. Вот извольте посмотреть, – прибавил он, оттыкая одну из ближайших колодок и заглядывая в отверстие, покрытое шумящей и ползающей пчелой по кривым вощинам: – вот эта молодая; она видать, в голове у ней матка сидит, а вощину она и прямо и в бок ведет, как ей по колодке лучше, – говорил старик, видимо увлекаясь своим любимым предметом и не замечая положения барина: – вот нынче она с калашкой идет, нынче день теплый, всё видать, прибавил он, затыкая опять улей и прижимая тряпкой ползающую пчелу, и потом огребая грубой ладонью несколько пчел с морщинистого затылка. Пчелы не кусали его; но зато Нехлюдов уж едва мог удерживаться от желания выбежать из пчельника: пчелы местах в трех ужалили его и жужжали со всех сторон около его головы и шеи.

– А много у тебя колодок? – спросил он, отступая к калитке.

– Чтò Бог дал, – отвечал Дутлов посмеиваясь: – считать не надо, батюшка: пчела не любит. Вот, ваше сиятельство, я просить вашу милость хотел, – продолжал он, указывая на тоненькие колодки, стоящие у забора, – об Осипе, кормилицинном муже; хоть бы вы ему заказали: в своей деревне так дурно делать по соседству, нехорошо.

– Как дурно делать?.. Ах, однако, они кусают! – отвечал барин, уже взявшись за ручку калитки.

– Да вот чтò ни год, свою пчелу на моих молодых напускает. Им бы поправляться, а чужая пчела у них вощину повытаскает да и подсекает, – говорил старик, не замечая ужимок барина.

– Хорошо, после, сейчас... – проговорил Нехлюдов и, не в силах уже более терпеть, отмахиваясь обеими руками, рысью выбежал в калитку.

– Землей потереть: оно ничего, – сказал старик, выходя на двор вслед за бариним. Барин потер землю то место, где был ужален, краснея, быстро оглянулся на Карпа и Игната, которые не смотрели на него, и сердито нахмурился.

XVI.

– Чтò я насчет ребят хотел просить, ваше сиятельство, – сказал старик, как будто, или действительно, не замечая грозного вида барина.

– Чтò?

– Да вот лошадами, слава-те Господи, мы исправны, и батрак есть, так барщина за

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
нами не постоит.

– Так что ж?

– Коли бы милость ваша была, ребят на оброк отпустить, так Илюшка с Игнатом в извоз бы на трех тройках пошли на всё лето: може, что бы и заработали.

– Куда ж они пойдут?

– Да как придется, – вмешался Илюшка, который в это время, привязав лошадей под навес, подошел к отцу. – Кадминские ребята на восьми тройках в Ромен ездили, так, говорят, прокормились, да десятка по три на тройку домой привезли; а то и в Одест, говорят, кормы дешевые.

– Вот об этом-то я и хотел поговорить с тобой, – сказал барин, обращаясь к старику и желая похвастаться навести его на разговор о ферме. – Скажи, пожалуйста, разве выгоднее ездить в извоз, чем дома хлебопашеством заниматься?

– Когда не выгоднее, ваше сиятельство! – опять вмешался Илья, бойко встряхивая волосами: – дома-то лошадей кормить нечем.

– Ну, а сколько ты в лето выработаешь?

– Да вот с весны, на что корма дорогие были, мы в Киев с товаром ездили, в Курском опять до Москвы крупу наложили, так и сами прокормились, и лошади сыты были, да и пятнадцать рублёв денег привез.

– Оно не беда заниматься честным промыслом, каким бы то ни было, – сказал барин, снова обращаясь к старику: – но мне кажется, что можно бы другое занятие найти; да и работа эта такая, что ездит молодой малый везде, всякий народ видит, избаловаться может, – прибавил он, повторяя слова Карпа.

– Чем же нашему брату, мужику, заниматься, как не извозом? – возразил старик с своей кроткой улыбкой. – Съездишь хорошо – и сам сыт, и лошади сыты; а что насчет баловства, так они у меня, слава-ти Господи, не первый год ездят, да и сам я ездил, и дурного ни от кого не видал, кроме доброго.

– Мало ли чем другим вы бы могли заняться дома: и землей, и лугами...

– Как можно, ваше сиятельство! – подхватил Илюшка с одушевлением: – уж мы с этим родились, все эти порядки нам известные, способное для нас дело, самое любезное дело, ваше сиятельство, как нашему брату с рядой ездить!

– А что, ваше сиятельство, просим чести, в избу не пожалуете ли? На новосельи еще не изволили быть, – сказал старик, низко кланяясь и мигая сыну. Илюшка рысью побежал в избу, а вслед за ним, вместе с стариком, вошел и Нехлюдов.

XVII.

Войдя в избу, старик еще раз поклонился, смахнул полый зипуна с лавки переднего угла и, улыбаясь, спросил:

– Чем вас просить, ваше сиятельство?

Изба была белая (с трубой), просторная, с полатями и нарами. Свежие осинового бревна, между которыми виднелся недавно завядший мох, еще не почернели; новые лавки и полати не сгладились, и пол еще не убился. Одна молодая, худощавая, с продолговатым, задумчивым лицом крестьянская женщина, жена Ильи, сидела на нарах и качала ногой зыбку, на длинном тесте привешенную к потолку. В зыбке, чуть заметно дыша и закрыв глазенки, раскинувшись, дремал грудной ребенок; другая, плотная, краснощекая баба, хозяйка Карпа, засучив выше локтя сильные, загорелые выше кисти руки, перед печью крошила лук в деревянной чашке. Рябая беременная баба, закрываясь рукавом, стояла около печи. В избе, кроме солнечного жара, было жарко от печи и сильно пахло только-что испеченным хлебом. С полатей с любопытством поглядывали вниз, на барина, белокурые головки двух парнишек и девочки, забравшихся туда в ожидании обеда.

Нехлюдову было радостно видеть это довольство и вместе с тем было почему-то совестно перед бабами и детьми, которые все смотрели на него. Он, краснея, сел

на лавку.

– Дай мне горячего хлеба кусочек, я его люблю, – сказал он и покраснел еще больше.

Карпова хозяйка отрезала большой кусок хлеба и на тарелке подала его барину. Нехлюдов молчал, не зная, что сказать; бабы тоже молчали; старик кротко улыбался.

«Однако, чего ж я стыжусь? точно я виноват в чем-нибудь», подумал Нехлюдов: «отчего ж мне не сделать предложение о ферме? Какая глупость!» Однако он всё молчал.

– Что ж, батюшка Митрий Миколаич, как насчет ребят-то прикажете? – сказал старик.

– Да я бы тебе советовал вовсе не отпускать их, а найти здесь им работу, – вдруг, собравшись с духом, выговорил Нехлюдов. – Я, знаешь, что тебе придумал: купи ты со мной пополам рощу в казенном лесу, да еще землю...

Кроткая улыбка вдруг исчезла на лице старика.

– Как же, ваше сиятельство, на какие же деньги покупать будем? – перебил он барина.

– Да ведь небольшую рощу, рублей в двести, – заметил Нехлюдов.

Старик сердито усмехнулся.

– Хорошо, кабы были, отчего бы не купить, – сказал он.

– Разве у тебя уж этих денег нет? – с упреком сказал барин.

– Ох, батюшка ваше сиятельство! – отвечал, с грустью в голосе, старик, оглядываясь к двери: – только бы семью прокормить, а уж нам не рощи покупать.

– Да ведь есть у тебя деньги, что ж им так лежать? – настаивал Нехлюдов.

Старик вдруг пришел в сильное волнение; глаза его засверкали, плечи стало подергивать.

– Може злые люди про меня сказали, – заговорил он дрожащим голосом: – так, верите Богу, говорил он, одушевляясь всё более и более и обращая глаза к иконе – что вот лопни мои глаза, провались я на сем месте, коли у меня что есть, кроме пятнадцати целковых, что Илюшка привез, и то подушные платить надо – вы сами изволите знать: избу поставили...

– Ну, хорошо, хорошо! – сказал барин, вставая с лавки. – Прощайте, хозяева.

XVIII.

«Боже мой! Боже мой!» думал Нехлюдов, большими шагами направляясь к дому по тенистым аллеям заросшего сада и рассеянно обрывая листья и ветви, попадавшие ему на дороге: «не-уже-ли вздор были все мои мечты о цели и обязанностях моей жизни? Отчего мне тяжело, грустно, как будто я недоволен собой; тогда как я воображал, что, раз найдя эту дорогу, я постоянно буду испытывать ту полноту нравственно-удовлетворенного чувства, которую испытал в то время, когда мне в первый раз пришли эти мысли?» И он с необыкновенной живостью и ясностью перенесся воображением за год тому назад, к этой счастливой минуте.

Рано-рано утром он встал прежде всех в доме и, мучительно-волнуемый какими-то затаенными, невыраженными порывами юности, без цели вышел в сад, оттуда в лес, и среди майской, сильной, сочной, но спокойной природы, долго бродил один, без всяких мыслей, страдая избытком какого-то чувства и не находя выражения ему. То со всюю прелестью неизвестного юное воображение его представляло ему сладострастный образ женщины, и ему казалось, что вот оно, невыраженное желание. Но какое-то другое, высшее чувство говорило нето и заставляло его искать чего-то другого. То неопытный, пылкий ум его, возносясь всё выше и выше, в сферу отвлечения, открывал, как казалось ему, законы бытия, и он с гордым наслаждением

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru

останавливался на этих мыслях. Но снова высшее чувство говорило не то и снова заставляло его искать и волноваться. Без мыслей и желаний, как это всегда бывает после усиленной деятельности, он лег на спину под деревом и стал смотреть на прозрачные утренние облака, пробегавшие над ним по глубокому, бесконечному небу. Вдруг, без всякой причины, на глаза его навернулись слезы, и, Бог знает каким путем, ему пришла ясная мысль, наполнившая всю его душу, за которую он ухватился с наслаждением – мысль, что любовь и добро есть истина и счастье, и одна истина и одно возможное счастье в мире. Высшее чувство не говорило не то; он приподнялся и стал поверять эту мысль. «Оно, оно, так!» говорил он себе, с восторгом, меряя все прежние убеждения, все явления жизни на вновь открытую, ему казалось, совершенно новую истину. «Какая глупость всё то, что я знал, чем уверил и что любил», говорил он сам себе: «любовь, самоотвержение – вот одно истинное, независимое от случая счастье!» твердил он, улыбаясь и размахивая руками. Со всех сторон прикладывая эту мысль к жизни и находя ей подтверждение и в жизни и в том внутреннем голосе, говорившем ему, что это то, он испытывал новое для него чувство радостного волнения и восторга. «Итак, я должен делать, добро, чтоб быть счастливым» думал он, и вся будущность его уже не отвлеченно, а в образах, в форме помещичьей жизни живо рисовалась пред ним.

Он видел перед собой огромное поприще для целой жизни, которую он посвятит на добро, и в которой, следовательно, будет счастлив. Ему не надо искать сферы деятельности: она готова; у него есть прямая обязанность – у него есть крестьяне... И какой отрадный и благодарный труд представляется ему – «действовать на этот простой, восприимчивый, неиспорченный класс народа, избавить его от бедности, дать довольство, передать им образование, которым, по счастью, я пользуюсь, исправить их пороки, порожденные невежеством и суеверием, развить их нравственность, заставить полюбить добро... Какая блестящая, счастливая будущность! И за всё это я, который буду делать это для собственного счастья, я буду наслаждаться благодарностью их, буду видеть, как, с каждым днем, я дальше и дальше иду к предположенной цели. Чудная будущность! Как мог я прежде не видеть этого?»

«И кроме этого», в то же время думал он: «кто мне мешает самому быть счастливым в любви к женщине, в счастии семейной жизни?» И юное воображение рисовало ему еще более обворожительную будущность. «Я и жена, которую я люблю так, как никто никогда никого не любил на свете, мы всегда живем среди этой спокойной, поэтической деревенской природы, с детьми, может быть, с старухой тёткой; у нас есть наша взаимная любовь, любовь к детям, и мы оба знаем, что наше назначение – добро. Мы помогаем друг другу идти к этой цели. Я делаю общие распоряжения, даю общие, справедливые пособия, завожу фермы, сберегательные кассы, мастерские; а она, с своей хорошенькой головкой, в простом белом платье, поднимая его над стройной ножкой, идет по грязи в крестьянскую школу, в лазарет, к несчастному мужику, по справедливости, не заслуживающему помощи, и везде утешает, помогает... Дети, старики, бабы обожают ее и смотрят на нее, как на какого-то ангела, как на Провидение. Потом она возвращается и скрывает от меня, что ходила к несчастному мужику и дала ему денег, но я всё знаю и крепко обнимаю ее и крепко и нежно целую ее прелестные глаза, стыдливо-краснеющие щеки и улыбающиеся румяные губы».....

.....

XIX.

«Где эти мечты?» думал теперь юноша, после своих посещений подходя к дому: «вот уж больше года, что я ищу счастья на этой дороге, и что ж я нашел? Правда, иногда я чувствую, что могу быть довольным собою; но это какое-то сухое, разумное довольство. Да и нет, я просто недоволен собой! Я недоволен, потому что я здесь не знаю счастья, а желаю, страстно желаю счастья. Я не испытал наслаждений, а уже отрезал от себя всё, что дает их. Зачем? за что? Кому от этого стало легче? Правду писала тётка, что легче самому найти счастье, чем дать его другим. Разве богаче стали мои мужики? образовались или развились они нравственно? Нисколько. Им стало не лучше, а мне с каждым днем становится тяжеле и тяжеле. Еслиб я видел успех в своем предприятии, еслиб я видел благодарность... но нет, я вижу ложную рутину, порок, недоверие, беспомощность. Я даром трачу лучшие годы жизни», подумал он, и ему почему-то вспоминалось, что соседи, как он слышал от няни, называли его недорослем; что денег у него в конторе ничего уже не оставалось; что выдуманная им новая молотильная машина, к общему смеху мужиков, только свистела, а ничего не молотила, когда ее в первый раз, при

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
многочисленной публике, пустили в ход в молотильном сарае; что со дня на день надо было ожидать приезда Земского Суда для описи имения, которое он просрочил, увлекшись различными новыми хозяйственными предприятиями. И вдруг так же живо, как прежде, представлялась ему деревенская прогулка по лесу и мечта о помещицкой жизни, так же живо представилась ему его московская студенческая комнатка, в которой он поздно ночью сидит, при одной свечке, с своим товарищем и обожаемым шестнадцатилетним другом. Они часов пять сряду читали и повторяли какие-то скучные записки гражданского права и, окончив их, послали за ужином, сложились на бутылку шампанского и разговорились о будущности, которая ожидает их. Как совсем иначе представлялась будущность молодому студенту! Тогда будущность была полна наслаждений, разнообразной деятельности, блеска, успехов и несомненно вела их обоих к лучшему, как тогда казалось, благу в мире – к славе.

«Он уж идет и быстро идет по этой дороге», подумал Нехлюдов про своего друга: «а я...»

Но в это время он уже подходил к крыльцу дома, около которого стояло человек десять мужиков и дворовых, с различными просьбами ожидавших барина, и от мечтаний он должен был обратиться к действительности.

Тут была и оборванная, растрепанная и окровавленная крестьянская женщина, которая с плачем жаловалась на свекора, будто бы хотевшего убить ее; тут были два брата, уж второй год делившие между собой свое крестьянское хозяйство и с отчаянной злобой смотревшие друг на друга; тут был и небритый седой дворовый, с дрожжащими от пьянства руками, которого сын его, садовник, привел к барину, жалуясь на его беспутное поведение; тут был мужик, выгнавший свою бабу из дома за то, что она целую весну не работала; тут была и эта больная баба, его жена, которая, всхлипывая и ничего не говоря, сидела на траве у крыльца и выказывала свою воспаленную, небрежно-обвязанную каким-то грязным тряпьем, распухшую ногу...

Нехлюдов выслушал все просьбы и жалобы и, посоветовав одним, разобрав других и обещав третьим, испытывая какое-то смешанное чувство усталости, стыда, бессилия и раскаяния, прошел в свою комнату.

XX.

В небольшой комнате, которую занимал Нехлюдов, стоял старый кожаный диван, обитый медными гвоздиками; несколько таких же кресел; раскинутый старинный бостонный стол с инкрустациями, углублениями и медной оправой, на котором лежали бумаги, и старинный, желтенький, открытый английский рояль с истертыми, погнувшимися узенькими клавишами. Между окнами висело большое зеркало в старой, позолоченной резной раме. На полу, около стола, лежали кипы бумаг, книг и счетов. Вообще вся комната имела бесхарактерный и беспорядочный вид; и этот живой беспорядок составлял резкую противоположность с чопорным старинно-барским убранством других комнат большого дома. Войдя в комнату, Нехлюдов сердито бросил шляпу на стол и сел на стул, стоявший пред роялем, положив ногу на ногу и опустив голову.

– Что завтракать будете, ваше сиятельство? – сказала вошедшая в это время высокая, худая, сморщенная старуха, в чепце, большом платке и ситцевом платье.

Нехлюдов оглянулся на нее и помолчал немного, как будто опоминаясь.

– Нет, не хочется, няня, – сказал он, и снова задумался.

Няня сердито покачала на него головой и вздохнула:

– Эх, батюшка, Дмитрий Николаич, что скучаете? И не такое горе бывает, всё пройдет – ей-Богу...

– Да я и не скучаю. С чего ты взяла, матушка Маланья Финогеновна? – отвечал Нехлюдов, стараясь улыбнуться.

– Да как не скучать, разве я не вижу? – с жаром начала говорить няня: – день-деньской один-одинешенек. И всё-то вы к сердцу принимаете, до всего сами доходите; уж и кушать почти ничего не стали. Разве это резон? Хоть бы в город поехали или к соседям, а то виданное ли дело? Ваши года молодые, так обо всем сокрушаться! Ты меня извини, батюшка, я сяду, – продолжала няня, садясь около двери: – ведь такую повадку дали, что уж никто не боится. Разве так господа

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
делают? Ничего тут хорошего нет; только себя губишь да и народ-то балуется. Ведь наш народ какой: он этого не чувствует, право. Хоть бы к тётеньке поехал: она правду писала... усовещевала его няня.

Нехлюдову всё становилось грустнее и грустнее. Правая рука его, опиравшаяся на колене, вяло дотронулась до клавиш. Вышел какой-то аккорд, другой, третий... Нехлюдов подвинулся ближе, вынул из кармана другую руку и стал играть. Аккорды, которые он брал, были иногда неподготовлены, даже совсем неправильны, часто были обыкновенны до пошлости и не показывали в нем никакого музыкального таланта, но ему доставляло это занятие какое-то неопределенное, грустное наслаждение. При всяком изменении гармонии, он с замиранием сердца ожидал, что из него выйдет и, когда выходило что-то, он смутно дополнял воображением то, чего не доставало. Ему казалось, что он слышит сотни мелодий: и хор, и оркестр, сообразный с его гармонией. Главное же наслаждение доставляла ему усиленная деятельность воображения, бессвязно и отрывисто, но с поразительной ясностью представлявшего ему в это время самые разнообразные, перемешанные и нелепые образы и картины из прошедшего и будущего. То представляется ему пухлая фигура Давыдки-Белого, испуганно-мигающего белыми ресницами при виде черного, жилистого кулака своей матери, его круглая спина и огромные руки, покрытые белыми волосами, одним терпением и преданностью судьбе отвечающие на истязания и лишения. То он видит бойкую, осмелившуюся на дворне кормилицу и почему-то воображает, как она ходит по деревням и проповедует мужикам, что от помещиков деньги прятать нужно, и он бессознательно повторяет сам себе: «да, от помещиков деньги прятать нужно». То вдруг ему представляется русая головка его будущей жены, почему-то в слезах и в глубоком горе склоняющаяся к нему на плечо; то он видит добрые, голубые глаза Чуриса, с нежностью глядящие на единственного пузатого сынишку. Да, он в нем, кроме сына, видит помощника и спасителя. «Вот это любовь!» шепчет он. Потом вспоминает он о матери Юхванки, вспоминает о выражении терпения и всепрощения, которое, несмотря на торчащий зуб и уродливые черты, он заметил на старческом лице ее. «Должно быть, в семьдесят лет ее жизни я первый заметил это», думает он и шепчет «странно!», продолжая бессознательно перебирать клавиши и вслушиваться в звуки. Потом он живо вспоминает свое бегство с пчельника и выражение лиц Игната и Карпа, которым видимо хочется смеяться, но которые как будто не смотрят на него. Он краснеет и невольно оглядывается на няню, которая продолжает сидеть около двери и молча, пристально глядеть на него, изредка покачивая седой головой. Вот вдруг ему представляется тройка потных лошадей и красивая, сильная фигура Илюшки с светлыми кудрями, весело блестящими, узкими голубыми глазами, свежим румянцем и светлым пухом, только что начинающим покрывать его губу и подбородок. Он вспоминает, как боялся Илюшка, чтоб его не пустили в извоз, и как горячо заступался за это, любезное для него дело: и он видит серое, раннее туманное утро, подсклизлую шоссеюную дорогу и длинный ряд высоко-нагруженных и покрытых рогожами троечных возов с большими черными буквами. Толстоногие, сытые кони, погрывивая бубенчиками, выгибая спину и натягивая постромки, дружно тянут в гору, напряженно цепляя длинными шипами за склизкую дорогу. Навстречу обоза, под гору, шибко бежит почта, звеня колоколами, которые отзываются далеко по крупному лесу, тянущемуся с обеих сторон дороги.

– А-а-ай! – громко ребяческим голосом кричит передовой ямщик с бляхой на поярковой шляпе, подымая кнут над головой.

У переднего колеса первого воза тяжело шагает в огромных сапогах Карп с своей рыжей бородой и угрюмым взглядом. На втором возу высовывается красивая голова Илюшки, который, под рогожей передка, славно пригрелся на зорьке. Три тройки, нагруженные чемоданами, с грохотом колес, звоном колокольчиков и криком пронесли мимо: Илюшка снова прячет свою красивую голову под рогожу и засыпает. Вот и ясный теплый вечер. Перед усталыми, столпившимися у постоялого двора тройками, скрипят тесовые ворота, и один за другим, подпрыгивая по доске, лежащей в воротах, скрываются высокие рогожные возы, под просторными навесами. Илюшка весело здоровается с белолицой, широкогрудой хозяйкой, которая спрашивает: «Издалече ли? и много ли ужинать будут?» с удовольствием поглядывая на красивого парня своими блестящими, сладкими глазами. Вот он, убрав коней, идет в жаркую, набитую народом избу, крестится, садится за полную деревянную чашку, ведя веселую речь с хозяйкой и товарищами. А вот и ночлег его под открытым звездным небом, виднеющимся из-под навеса, на пахучем сене, около лошадей, которые, переминаясь и похрапывая, перебирают корм в деревянных яслях. Он подошел к сену, повернулся на восток и, раз тридцать сряду перекрестив свою широкую, сильную грудь и встряхнув светлыми кудрями, прочел «Отче» и раз двадцать «Господи помилуй», и, увернувшись с головой в армяк, засыпает здоровым,

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой to1stoy1eo.ru
беззаботным сном сильного, свежего человека. И вот видит он во сне города Киев с
угодниками и толпами богомольцев, Ромен с купцами и товарами, видит Одест и
далекое синее море с белыми парусами, и город Царьград с золотыми домами и
белогрудыми, чернобровыми турчанками, куда он летит, поднявшись на каких-то
невидимых крыльях. Он свободно и легко летит всё дальше и дальше, и видит внизу
золотые города, облитые ярким сияньем, и синее небо с частыми звездами, и синее
море с белыми парусами – и ему сладко и весело лететь всё дальше и дальше...

«Славно!» шепчет себе Нехлюдов, и мысль: зачем он не Илюшка – тоже приходит ему.

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ, НЕОТДЕЛАННОЕ И НЕОКОНЧЕННОЕ
«РОМАН РУССКОГО ПОМЕЩИКА».

I. [ПЕРВАЯ РЕДАКЦИЯ.]

Глава I. Обѣдня.

Съ 7 часовъ утра на ветхой колокольнѣ Николо-Кочаковскаго прихода гудѣлъ большой
колоколь. Съ 7 часовъ утра по проселочнымъ пыльнымъ дорогамъ и свѣжимъ
тропинкамъ, вьющимся по долинамъ и оврагамъ, между влажными отъ росы хлѣбомъ и
травою, пестрыми, веселыми толпами шель народъ изъ окрестныхъ деревень. Все
больше бабы, дѣти и старики. Мужуку Петровками и въ праздникъ нельзя дома
оставить: телѣга сломалась, въ гумѣнникъ подпорки поставить, плетень заплести, у
другаго и навозъ не довоженъ. Земляную работу грѣхъ работать, а около дома, Богъ
простить. Дѣло мужицкое!

Кривой пономарь выпустилъ веревку изъ рукъ и сѣлъ подлѣ церкви, молча вперивъ
старческій равнодушный взглядъ въ подвигавшіяся пестрыя толпы народа; отецъ
Поликарпъ вышелъ изъ своего домика и, поднятіемъ шляпы отвѣчая на почтительные
поклоны своихъ духовныхъ дѣтей, прошелъ въ церковь. Народъ наполнилъ церковь и
паперть, пономарь пронесъ въ алтарь мѣдный кофейникъ съ водой, полотенце съ
красными концами и старое кадило, откуда вслѣдъ за этимъ послышалось сморканье,
плесканье, ходьба, кашлянїе и плеванїе.

Наконецъ движенїе въ алтарь утихло, только слышенъ былъ изрѣдка возвышающійся
голосъ отца Поликарпа, читающаго молитвы. Отставной Священникъ, слѣпой дворникъ
и бывшій дворецкїй покойнаго Хабаровскаго князя, дряхлый Пиманъ Тимофѣичъ стояли
уже на своихъ обычныхъ мѣстахъ въ алтарь. На правомъ клиросѣ стояли сборные
пѣвчіе-охотники: толстый бабуринскїй прикащикъ октава, особенно замѣчательный въ
тройномъ «Господи помилуй», его братъ Митинька, женскїй портной, любезникъ и
первый игрокъ на гармоникѣ – самый фальшивый, высокій и пискливый дискантъ во
всемъ приходѣ, буфетчикъ – второй басъ, два мальчика, сыновья отца Игната, и
самъ отецъ Игнатъ, 2-й Священникъ, бывшїй 36 лѣтъ тому назадъ въ архирейскихъ
пѣвчихъ.

На паперти толпа заколебалась и раздалась на двѣ стороны: человекъ въ синей
ливрейной шинели, съ салопомъ на рукъ, стараясь, должно быть, показать свое
усердіе, крѣпко и безъ всякой надобности толкалъ и безъ того съ торопливостью и
почтительностью разступавшихся прихожанъ; за лакеемъ слѣдовала довольно
смазливая и нарядная барынька, лѣтъ 30, съ лицомъ полнымъ и улыбающимся. За
веселой барыней слѣдовалъ супругъ ея, Михаилъ Ивановичъ Михайловъ, человекъ лѣтъ
40. На немъ былъ черный фракъ, клетчатая брюки съ лампасами, цвѣтной пестрый
жилетъ и цвѣтной, очень пестрый шарфъ, на которомъ лежалъ огромной величины
выпущенный не крахмаленный воротникъ рубашки. Въ наружности его не замѣчалось
ничего особеннаго, исключая нешто длинныхъ, курчавыхъ, рыжеватыхъ волосъ съ
проборомъ по срединѣ, которые чрезвычайно отчетливо лежали съ обѣихъ сторонъ
его бѣлесоваго, ровнаго и спокойнаго лица. Вообще онъ ходилъ, стоялъ, крестился
и кланялся очень прилично, даже слишкомъ прилично, такъ что именно это
обстоятельство не располагало въ его пользу.

Прибывшіе супруги стали около амвона. Прихожане съ почтительнымъ любопытствомъ
смотрѣли на нихъ: они съ спокойнымъ равнодушїемъ смотрѣли на прихожанъ. – Обѣдня
все еще не начиналась.

– Гаврило, – сказала шопотомъ барыня.

Гаврило выдвинулся впередъ и почтительно пригнулъ свое ухо съ серьгой къ устамъ
барыни.

– Попроси батюшку вынуть за упокой, вотъ по этой запискѣ; да спроси отца

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
Поликарпія, скоро-ли начнется служба?

Гаврило живо растолкалъ набожныхъ старушекъ съ книжечками и пятаками, столпившихся у боковыхъ дверей, и скрылся.

– Батюшка велѣлъ сказать, что очень хорошо-съ, а начнется скоро, – сказалъ онъ, возвратившись. – Кривой пономарь, хотя нетвердою отъ старости, но самоувѣренною походкою, съ такимъ-же точно видомъ сознанія своего значенія, съ какимъ ходитъ Секретарь по Присутствію и актеръ за кулисами, вышелъ за лакеемъ и сталъ продираться сквозь толпу. Уже много пятаковъ и грошей изъ узелковъ въ клетчатыхъ платкахъ и мошонъ перешло въ потертый комодъ, изъ котораго отставной солдатъ давалъ свѣчи, и уже свѣчи эти, переходя изъ рукъ въ руки, давно плыли передъ иконами Николая и Богоматери, а обѣдня все не начиналась. – Отецъ Поликарпій дожидался молодаго Князя Нехлюдова. Онъ привыкъ ожидать его матушку, дѣдушку, бабушку; поэтому, несмотря на то, что молодой князь не разъ просилъ его не заботиться о немъ, отецъ Поликарпій никакъ не могъ допустить, чтобы Хабаровскій помѣщикъ, – самый значительный помѣщикъ въ его приходѣ, – могъ дожидаться или опоздать.

Кривой пономарь вышелъ за церковь и, приставивъ руку ко лбу, сталъ съ усиленіемъ смотрѣть на Хабаровскую дорогу. По ней тянулись волю, но не было видно вѣнской голубой коляски, въ которой онъ привыкъ видѣть полвѣка Хабаровскихъ князей.

– Что, вѣрно ужъ къ достойной? – спросилъ пономаря молодой человекъ, проходя мимо него.

Замѣтно было, что пономарь былъ опечаленъ и изумленъ появленіемъ князя не въ вѣнской коляскѣ, а пѣшкомъ, съ запыленными сапогами, въ широкополой шляпѣ и парусинномъ пальто. <Можетъ быть, даже онъ раскаивался въ томъ, что такъ долго поджидалъ такого непышнаго князя.>

– Нѣтъ, батюшка, ваше сіятельство, все васъ дожидали, – и онъ принялся звонить.

Молодой человекъ покраснѣлъ, пожалъ плечьми и скорыми шагами пошелъ въ церковь, ломая на каждомъ шагу свою шляпу, чтобы отдавать поклоны направо и налево мужикамъ, снявшимъ передъ нимъ шапки. Толпа на паперти опять заколебалась, и супруги оглянулись назадъ, но любопытная барыня ничего не увидала, кромѣ мелькнувшей выше другихъ коротко обстриженной русой головы, которая тотчасъ же скрылась отъ ея взоровъ въ углу за клиросомъ. Михаилъ Ивановичъ не оглядывался больше, но его супруга нѣсколько разъ посматривала по тому направленію, по которому во время обѣдни, которая тотчасъ-же и началась, преимущественно кадиль отецъ Дьяконъ.

Молодой человекъ стоялъ совершенно прямо, крестился во всю грудь и съ набожною преклонялъ голову, и все это онъ дѣлалъ даже съ нѣкоторою афектаціею. Онъ съ вниманіемъ, казалось, слѣдилъ за службой, но иногда задумывался и заглядывался. Разъ онъ такъ засмотрѣлся на 6-лѣтняго мальчика, который стоялъ подлѣ него, что повернулся бокомъ къ иконамъ и сталъ ковырять пальцемъ воскъ съ высокаго подсвѣчника. Хорошенькій мальчикъ съ свѣтлыми, какъ ленъ, волосами, поднявъ кверху голову, разинувъ ротъ, смотрѣлъ своими голубыми глазенками на все его окружающее.

– А это что? – говорилъ онъ, дергая за сарафанъ подлѣ него стоящую женщину и указывая на Дьякона.

Молодаго человека вывели изъ задумчивости слова: «Миколъ». Онъ оборотился и, какъ видно было, съ величайшимъ удовольствіемъ принялъ подаваемую ему свѣчу. Дотронувшись ею до плеча какого-то мужика, онъ передалъ ее, прибавивъ твердо и громко: «Миколъ».

Пѣвчіе пѣли прекрасно, исключая концерта, который совсѣмъ было упалъ отъ несогласія отца Игната съ Митинькой; даже бабуриискій прикащикъ, покраснѣвъ отъ напряженія, не могъ покрыть своей октавою страшную разладицу. Нѣсколько стариковъ, старухъ и крикливыхъ дѣтей причащались Святыхъ тайнъ. Г-жа Михайлова выставяла нижнюю губку и очень мило морщилась, когда грудные младенцы кричали около нея. Она удивлялась, какъ глупъ этотъ народъ: зачѣмъ носить дѣтей въ церковь? Развѣ грудной ребенокъ можетъ понимать чтонибудь. Только другимъ мѣшаютъ. Вотъ ея нервы, напримѣръ, никакъ не выдерживаютъ этаго крика. <Г-жа

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой to1stoy1eo.ru
Михайлова, у которой ее собственный ребенок оставался дома на руках кормилицы, не принимала въ соображеніе, что у крестьянскихъ женщинъ не бываетъ кормилицъ, и что онъ кормятъ своихъ дѣтей и на работѣ и въ церкви.>

Священникъ показался съ крестомъ въ царскихъ дверяхъ.

Господа Михайловы и за ними люди позначительнѣе – прикащики, однодворцы, дворовые, дворники – подвинулись ближе къ амвону, чтобы, какъ водится, приложиться къ кресту однимъ прежде другихъ. Молодой человекъ вмѣстѣ съ толпой тоже невольно придвинулся къ амвону. Отецъ Поликарпій обратился съ крестомъ къ нему, какъ будто не замѣчая Г-жу Михайлову, которая уже крестилась, быстро подошедши къ нему такъ близко, что касалась его ризы.

Молодой человекъ, замѣтивъ ее движеніе и краску досады, которая покрыла ее лицо, вспыхнулъ и не трогался съ мѣста, но отецъ Поликарпій упорствовалъ. – Нечего было дѣлать: онъ торопливо подошелъ къ кресту и, совершенно растерявшись, не отвѣчая на поздравленіе съ праздникомъ Священника, не оглядываясь, протѣснился сквозь толпу и вышелъ на паперть.

Хабаровскій князь, котораго родные звали Николинькой, и котораго я впредь буду называть также, былъ еще очень, очень молодъ: ему было 22 года, пушокъ такой-же свѣтлый, какъ волосы мальчика, на котораго онъ заглядѣлся въ церкви, покрывалъ его подбородокъ, и трудно даже было предположить, чтобы пушокъ этотъ когда-нибудь превратился въ щетину. Онъ былъ выше обыкновеннаго роста, сильно и пріятно сложенъ. (Въ сложеніи, какъ и въ лицѣ, есть неуловимыя, неопредѣлимыя черты красоты, которыя отталкиваютъ или привлекаютъ насъ.) Но, не смотря на этотъ ростъ, на нѣсколько горделивую походку и осанку (онъ высоко носилъ голову) и на выраженіе твердости или упрямства, которое замѣтно было въ его небольшихъ, но живыхъ и сѣрыхъ глазахъ, только издавѣка и съ перваго взгляда его можно было принять за мужа; ясно было, что онъ еще почти ребенокъ, но милый ребенокъ. Это замѣтно было и по плоскости груди и по длинѣ рукъ и по слишкомъ нѣжнымъ чертаніямъ около глазъ и по свѣтло-красному недавнему загару, покрывавшему его лицо, и по нѣжности кожи на шеѣ, а въ особенности по неутвердившейся и совершенно дѣтской добродушной улыбкѣ. Въ одеждѣ его, какъ ни мало употребила времени для наблюденій Г-жа Михайлова, она замѣтила непростительное неряшество. Пальто въ пятнахъ, шейный платокъ, Богъ знаетъ, какъ повязанъ, на панталонахъ пятна: ясно, что запачкано дегтемъ и не отмыто. Сапоги съ заплатками. А руки-то? Красныя, загорѣлыя, безъ перчатокъ. И Г-жа Михайлова рѣшила, что въ молодомъ князѣ есть что-то очень, очень странное.

Глава 2. Шкаликъ.4

Сойдя съ паперти Николинька набожно перекрестился и, надѣвъ шляпу, собирался было отправиться домой, какъ въ толпѣ выходящаго народа замѣтилъ маленькаго плотнаго краснорожаго мужичка въ синемъ кафтанѣ. Это былъ дворникъ съ большой дороги, занимающійся лугами, скотиной, хлѣбомъ, отчасти и рощами, но преимущественно всякаго рода плутовствомъ, как-то: кормчествомъ [?], даваніемъ денегъ и хлѣба въ ростъ бѣднымъ мужичкамъ, кляузничествомъ и т. п. Когда можно, грубіанъ, когда нужно, маленькій, ничтожный человекъ, иногда пьяный и распутный, иног[да] притворно набожный и смиренный, но всегда сколдырникъ и кляузникъ. – Дворникъ съ большой дороги всегда человекъ опытный въ житейскомъ дѣлѣ и говоритъ мастеръ. Онъ отъ другихъ всегда получаетъ деньжонки, а платитъ деньги, онъ пріятель со всѣми сусѣдскими прикащиками, со всѣми мужичками зажиточными и съ Становымъ ладитъ, но бѣдный мужикъ – это природный врагъ его. Ужъ попадись онъ только ему въ передѣлѣ. «Народъ оголтѣлый, необузданный, неотесанный». Онъ цѣлый вѣкъ или дома всыпаетъ и пересыпаетъ разный хлѣбъ у амбара, и, перетянувшись ремнемъ, разѣзжаетъ верхомъ на гнѣдой мохнатой лошади, которую купилъ у гуртовщиковъ, по разнымъ дѣлишкамъ въ околоткѣ. Часто лошадь эту можно видѣть безъ сѣдока, привязанной у крыльца домика съ вывѣской.

Прокутился-ли помѣщикъ, онъ скачетъ къ нему и торгуетъ 10,000-ный лѣсъ, а всѣхъ денегъ у него тысячи не наберется. Однако онъ за весь предлагаетъ 2,000; его гонять въ шею, онъ скачетъ къ купцамъ, уговариваетъ, чтобы цѣны не надбавляли, а онъ для нихъ купить, только-бъ ему за хлопоты магарычи были: онъ всемъ доволенъ, онъ человекъ ничтожный! и опять ѣдетъ къ помѣщику и опять; потомъ ужъ помѣщику до зарѣзу: купцы не ѣдутъ, за нимъ присылаютъ, глядишь, а за 10,000-ный лѣсъ онъ 500 рубликовъ задатку даетъ, да по выручкѣ 2,000 приплатитъ, и лѣсъ его.

Неурожай-ли случился, ему мужичокъ за осьмину четверть на другой годъ всыпаетъ.

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
Другой за сѣмяны ему годъ, почитай, цѣлый работаетъ. Онъ привыкъ по 2 гривны пудъ сѣна брать, да по рублю проѣзжимъ спускать, другой торговли онъ и не знаетъ. 10 процентовъ въ годъ получить онъ и пачкаться не станетъ, а торговля ему всякая открыта. – Платить мѣщанскія подати и за дѣтей солдатчины не боится, потому что въ разные города приписанъ, а въ гильдію записаться – онъ не дуракъ. Да и что? «Куда ему? – онъ человекъ ничтожный». Онъ любитъ чай, муку, въ которой вѣчно пачкается, лошадокъ, водку и донское пиваль съ писаремъ, который ему кляузы пишетъ; очень любитъ трактиры и половыхъ, а когда говорятъ о дѣвкахъ, то со смѣху помираетъ. Но грамотѣ не знаетъ, только умѣетъ имя писать да «цифиры». Прозвище его Шкаликъ, но всѣ зовутъ его Алешка, исключая бѣдныхъ мужиковъ, которые, низко кланяясь, говорятъ ему «Алексѣй Тарасычъ, батюшка».

Когда Ал[ешка] «прогорить» или «вылетитъ въ трубу» то это обстоятельство всегда возбуждаетъ истинную радость во всѣхъ его знакомыхъ, и тогда онъ, погибшій человекъ, или попадаетъ въ острогъ или спивается съ кругу. Къ несчастію Алешки, Липатки и Купріяшки изобилуютъ не въ одномъ N уѣздѣ, а ихъ по всей Руси много найдется.

И досадно то, что они всѣ носятъ на себѣ самый чистый русскій характеръ, въ которомъ привыкъ видѣть много добраго и роднаго. Больно смотрѣть, какъ иностранные артисты, дѣвки, магазинщики, художники за вещи, не имѣющія никакой положительной цѣнности, получаютъ черезъ руки нашихъ помѣщиковъ трудомъ и потомъ добытыя кровныя деньги русскаго народа, и, самодовольно посмѣиваясь, увозятъ ихъ за море, къ своимъ соотечественникамъ. Но, по крайней мѣрѣ, тутъ можемъ мы обвинять европейское вліяніе, можемъ утѣшать себя мыслью, что люди эти спекулировали на счетъ нашихъ маленькихъ страстишекъ, въ особенности на счетъ подлѣйшей и обыкновеннѣйшей изъ нихъ – на счетъ тщеславія. Мы можемъ утѣшать себя мыслью, что, разрабатывая тщеславіе, они наказываютъ его. Но каково же видѣть Алешекъ и Купріяшекъ, успѣшно разрабатывающихъ незаслуженную нищету и невинную простоту народа, которыя однѣ причиною удачи ихъ спекуляцій. «Алешки и Купріяшки, не въ томъ, такъ въ другомъ видѣ всегда будутъ существовать, но развѣ не отъ помѣщиковъ зависитъ ограничить кругъ ихъ преступной дѣятельности?»

– Шкаликъ, поди-ка сюда, – сказалъ Николинька, подзывая его и отходя въ сторону.
– Что жъ, братецъ? – надѣнь шапку – когда ты намѣренъ кончить дѣло съ Болхой? Надѣнь-же, я тебѣ говорю, – я тебѣ сказалъ, что, ежели ты до нынѣшняго дня съ нимъ не помиришься, я подамъ на тебя въ судъ, и ужъ не прогнѣвайся.

– Помилуйте, Васясо, я готовъ для вашей милости все прекратить и съ Болхой готовъ мировую исдѣлать и все, что вамъ будетъ угодно, только не обидно ли будетъ-сь, говорилъ Алешка, опять снимая шляпу.

– Ахъ, скука какая! Надѣнь, 20 разъ тебѣ говорю, мнѣ не въ шляпѣ дѣло, а въ томъ, чтобы ты говорилъ толкомъ, а не болталъ всякій вздоръ; хочешь ты или нѣтъ кончить дѣло мировой? Ежели хочешь, ступай сейчасъ къ Болхѣ и отдай ему по уговору 50 р.; ты вспомни, что ужъ вотъ 2-ая недѣля; ежели не хочешь, такъ скажи прямо, что не хочешь.

– Оно точно, Васясо, – отвѣчалъ Шкаликъ, надѣвая шляпу и мутно глядя черезъ плечо Князю, деньги отдать нечто, да больно обидно будетъ: наше сѣно разломали, наши веревки растащили, да чуть до смерти не убили, а вы съ меня же изволите деньги требовать, да судомъ изволите стращать. Сами изволите знать, мы за деньгами не постоимъ, да дѣло-то незаконное, а по судамъ, слава Богу, намъ не въ первой ходить, насъ и Матвѣй Иванычъ знаютъ.

– Что?

– Впрочемъ на то есть воля Вашего Сіятельства, только насчетъ денежекъ-то извольте ужъ лучше оставить, – прибавилъ онъ, поглаживая бородку.

– Не понимаю! Такъ ты говоришь, что ты ни въ чемъ не виноватъ, что ты бабу не биль?

– Никакъ нѣтъ-сь, – отвѣчалъ Шкаликъ, съ выраженіемъ совершеннаго равнодушія поднимая брови.

– И денегъ платить не хочешь?

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой to1stoy1eo.ru

– За что-жь намъ платить? сами извольте посудить, Васясо, – отвѣчалъ онъ съ улыбкой, добродушно потряхивая головой.

– Ахъ, ка-кой – плуть!!! – вскричалъ Князь, отвернувшись отъ него съ видомъ чрезвычайнаго изумленія и отвращенія. – Хорошо же негодяй! – прибавилъ онъ, вспыхнувъ и быстро подходя къ нему.

– Помилуйте, Васясо, – отвѣчалъ Шкаликъ, снимая шляпу и отступая, – мы люди маленькіе, темные.

Минутное волненіе изобразилось на лицѣ Шкалика при видѣ большихъ рукъ Николиньки, которыя, выскочивъ изъ кармановъ и сдѣлавъ грозный жестъ, энергически сложились за спиной. Казалось, руки эти напрашивались на другое употребленіе.

– Послушай, Шкаликъ, я совѣтую тебѣ обдуматься, – продолжалъ онъ спокойнѣе, но въ это время кто-то сзади довольно грубо толкнулъ его, прибавивъ: «позвольте». Онъ отодвинулся и, не перемѣняя суроваго выраженія лица, оглянулся. – Г-жа Михайлова, сопутствуемая своимъ супругомъ и выдѣлывая головой и глазами самую, по ея мнѣнію, завлекательныя маневры съ явнымъ намѣреніемъ обратить на себя чье-то вниманіе, вертлявой походочкой проходила къ экипажу.

– Совѣтую тебѣ обдуматься, – продолжалъ Князь къ Шкалику тотчасъ же отвернувшись. – Ты самъ вѣрно чувствуешь, что поступаешь безчестно и безсовѣстно. Помяни же мое слово, что, ежели не я, то Богъ жестоко накажетъ тебя за такіе гнусные дѣла. А тогда ужъ будетъ поздно. Лучше обдумайся.

– Извѣстно, Ваше Сіятельство, всѣ подь Богомъ ходимъ, – съ глубокимъ вздохомъ отвѣчалъ Шкаликъ, но Князь, повернувъ за уголь, уже шель по тропинкѣ, ведущей въ Хабаровку. –

– Всѣ подь Богомъ ходимъ, – повторилъ Шкаликъ, бросая лучезарную улыбку на окружавшихъ его слушателей.

– Замѣтилъ ты, Михаилъ Ивановичъ, – говорила Г-жа Михайлова, усаживаясь въ новыя троечныя дрожечки на рессорахъ, – какое у него лицо непріятное. Что-то этакое злое ужасно. Ну, а ужъ ходитъ, нечего сказать, не по княжески.

– Да и слухи про него не такъ то хороши, – отвѣчалъ Михайло Ивановичъ, глубокомысленно вглядываясь въ лоснящійся крупъ правой пристяжной. – Князь, такъ и держи себя княземъ, а это что?

Глава [3]. Кляузное дѣло.5

На прошлой недѣль 5 хабаровскихъ бабъ ходили въ казенную засѣку за грибами. Набравъ по лукошкѣ, часу въ 10-мъ онъ, возвращаясь домой черезъ шкаликовскую долину (онъ снималъ ее отъ казны), присѣли отдохнуть около стоговъ. По шкаликовской долинь, занимающей продолговатое пространство въ нѣсколько десятинъ, между старымъ казеннымъ лѣсомъ, молодымъ березникомъ и хабаровскимъ озимымъ полемъ, течетъ чуть видная, чуть слышная рѣчка Сорочка. На одномъ изъ ея изгибовъ расли 3 развѣсистыя березы, а между березами стояли стога стараго сѣна и вмѣстѣ съ ними кидали по утрамъ причудливую лиловую тѣнь черезъ рѣчку на мокрую отъ росы шкаликовскую траву. Тутъ-то полдничали и спали бабы. Тонкая сочная трава растетъ около рѣчки, но ближе къ темнымъ дубамъ, стоящимъ на опушкѣ лѣса, она сначала превращается въ осоку и глухую зарось, а еще ближе къ лѣсу только кое-гдѣ тонкими былинками пробивается сквозь сухія листья, жолуди, сучья, каряжникъ, которые сотни лѣтъ сбрасываетъ съ себя дремучій лѣсъ и кидаетъ на сырую землю. Лѣсъ идетъ въ гору и чѣмъ дальше, тѣмъ суровѣе; изрѣдка попадаются голые стволы осинъ, съ подсохшими снизу сучьями и круглой, высоко трепещущей, зеленой верхушкой; кое-гдѣ скрипитъ отъ вѣтра нагнувшаяся двойная береза надъ сырымъ оврагомъ, въ которомъ, придавивъ орѣховый и осиновый подростокъ, съ незапамятныхъ временъ, гніетъ покрытое мохомъ свалившееся дерево. Но когда смотришь съ долины, видны только зеленыя макушки высокихъ деревъ, все выше и выше, все синѣе и синѣе. И конца не видать. – Березникъ, лѣсокъ незавидный, нешто, нешто, слѣга, а то и оглобля не выйдетъ. – Трава тоже пустая, тонкая, рѣдкая, косою не захватишь по ней. Шкаликъ скотину пускаетъ. Затобъ мѣсто веселое. Въ то самое

время, какъ бабы отдыхали подь стогами, Шкаликъ изъ города заѣхалъ посмотрѣть

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
свою долину и, объѣхавъ ее кругомъ, удостовѣрившись, что трава растеть и побоевъ нѣтъ, подѣхалъ къ стогамъ. Дальнѣйшія же обстоятельства могу передать только въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ дошли до меня.

Въ тотъ-же день Князю Нехлюдову доложили, что пріѣхалъ Шкаликъ и имѣеть сообщить важное дѣло. –

Выйдя на крыльцо, Николинъка нашель Шкалика въ самомъ странномъ положеніи. Лицо его было исцарапано, волосы, борода и усы растрепаны и слѣплены кровью, надъ правымъ глазомъ синеватая шишка и такая же на верхней губѣ. Одежда, сгорбленное положеніе и бользенное выраженіе глазъ и сильный запахъ водки свидѣтельствовали о необычномъ его разстройствѣ.

– Что съ тобой? – спросилъ Князь.

– Ваше Сіятельство, защитите.

– Что? что такое?

– Ваши мужички... жисть мою прекратили.

– Какъ жисть прекратили? Когда? гдѣ?

– Только, вотъ, вотъ вырвался отъ злодѣевъ, спасибо объѣзчикъ меня спасъ отъ варваровъ, а то бы тамъ и лишиться бы мнѣ смерти, Ваше Сіятельство.

– Гдѣ это было и за что? Объяснись обстоятельно.

– На Савиной полянѣ, Ваше Сіятельство. ъздилъ я въ городъ позавчера по своимъ надобностямъ, только нынче напился чайку съ Митряшкой, ежели изволите знать, что на канавѣ дворъ, онѣ и говоритъ: «поѣдемъ лучше, Алексій, вмѣстѣ, я тебя на тельгѣ доведу, а лошадь сзади привяжь».

– Ну, – сказала Князь, усаживаясь на перила и продолжая слушать съ напряженнымъ вниманіемъ.

Какъ только Шкаликъ приступилъ къ изложенію своего несчастія, всѣ слѣды его слабости и разстройства постепенно исчезли, онѣ выпрямился и говорилъ твердо. Онѣ объяснилъ, какъ онѣ съ Мит[ряшкой] заѣзжали на конную, какъ потомъ М[итряшка] убѣдительно приглашалъ его въ трактиръ, но какъ онѣ, къ своему несчастію, не согласился на его предложенія. Потомъ слѣдовалъ разсказъ о томъ, какія выгоды можетъ приносить С[авина] поляна, и какія родятся на ней сѣна. Далѣе онѣ передалъ, что чувствовалъ, какъ бы предчувствіе своего несчастія, но нелегкій затащилъ его захватъ на долину, на которой онѣ и былъ изувѣченъ хабаровскими мужичками. О причинахъ же, доведшихъ его до этого несчастнаго положенія, онѣ умалчивалъ.

– Какіе-же были мужички на долинѣ, и за что вы поссорились? – продолжалъ допрашивать Князь, замѣчая, что Шкаликъ такъ-же охотно умалчивалъ о сущности обстоятельствъ, какъ охотно распространялся о предшествующихъ тому случаяхъ съ нимъ, съ Митряшкой и съ другими его знакомыми.

– Игнашка Болхинъ былъ, Ваше Сіятельство.

– Ну что-же у васъ съ нимъ было?

– Ничего не было.

– Такъ за что же онѣ тебя билъ?

– По ненависти, Ваше Сіятельство.

– Да неужели онѣ такъ, безъ всякой причины, подошелъ и началъ, молча, бить тебя. Что-же онѣ говорилъ?

– Ты, – говоритъ, – наши луга травишь, да ты хлѣбъ нашъ топчешь, да ты такой, да ты сякой, взялъ да и началъ катать. Ужъ они меня били, били.

– Кто же они?

– Туть и бабы, туть и дѣвки, туть ужь я и не помню.

– Зачѣмъ-же такъ бабы били?

– Богъ ихъ вѣдаетъ, – отвѣчалъ онъ, махая рукой, какъ будто желая прекратить этотъ непріятный для него разговоръ. – Съно мое пораскидано, стога разломаны...

– Зачѣмъ-же они съно разломали?

– По злобѣ, Ваше Сіятельство. Я еще сказалъ Афенькѣ Болхиной: «вы съно, бабочки, не ломайте», какъ она схватитъ жердь, – продолжалъ онъ, представляя ея жестъ и выраженіе лица, – а тутъ Игнатка съ поля какъ кинется... Истиранили, Ваше Сіятельство, на вѣкъ нечеловѣкомъ исдѣлали, – продолжалъ онъ, опять приводя свое лицо и фигуру въ положеніе прежняго разстройства. – 20 лѣтъ живу, такого со мной не бывало. Меня здѣсь всѣ знаютъ, я никому обиды не дѣлалъ, ну ужь и меня разсудите, Ваше Сіятельство, по Божьему, чѣмъ намъ кляузы имѣть...

– Странно, – говорилъ Князь, пожимая плечами, – такъ безъ причины бросились бить. Хорошо, я все дѣло нынче вечеромъ разузнаю, а ты пріѣзжай завтра рано утромъ, и, ежели твоя правда, строго взѣищу, будь покоенъ.

– Коли имъ острастки не дать, Ваше Сіятельство, они убить рады – это такой народъ.

– Будь покоенъ, прощай.

Князь воротился въ комнату. Несчастный Шкаликъ въ виду лакея насилу влѣзъ на лошадь, но выѣхавъ на большую дорогу, началъ выдѣлывать туловищемъ, плетью и головой престранныя эволюціи и вдругъ пустилъ лошадь во весь скокъ до самаго кабака.

Въ тотъ же день вечеромъ призванный Игнатка Болхинъ объяснилъ дѣло это совсѣмъ иначе. Онъ просилъ у Князя милости и защиты отъ Шкалика, который будто-бы, подѣхавъ къ стогу, у котораго отдыхали бабы, почалъ ихъ безщадно бранить за расхищеніе какихъ-то веревокъ и сѣна. На слова ихъ что онъ ни его, ни сѣна не трогаютъ, онъ отвѣчалъ тѣмъ, что, схвативъ съ стога жердь, погнался за ними.

И бабы убѣжали, но Аенъка Болхина была на сносѣ, поэтому не могла уйти, спотыкнулась, упала и была избита имъ такъ, что, едва-едва дотащившись домой, тотчасъ-же выкинула. Онъ-же (Игнатка), находясь на бугрѣ, что за березникомъ (на который сваливалъ навозъ) услышалъ крикъ и кинулся туда. Увидавъ, что хозяйка его ужь хрипитъ, а Шкаликъ ее все таскаетъ, онъ отнялъ у него хозяйку и жердь. Онъ готовъ былъ идти къ присягѣ, что все это была истинная правда, и опирался при этомъ на свидѣтельство объѣздчика. Допрошенный объѣздчикъ изъ гвардейцовъ дѣйствительно подтвердилъ слова Игната, съ одобрительной улыбкой прибавилъ, что Игнатка-таки похолоилъ Шкалика, и что Шкаликъ вѣрно не сдѣлалъ бы такого, не будь онъ въ Бахусѣ. Дѣло уяснилось.

Глава [4]. Примиренье.7

Шкаликъ не являлся. Но когда посланный отъ Князя конторщикъ объявилъ ему, что Аенъка выкинула, что Князь изволятъ крѣпко гнѣваться и общаются взыскать съ него по законамъ, – а они у насъ до всего сами доходятъ, – прибавилъ конторщикъ, – Шкаликъ трухнулъ. Ему смутно представились острогъ, кобыла, плети, и все это такъ непріятно подѣйствовало на него, что онъ поѣхалъ къ Князю, молча упалъ ему въ ноги, и только послѣ неоднократныхъ требованій встать и объяснить, всхлипывая сказалъ: «виноватъ, Ваше Сіятельство, не погубите!» Трогательное выраженіе раскаянія Шкалика подѣйствовало на неопытнаго Князя.

– Я вижу, ты не злой человѣкъ, – сказалъ онъ, поднимая его за плечи. – Ежели ты искренно раскаиваешься, то Богъ проститъ тебя, мнѣ же на тебя сердиться нечего; дѣло въ томъ, проститъ ли тебѣ Болха и его жена, которымъ ты сдѣлалъ зло? Я позову къ себѣ Болху, поговорю съ нимъ. Можетъ быть все и уладится».

При этомъ юный Князь сказалъ еще нѣсколько благородныхъ, но не доступныхъ для Шкалика словъ о томъ, что прощать обиды лучшая и пріятнѣйшая добродѣтель, но что въ настоящемъ случаѣ онъ не можетъ доставить себѣ этаго наслажденія, потому что

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
обида нанесена не ему, а людям, вверенным Богом его попечению, что он может только внушать им добро, но управлять чувствами этих людей он не может. Шкалик на все изъявил совершенное согласие. Игнатка был позван в другую комнату, и юный князь, очень довольный своей ролью посредника, стал внушать Игнатку, очень удивленному тем, что все дело еще не прекратилось таской, которую он дал Шкалику, – чувства любви и примирения.

– Потеря твоя уж невозвратима, – говорил Николинька, и, разумеется, ничем нельзя заплатить за сына, которого ты лишился, но так как этот человек искренно раскаивается и просит простить его, то не лучше-ли тебе кончить с ним мировой? Он, я уверен, не откажется заплатить тебе 50 р. с тем только, чтобы ты оставил это дело и забыл все прошлое. Так что-ли?

– Слушаю, Ваше Святельство!

– Нѣтъ, ты говори по своим чувствам, я тебя принуждать не намерен. Как ты хочешь?

– На то воля Вашего Святельства.

Больше этого князь ничего не мог добиться от непонимающего хорошенько, в чем дело, Игната, но, приняв и эти слова за согласие, он с радостным чувством перешел к Шкалику. Шкалик опять на все был совершенно согласен. Князь, очень довольный приведенным к окончанию примирением, перешел опять к Игнату и, слегка приготовив его, привел к Шкалику в переднюю, где и заставил их, к обоюдному удивлению и к своему большому удовольствию поцеловаться. Шкалик хладнокровно отер усы и, не взглядывая на Игната, простился, замѣтив, что с ним денег только цѣлковый, а что он привезет остальные завтра. «Вот, – думал Николинька, как легко сдать доброе дело. Вместо вражды, которая могла довести их, Бог знает, до чего и лишит их душевного спокойствия, они теперь искренно помирились.

Глава [5]. Умный человек.8

Шкалик, не заѣзжая домой, отправился в город, – прямо в нижнюю слободу, и остановился у разваленного домика чинов[ницы] Кошановой. Исхудалая, бользенная и оборванная женщина в чепец стояла в углу сорного, вонючего двора и мыла белье. 10-лѣтній мальчик в одной рубашенке, одном башмаке с ленточкой, но в соломенном картузик сидѣл около нея и дѣлал из грязи плотину на мыльном ручье, текшем из под корыта, 6-лѣтняя дѣвочка в чепчике с засаленными, розовыми лентами лежала на живот посреди двора и надрывалась от крика и плача, но не обращала на себя ничьяго вниманія.

– Здравствуйте, Марья Григорьевна, – сказал Шкалик, въѣзжая на двор и обращаясь к женщине в чепец, как бы вашего Василья Федорыча увидеть?

– И, батюшка, Алексѣй Тарасыч, – отвѣчала женщина, счищая мыло с своих костлявых рук, – 4-ую недѣлю не вижу.

– Что так?

– Пьеть! – грустно отвѣчала женщина.

В одном словѣ этом и голосѣ, которым оно было сказано, заключалось выражение продолжительнаго и тяжелаго горя.

– Вѣрите-ли, до чего дошли: ни хлѣба, ни дровъ, ни денег, ничего нѣтъ, так приходилось, что с дѣтьми хоть с сумой иди. Спасибо, добрые люди нашлись, дали работу, да и то мое здоровье какое? Куда мнѣ стиркой заниматься? – продолжала женщина, как будто вспоминая лучшія времена. Вот только тем и кормлюсь: куплю в день двѣ булочки, да и дѣлю между ними, – прибавила она, как видно с удовольствием распространяясь о своем несчастіи и указывая на дѣтей. А печки мы, кажется, с Пасхи не топили. Вот жизнь моя какая, и до чего он довел меня безчувственный, а кажется, мог бы семью прокормить. Ума палата, кажется, по его уму министром только-бы быть, мог бы в свое удовольствіе жить и семейство... все водочка погубила. –

– А развѣ не знаешь, где он? Мнѣ дѣльце важное до него есть.

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru

Описание нищеты подвигнуло на Шкалика, должно быть, не так, как ожидала Марья Григорьевна; он презрительно поглядывал на нее и, говорил ей уже не «вы», а «ты».

– Говорят, на съезде сидеть. Намедни, слышно, они у Настьки гуляли; так там драка какая-то с семинарскими случилась. Говорят, мой-то Василий Федорович в сердцах одному палец откусили что-ли. Бог их знают.

– Он теперь трезвый, я-чай?

Женщина помолчала немного, утерла глаза щиколками руки и ближе подошла к лошади Шкалика.

– Алексий Тарасыч! вам верно его надо насчет бумаг. Вы сами знаете – он вам уж писал, так, как он, никто не напишет. Уж он кажется самому Царю напишет. Сделайте такую милость, Алексий Тарасыч, продолжала Марья Григорьевна, краснея и кланяясь, – не давайте ему в руки ничего за труды: все пропеть. – Сделайте милость, мне отдайте. Видите мою нищету.

– Это уж там ваше дело. Мое дело заплатить.

– Верите-ли, со вчерашнего утра у дѣтей куса хлѣба в рот не было, хоть бы вы...
– но тут голос Марьи Григорьевны задрожал, лицо ее покраснело, она быстро подошла к корыту, и слезы покатались в него градом.

– А пускают ли к нему? – спросил Шкалик, поворачивая лошадь.

Марья Григорьевна махнула рукой и, рыдая, принялась стирать какую-то салфетку.

Всѣ, кто только знал Василья Федоровича, отзывались о нем так: «О! умнѣйшій человекъ, и душа чудесная, только одно...»

Такое мнѣніе основывалось не на дѣлахъ его, потому что никогда онъ ничего ни умнаго, ни добраго не сдѣлалъ, но единственно на утвердившемся мнѣніи о его умѣ, краснорѣчїи и на томъ, что онъ будто-бы служилъ вѣ Сенатѣ. «Заслушаешься его рѣчей», говорили его знакомые и вѣ особенности тѣ, которые обращались къ нему для сочиненія просьбъ, писемъ, докладныхъ записокъ и т. п. Вѣ сочиненїи такого рода бумагъ для безграмотныхъ людей и состояли сѣ незапамятныхъ временъ его средства къ существованію вѣ то короткое время года, вѣ которое онъ не пилъ запоемъ или, какъ, смягчая это выраженїе, говорили о немъ, – не бывалъ болѣнъ. –

Мы не беремся рѣшать вопроса, дѣйствительно ли существуетъ эта болѣзнь, къ которой особенно склоненъ извѣстный классъ русскаго народа, но скажемъ только одно: по нашему замѣчанію, главные симптомы этой болѣзни составляютъ безпечность, безчестный промыселъ, равнодушїе къ семейству и упадокъ религіозныхъ чувствъ, общїй источникъ которыхъ есть полуобразование.

Хотя у[мнѣйшїй] человекъ зналъ отчасти гражданскїе и уголовные законы, но вѣ бумагахъ, сочиняемыхъ имъ, ясность и основательность изложенія дѣла большей частью приносилась вѣ жертву риторическимъ цвѣтамъ, такъ что сквозь слова «высокодобродѣтельный, всемилостивѣйше снизойдти, одрѣ изнурительной медицинской болѣзни» и т. п., восклицательныя знаки и розмахи пера, смыслъ проглядывалъ очень, очень слабо. Это-то, кажется, и нравилось тѣмъ, которые обращались къ нему. Лицо его, украшенное взбитымъ полусѣдымъ хохломъ, выражало добродушїе и слабость; никакъ нельзя было предполагать, чтобы такой человекъ могъ откусить палецъ семинаристу.

У[мнѣйшїй] человекъ небритый, испачканный, избитый и испитой, вѣ одной рубашкѣ, лежалъ на кровати сторожа и не былъ пьянъ. Онъ внимательно выслушалъ рассказъ Шкалика о дѣлѣ его сѣ княземъ. Шкаликъ обращался сѣ Василиемъ Федоровичемъ сѣ чрезвычайнымъ почтенїемъ. Узнавъ, что заболѣвшая отъ побоевъ баба была взята вѣ устроенную недавно княземъ больницу и уже выздоровѣла, что отъ князя никакого прошенія не поступало, а должно было поступить такого-то содержанія (шкаликъ досталъ отъ конторщика черновое прошенїе), что свидѣтель былъ только одинъ, у[мнѣйшїй] человекъ сказалъ, что никто, кромѣ его, не можетъ устроить этаго дѣла, но что онъ, такъ и быть, беретъ за него, тѣмъ болѣе, что шкалику выгоднѣе, вмѣсто того, чтобы платить 50 р. какому-то (Рюрику)9 мужлану, заплатить ему хоть 15. «Такъ-то, братъ Алешка», – сказалъ онъ, приподнимаясь. –

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
«Такъ точно», – отвѣчалъ Шкаликъ. Послѣ этаго умнѣйшій человекъ, не слушая обычныхъ лестныхъ словъ Шкалика насчетъ своего высокаго ума, впалъ въ задумчивость. Плодомъ этой задумчивости были двѣ бумаги слѣдующаго содержанія: 1) По титулѣ: такого-то и туда прошенія, а о чемъ тому слѣдуютъ пункты. 1) Проѣзжая туда-то и туда-то, нашель на полянѣ такой-то и такой-то сѣно мое расхищеннымъ (ночью должно было разломать два стога и увезти во дворъ); 2) похитителями были хабаровскіе крестьяне, въ чемъ я удостовѣрился, заставъ ихъ на мѣстѣ преступленія. 3) Увидавъ, что гнусный и преступный замыселъ ихъ открыть, они возымѣли намѣреніе лишить меня жизни, но всемилостивѣйшее Провидѣніе спасло меня незримымъ перстомъ своимъ и т. д.; 4) и потому прошу, дабы съ злоумышленными похитителями онаго сѣна, и грабителями поступлено было по законамъ. Къ подачѣ надлежитъ туда-то, сочинялъ такой-то и т. д.

2-ая бумага – отзывъ на прошеніе, которое могъ подать Князь.

Въ числѣ похитителей сѣна, означенныхъ въ прошеніи моемъ, поданномъ тогда-то, преждевременно разрѣшившаяся безжизненнымъ плодомъ женщина Аевеня Болхина не находилась, а поэтому въ несчастіи, ее постигшемъ, я не могъ быть причиненъ. Но, какъ слышно, произошло то отъ побоевъ мужа ея, наказывавшаго ее за распутное поведеніе. Боясь же открыть свое преступленіе помѣщику своему, студенту, князю Нехлюдову, имѣвшему къ выше упомянутой Аевеніи особенное пристрастіе (что видно изъ того, что она была тотчасъ же взята для пользования на барскій дворъ), вышеупомянутый крестьянинъ Болха ложно показавъ, что она находилась во время покражи моего сѣна и буйства, произведеннаго хабаровскими крестьянами такого-то числа на Савиной полянѣ, и что я могъ быть причиною несвоевременнаго ея разрѣшенія и т. д.

У[мнѣйшій] человекъ получилъ тотчасъ же обѣщанные 15 р., изъ которыхъ только полтинникъ, и то съ бранью перешель въ руки притащившейся съ дѣтьми въ слезахъ Марьи Григорьевны, а на остальные же умнѣйшій человекъ и министръ продолжалъ быть больнъ, т. е. пить запоемъ. Шкаликъ съ радостной улыбкой получилъ, въ замѣнъ 15 р., двѣ краснорѣчивыя, драгоцѣнныя бумаги. Эти-то бумаги находились уже въ его кармазинномъ карманѣ, когда онъ послѣ обѣдни глубокомысленно говорилъ князю: «Всѣ подѣ Богомъ ходимъ, Ваше Сіятельство».

Глава [6]. Размышленія князя.10

Юный князь скорыми шагами шель къ дому. Прихожане съ любопытствомъ поглядывали на него, замѣчая отрывистые жесты, которые онъ дѣлалъ, разсуждая самъ [съ] собой. Онъ былъ сильно возмущенъ. «Нѣтъ! – думалъ Николинъка, – безстыдная ложь, отпирательство отъ своихъ словъ, вотъ что возмущаетъ меня. Я не понимаю, даже не могу понять, какъ можетъ этотъ человекъ послѣ всего, что онъ мнѣ говорилъ, послѣ слезъ, которыя казались искренними, такъ нагло отказываться отъ своихъ словъ и имѣть духу смотрѣть мнѣ въ глаза! Нѣтъ, правду говорилъ Яковъ, онъ рѣшительно дурной человекъ, и его должно наказать. Я буду слабъ, ежели я этаго не сдѣлаю. – Но правъ ли я? Не виноватъ-ли я въ томъ, что онъ теперь отказывается? Зачѣмъ я требовалъ эти проклятыя деньги? Мнѣ и тогда что-то говорило, что не годится въ такомъ дѣлѣ вмѣшивать деньги! Такъ и вышло. Можетъ, онъ точно раскаявался, но я привелъ это хорошее чувство въ столкновеніе съ деньгами, съ скупостью, и скупость взяла верхъ. Точно, 50 р. для Болхи значить много, и хотя не полное, но все-таки было вознагражденіе, а для него пожертвованіе 15 рублей было доказательствомъ его искренности. – Разумѣется, ежели-бы я теперь пересталъ требовать деньги, онъ охотно-бы помирился и опять поцѣловался-бы, – вспомнивъ эту, сдѣланную имъ смѣшную сцену между Шкаликомъ и Игнаткой, князь вздрогнулъ и покраснѣлъ до ушей, – но что же бы это было за примиреніе? комедія. Довольно и разъ сдѣлать глупость. – Главное то, – продолжалъ князь, нахмурившись и прибавляя шагу, – онъ меня одурачилъ. Я могу за это сердиться, могу желать отмстить ему, потомъ могу смѣяться надъ собой и своимъ сердцемъ, могу забывать и презирать его обиды. Все это будетъ очень любезно, – продолжалъ онъ иронически, – но какое я имѣю право забывать не свои обиды, а зло, несчастіе, которое онъ причинилъ людямъ, которыхъ я обязанъ покровительствовать, обязанъ, потому что они не имѣютъ средствъ сами защищаться. Ежели я оставлю дѣло это такъ, то что-же обезпечить не только собственность, но личность, семейство, – самыя священныя права моихъ крестьянъ? Они не могутъ защищать ихъ, поэтому обязанность эта лежитъ на мнѣ. Я самъ не могу защитить ихъ, поэтому я долженъ искать защиты у правительства. Да, я не съ Шкаликомъ буду тягаться, а я буду отстаивать самыя священныя права своихъ подданныхъ. Тутъ нѣтъ ни меня, ни Шкалика, а тутъ есть справедливость, которой я долженъ и буду служить. Николинъка въ первый разъ начиналъ тяжбу. Это тревожило его. Хотя онъ и былъ юристомъ въ университетѣ, но

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
имѣлъ самое смутное и непріязненное понятіе о присутственныхъ мѣстахъ. Поэтому, чтобы рѣшиться имѣть съ ними дѣло, онъ долженъ былъ вызвать въ окружающихъ должное для него понятіе о долгѣ. –

Глава. Иванъ Чурись.11

Подходя къ Хабаровкѣ, Князь остановился, вынулъ изъ кармана записную книжку, которую всегда носилъ съ собой, и на одной изъ страницъ прочелъ нѣсколько крестьянскихъ съ отметками именъ.

«Иванъ Чурись – просилъ сошекъ», прочелъ онъ и, взойдя въ улицу, подошелъ къ воротамъ 2-ой избы съ права.

Жилище Ивана Чуриса составляли полусгнившій, подопрѣтый съ угловъ срубъ, похилившійся и вросшій въ землю такъ, что надъ самой навозной завалиной виднелось одно разбитое оконце – красное волоковое съ полуоторваннымъ ставнемъ и другое – волчье, заткнутое хлопкомъ; рубленные сени, съ грязнымъ порогомъ и низкой дверью, которые были ниже перваго сруба, и другой маленькой срубъ, еще древнее и еще ниже сеней; ворота и плетеная клетъ. Все это было когда то покрыто подъ одну неровную крышу, теперь же только на застрехе густо нависла черная гнѣющая солома, на верху же мѣстами виденъ былъ рѣшетникъ и стропила. Передъ дворомъ былъ колодезь съ развалившимся срубомъ, остаткомъ столба и колеса и съ грязной лужей, въ которой полоскались утки. Около колодца стояли двѣ старыя, старыя треснувшія и надломленныя ракиты, но все таки съ широкими блѣдно-зелеными вѣтвями. Подъ одной изъ этихъ ракитъ, свидѣтельствовавшихъ о томъ, что кто[то] и когда-то заботился о украшеніи этаго мѣста, сидѣла 8-лѣтняя бѣлокурая дѣвчонка и заставляла ползать вокругъ себя другую 2-лѣтнюю дѣвчонку. Дворной щенокъ, вилявшій хвостомъ около нихъ, увидавъ князя, опроретью бросился подъ ворота и залился оттуда испуганнымъ дребезжащимъ лаемъ.

– Дома-ли Иванъ? спросилъ Николинъка.

Старшая дѣвчонка остолбенела и начала все болѣе открывать глаза, меньшая раскрыла ротъ и сбиралась плакать. – Небольшая старушонка, притаившись въ сѣняхъ, повязанная бѣлымъ платкомъ, изъ подъ котораго выбивались полусѣдые волосы, и въ изорванной клетчатой поневѣ, низко подпоясанной старенькимъ, красноватымъ кушакомъ, выглядывала изъ за дверей.

Николинъка подошелъ къ сѣнямъ. «Дома, кормилецъ», проговорила жалкимъ голосомъ старушонка, низко кланяясь и какъ будто очень испугавшись. Николинъка, поздоровавшись, прошелъ мимо прижавшейся въ сѣняхъ и подперевшейся ладонью бабы на дворъ. На дворъ бѣдно лежалъ клочьями старый почернѣвшій навозъ. На навозѣ валялся боровъ, сопрѣлая колода и вилы. Навѣсы вокругъ двора, подъ которыми кое-гдѣ безпорядочно лежали кадушки [?], сани, тельга, колесо, колоды, сохи, борона, сваленныя въ кучу негодныя колодки для ульевъ, были вовсе раскрыты, и одна сторона ихъ вовсе обрушилась, такъ что спереди переметы лежали уже не на углахъ, а на навозѣ. Иванъ Чурись топоромъ и обухомъ выламывалъ плетень, который придавила крыша. Иванъ Чурись былъ человекъ лѣтъ 50, ниже обыкновеннаго роста. Черты его загорѣлаго продолговатаго лица, окруженнаго темнорусою съ просѣдью бородою и такими-же густыми, густыми волосами были красивы и сухи. Его темно голубые, полузакрытые глаза выражали умъ и беззаботность. Выраженіе его рта рѣзко обозначавшагося, когда онъ говорилъ, изъ подъ длинныхъ рѣдкихъ усомъ незамѣтно сливающихся съ бородою, было столько-же добродушное, сколько и насмѣшливое. По грубости кожи глубокихъ морщинъ и рѣзко обозначеннымъ жиламъ на шеѣ, лицѣ и рукахъ, неестественной сутуловатости, особенно поразительной при маленькомъ ростѣ, кривому дугообразному положенію ногъ и большому разстоянію большаго пальца его руки отъ кисти, видно было, что вся жизнь его прошла въ работѣ – даже въ слишкомъ трудной работѣ.

Вся одежда его состояла изъ бѣлыхъ полосатыхъ партокъ, съ синими заплатками на коленяхъ и такой же рубахи безъ ластовиковъ съ дырками на спинѣ, показывающими здоровое бѣлое тѣло. Рубаха низко подпоясывалась тесемкой съ висѣвшимъ на ней негоднымъ ключикомъ.

– Богъ помочь тебѣ, Иванъ, – сказалъ Князь. Чурисенокъ (какъ называли его мужики), увидавъ Князя, сдѣлалъ энергическое усиліе, и плетень выпростался изъ подъ стропиль; онъ воткнулъ топоръ въ колоду и, оправляя поясокъ, вышелъ изъ подъ навѣса.

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru

– Съ праздникомъ, Ваше Сіятельство, – сказалъ онъ, низко кланяясь и встряхивая головой.

– Спасибо, любезный... вотъ пришелъ твое хозяйство провѣдать. Ты вѣдь сохъ просиль у меня, такъ покажи ка на что онъ тебѣ?

– Сошки?

– Да, сошки.

– Известно на что сохи, батюшка Ваше Сіятельство, все старо, все гнило, живаго бревна нѣту-ти. Хоть мало-мальски подперѣть, сами изволите видѣть – вотъ анадьсь уголь завалился, да еще помиловаль Богъ, что скотины въ ту пору не было, да и все то ели ели висить, – говорилъ Чурись, презрительно осматриваясь. – Теперь и стропила-ти и откосы, и переметы, только тронь, глядишь, дерева дѣльнаго не выдетъ. А лѣсу гдѣ нынче возьмешь?

– Такъ для чего-же ты просиль у меня 5 сошекъ? – спросиль Николинъка съ изумленіемъ.

– Какже быть-то? старыя сохи подгнили, сарай обвалился, надо-же какъ нибудь извернуться...

– Да вѣдь ужъ сарай обвалился, такъ подпереть его нельзя, а ты самъ говоришь, что коли его тронуть, то и стропилы всѣ новыя надо. Такъ 5 сохъ тебѣ не помогутъ.

– Какого рожна подпереть, когда онъ на земли лежить.

– Тебѣ стало быть, нужно бревно, а не сошекъ, такъ и говорить надо было, – сказалъ Николинъка строго.

– Вистимо нужно, да взять то гдѣ ихъ возьмешь. Не все-же на барскій дворъ ходить! Коли нашему брату повадку дать, то за всякимъ добромъ на барскій дворъ кланяться, какіе мы крестьяне будемъ? А коли милость ваша на то будетъ насчетъ 2 дубовыхъ макушекъ, что на гумнѣ лежать, говорилъ онъ, робко кланяясь и переминаясь, такъ тоже я, которыя подмѣню, которыя поурѣжу изъ стараго какъ-нибудь соорудаю. Дворъ-то зиму еще и простоятъ.

– Да и вѣдь ты самъ говоришь, что все пропащее: нынче этотъ уголь обвалился, завтра тотъ и весь завалится. Какъ думаешь, можетъ простоятъ твой дворъ безъ починки года два, или завалится?

Чурись задумался и устремиль внимательные взоры на крышу двора.

– Оно, може, и завалится, – сказалъ онъ вдругъ.

– Ну вотъ видишь ли! чѣмъ тебѣ за каждой плахой на барскій дворъ ходить (ты самъ говоришь, что это негодится), лучше сдѣлать твой дворъ заново. Я тебѣ помогу, потому что ты мужикъ старательный. Я тебѣ лѣса дамъ, а ты осенью все это заново и сдѣлай; вотъ и будетъ славно.

– Много довольны вашей милостью, – отвѣчалъ, почесываясь Чурись. (Онъ не вѣрилъ исполненію обѣщанія Князя.)

– Мнѣ хоть бревно 8 арш., да сошекъ, такъ я совсѣмъ справлюсь, а который негодный лѣсъ въ избу на подпорки, да на накатникъ пойдетъ.

– А развѣ у тебя изба плоха?

– Того и ждемъ съ бабой, что вотъ вотъ раздавить кого-нибудь. Намедни и то накатина съ потолка бабу убила.

– Какъ убила?

– Да такъ убила, Ваше Сіятельство, по спинѣ какъ полыхнетъ, и такъ она до ночи, сердешная, за мертво лежала.

– Что-жъ прошло?

– Прошло-то прошло, да Богъ ее знаетъ, все хвораетъ.

– Чѣмъ ты больна? – спросилъ князь у охавшей бабы, показавшейся въ дверяхъ.

– Все вотъ тутъ не пускаетъ меня, да и шабашъ, – отвѣчала баба, указывая на свою тощую грудь.

– Отчего-же ты больна, а не приходила сказаться въ больницу? можетъ быть тебѣ и помогли.

– Повѣщали, кормилецъ, да недосугъ все. И на барщину, и дома, и ребятишки, все одна. Дѣло наше одинокое, – отвѣчала старушонка, жалостно потряхивая головой.

<Учрежденное Княземъ съ такой любовью и надеждою на несомнѣнную пользу деревенское заведеніе для подаянія простыхъ медицинскихъ средствъ больнымъ крестьянамъ не могло принести пользы въ этомъ случаѣ, котораго онъ не только не предполагалъ, но и даже понять не могъ хорошенько. Это озадачило его, онъ поспѣшилъ перемѣнить разговоръ>.

Глава 7. Его изба.12

<Посмотримъ твою избу, сказалъ онъ, всходя въ нее. – На лѣво13 отъ низкой двери въ углу передъ лавкою на земляномъ неровномъ полу стоялъ кривой столъ; съ той же стороны были примостки около печи, надъ столомъ въ углу стояла деревянная черная, черная икона съ мѣднымъ вѣнчикомъ, нѣсколько суздальскихъ картинокъ, истыканныхъ тараканами и покрытыхъ странными славянскими словами, были наклеены возлѣ. Но эти безграмотныя картинки и тараканы не помѣшали часто возноситься изъ этаго мрачнаго угла чистымъ услышаннымъ молитвамъ.>14

<За столомъ была широкая лавка, покрытая рогожей и овчинами, около нея и подъ ней стояли свѣтецъ, кадушки, ушатъ, ведра, ухватъ. Противуположную сторону занимали почернѣвшая большая смрадная печь и полати.>

Неровныя темно сѣрыя стѣны были увѣшаны разнымъ тряпьемъ и хламомъ и покрыты тараканами. Изба была такъ мала, что въ ней буквально трудно было поворотиться, и такъ крива, что ни одинъ уголь не былъ прямъ. Въ серединѣ потолка была большая щель и несмотря, что въ двухъ мѣстахъ были подпорки, потолокъ, казалось, не на шутку угрожалъ разрушеніемъ.

– Да, изба очень плоха, – сказалъ князь, всматриваясь въ лицо Чурису, который потупившись, казалось, не хотѣлъ начинать говорить объ этомъ.

– Задавить насъ и ребятишекъ, задавить, – начала приговаривать баба, прислонившись къ стѣнѣ подъ полатями и, казалось, собираясь плакать.

– Ты не говори, – строго сказалъ ей Чурись и продолжалъ, обращаясь къ князю и пожимая плечами, – и ума не приложу, что дѣлать, Ваше Сіятельство, и подпорки и подкладки класть; ничего нельзя исдѣлать. Какъ тутъ зиму зимовать? Коли еще подпорки поставить да новый накатникъ настлатъ, да переметъ перемѣнить, да покрыть хорошенько, такъ, може, какъ-нибудь и пробьемся зиму-то, только избу те всю подпорками загородишь, а прожить можно, а тронь, и такъ щепки живой не будетъ.

Николинкѣ было ужасно досадно, что Чурись не обратился прежде къ нему, тогда какъ онъ никогда не отказывалъ мужику и только того и добивался, чтобы всѣ прямо приходили къ нему за своими нуждами, – а довель себя до такого положенія; онъ очень золь былъ за это на Чуриса, разсердился даже, пожалъ плечами и покраснѣлъ, но видъ нищеты и спокойная беззаботность, окружающая его, нетолько смягчили его гнѣвъ, но даже превратилъ его въ какое-то грустное, но доброе чувство.

– Ну, какже ты, Иванъ, прежде не сказалъ мнѣ этого? – сказалъ онъ тономъ нѣжнаго упрека, садясь на лавку.

– Не посмѣлъ, Ваше Сіятельство, – отвѣчалъ Чурись, но онъ говорилъ это такъ смѣло и развязно, что трудно было вѣрить ему.

– Наше дѣло мужицкое, какъ мы смѣемъ, да мы... –начала было всхлипывая баба.

– Не гуторь, – лаконически сказалъ Чурись, полуоборачиваясь къ женѣ.

– Въ этой избѣ тебѣ жить нельзя, это вздоръ, – сказалъ Николинька, подумавъ нѣсколько, – а вотъ что мы сдѣлаемъ: видѣлъ ты каменныя герардовскія – эти съ пустыми стѣнами – избы, что я построилъ на Старой Деревнѣ?

– Какъ не видать-съ, – отвѣчалъ Чурись насмѣшливо улыбаясь, – мы не мало диву дались, какъ ихъ клали – такія мудренныя. Еще ребята смѣялись, что не магази-ли будутъ отъ крысь въ стѣны засыпать. Избы важныя – острогъ словно.

– Да, избы славныя, и прочныя, и просторныя, и сухія, и теплыя, и двѣ семьи въ каждой могутъ жить, и отъ пожара не такъ опасно.

– Не спорю, Ваше Сіятельство.

– Ну такъ вотъ, одна изба чистая сухая десятиаршинная съ сѣнями и пустою клетью совсѣмъ ужъ готова, я тебѣ ее и отдамъ, ты свою сломаешь, она на амбаръ пойдетъ, дворъ тоже перенесешь, вода тамъ славная, огороды я вырѣжу тебѣ изъ новины. – Земли твои во всѣхъ трехъ поляхъ тоже тамъ подъ бокомъ вырѣжу. Что-жъ, развѣ это тебѣ не нравится? – сказалъ Князь, замѣтивъ, что какъ только онъ заговорилъ о переселеніи, Чурись съ тупымъ выраженіемъ лица, опустивъ глаза въ землю, не двигался съ мѣста.

– Вотъ, Ваше Сіятельство, – отвѣчалъ онъ, не поднимая глазъ. Старушонка выдвинулась впередъ, какъ будто задѣтая за живое и желая сказать свое мнѣніе.

– Вотъ, Ваше Сіятельство, – сказалъ Чурись, а на Старой Деревнѣ намъ жить не приходится.

– Отчего?

– Нѣтъ, Ваше Сіятельство, котъ насъ туды пересѣлить, мы вамъ на вѣкъ мужиками не будемъ. Тамъ какое житье? Да тамъ и жить-то нельзя.

– Да отчего?

– Раззорѣнія, Ваше Сіятельство.

– Отчего?

– Какже тамъ жить? мѣсто не жилое, вода неизвѣстная, выгона нѣту-ти, конопляники у насъ здѣсь искони навозныя, добрыя, а тамъ что? Да и что тамъ? голь! ни плетней, ни авиновъ, ни сараевъ, ни ничего нѣту-ти. – Раззоримся мы, Ваше Сіятельство, коли насъ туда погоните. Мѣсто новое, неизвѣстное, – повторялъ онъ, задумчиво покачивая головой.

Николинька, нелюбившій слѣпого повиновенія отъ своихъ крестьянъ, – но худо-ли, хорошо, – считавшій необходимымъ объяснять имъ причины своихъ распоряженій, – особенно, касающихся ихъ собственно, вступилъ съ Чурисомъ въ длинное объясненіе выгодъ переселенія въ вновь устроенный имъ хуторъ. Николинька говорилъ дѣльно, но Чурись дѣлалъ иногда такія неожиданныя возраженія, что Князь приходилъ въ недоумѣніе. Такъ Чурись не предполагалъ возможности примезевать переселенному мужику земли около хутора, предвидя нескончаемыя распри по этому случаю между владѣльцами земель, онъ находилъ еще, что отрѣзывать около хутора особый выгонъ будетъ невыгодно и неудобно. Онъ сказалъ еще съ прикрытою добродушною простотою [?] насмѣшливостью, что по его мнѣнію хорошо бы посѣлить на хуторъ стариковъ дворовыхъ и Алешу дурачка, чтобъ они бы тамъ хлѣбъ караулили. «Вотъ бы важно-то было». Но главный аргументъ и который онъ повторялъ чаще другихъ, былъ тотъ, что «мѣсто нежилое, необнакновенное».

– Да что-жъ, что мѣсто нежилое, отвѣчалъ терпѣливо Николинька, вѣдь и здѣсь когда-то мѣсто было нежилое, а вотъ живутъ, и тамъ вотъ ты только первый посѣлишься съ легкой руки.

– И, батюшка, Ваше Сіятельство, какъ можно сличить, съ живостью отвѣчалъ Чурись, какъ будто испугавшись, чтобы Князь не принялъ окончательнаго рѣшенія, это мѣсто съ тамошнимъ: здѣсь на міру мѣсто, мѣсто веселое, обычное и дорога, и прудъ тебѣ

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой to1stoy1eo.ru

бълье что ли бабѣ стирать – скотину ли поить и все наше заведеніе мужицкое, тутъ и гумно, и огородишки, и ветлы вотъ, что мои родители садили здѣсь, и дѣдъ мой, и батька здѣсь Богу душу отдали, и мнѣ только бы вѣкъ тутъ свой кончить, Ваше Сіятельство, больше ничего не прошу. Будетъ милость ваша избу поправить, много довольны вашей милостью, а нѣтъ, такъ и въ старенькой своей вѣкъ какъ-нибудь доживемъ. Заставьте вѣкъ Богу молить, – продолжалъ онъ съ чувствомъ и низко кланяясь, не сгоняйте меня съ гнѣзда нашего. Тутъ гнѣздо наше, Ваше Сіятельство.

Въ это время старушонка выскочила впередъ и въ слезахъ упала въ ноги совершенно сконфуженному Николинкѣ. – Не погуби, кормилецъ, ты нашъ отецъ, ты наша мать, куда намъ селиться, мы люди старые одинокіе, какъ Богъ, такъ и ты..

Николинка пришелъ въ сильнѣйшее волненіе: онъ вскочилъ съ лавки, морщился, краснѣлъ, не зналъ, куда дѣваться, и никакъ не могъ уговорить бабу перестать.

– Что ты! встань, пожалуйста. Коли не хотите, такъ не надо, я принуждать не стану, – говорилъ, разчувствовавшись Николинка, и безъ всякой причины махая руками.

Невыразимо грустное чувство овладѣло имъ, когда онъ сѣлъ опять на лавку, и въ избѣ водворилось молчаніе, прерываемое только хныканьемъ бабы, удалившейся подъ полати и утиравшей слезы рукавомъ рубахи; онъ понялъ, что значить для этихъ людей разваливающаяся избенка, обваленный колодезь съ лужей, гніющія ветлы передъ кривымъ оконцемъ, клевушки и сарайчикъ. Онъ понялъ, что какое бы ни было ихъ гнѣздо, они не могутъ не любить его. Пускай вся жизнь ихъ прошла въ немъ въ тяжеломъ трудѣ, горѣ и лишеніяхъ; но все-таки это было ихъ гнѣздо, въ немъ выражалась вся 50-лѣтняя трудная ихъ деятельность.

– Какже ты, Иванъ, не сказалъ при мѣрѣ прошлое Воскресенье, что тебѣ нужна изба, я теперь не знаю, какъ помочь тебѣ. Я говорилъ вамъ всѣмъ тогда, что я посвятилъ свою жизнь для васъ, что я готовъ самъ лишитъ себя всего, лишь бы вы были довольны и счастливы. – Слова эти ясно доказывали неопытную молодость Николинки. Онъ не зналъ, что обещанія такого рода не прибавляютъ никакой цѣны ихъ исполненію, что, напротивъ, благодѣянія безъ приготовленій гораздо сильнѣе дѣйствуютъ на душу тѣхъ, которые ихъ получаютъ; не зналъ, что слова эти запомнятся и въ случаѣ неисполненія ихъ, вселятъ недовѣріе въ его мужикахъ и въ немъ самомъ удвоятъ тяжелое чувство поздняго раскаянія. Онъ не зналъ и того, что такого рода изліянія не способны возбуждать довѣрія ни въ комъ и въ особенности въ русскомъ человѣкѣ, любящемъ не слова, а дѣло и не охотникъ до выраженія чувствъ, хотя глубоко воспріимчивомъ. – Но простодушный Николинка не могъ не излить благородное чувство, преполнявшее его душу.

Чурисъ погнулъ голову на сторону и медленно моргая, съ принужденнымъ вниманіемъ, слушалъ Николинку, какъ человѣка, котораго нельзя не слушать, хотя онъ и говоритъ вещи, совершенно до насъ не касающіяся и нисколько неинтересныя.

– Но вѣдь я не могу всѣмъ давать все, что отъ меня требуютъ. Ежели-бы я не отказывалъ всѣмъ, кто у меня проситъ лѣса, скоро у меня ничего не осталось, и я не могъ бы дать тому, кто истинно нуждается. Затѣмъ-то я и отдѣлил заказъ и опредѣлил его для исправленія крестьянскаго строенія. Лѣсъ этотъ теперь ужъ не мой, а вашъ – крестьянскій, и ужъ я имъ не могу распоряжаться, а распоряжается мѣръ, какъ знаетъ. Ты приходи нынче на сходку, я мѣру поговорю о твоей просьбѣ, коли онъ присудитъ тебѣ избу дать, такъ и хорошо, а у меня ужъ теперь лѣсу нѣтъ. Я отъ всей души желаю помочь, но дѣло уже не мое, а мѣрское.

– Много довольны вашей милостью, – отвѣчалъ смущенный Чурисъ, – коли на дворъ лѣску ублагоотворите, такъ мы и такъ поправимся.

– Нѣтъ, ты приходи.

– Слушаю.

Николинкѣ видно хотѣлось еще спросить что-то, онъ не вставалъ и послѣ довольно непріятнаго для него молчанія, онъ робко спросилъ, заглядывая въ пустую нетопленную печь: – Что вы ужъ объдали?

Подъ усами Чуриса обозначилась нѣсколько насмѣшливая и вмѣстѣ грустная улыбка, онъ не отвѣчалъ.

– Какой объѣдъ, кормилецъ? – тяжело вздыхая, проговорила баба: – хлѣбушка поснѣдали, вотъ и объѣдъ нашъ. За сныткой нынче ходить неколи было, такъ и щець сварить не изъ чего, что кваску было тамъ – ребятамъ дала.

– Нынче постъ голодный, Ваше Сіятельство, – вмѣшался Чурись, – хлѣбъ, да лукъ, вотъ и пища наша мужицкая. Еще слава-ти Господи, хлѣбушка-то у меня, по милости Вашей, по сю пору хватило, а то сплошь и хлѣба-то нѣту, а луку нынѣ въздѣ недородъ, у Михаила Брюхина за пучокъ по грошу берутъ, а покупать нашему брату не откуда. Съ пасхи, почитай, что и въ Церкву не ходиль: – свѣчку Миколь не на что купить.

Николинька зналъ въ какой бѣдности живутъ крестьяне, но мысль эта была такъ невыносимо тяжела для него, что онъ противъ воли забывалъ истину и всякій разъ, когда ему напоминали ее, у него на сердць становилось еще грустнѣе и тяжеле.

– Отчего вы такъ бѣдны? – сказалъ онъ, думая вслухъ.

– Да какъ-же намъ и быть, батюшка, какъ не бѣднымъ? Земля наша какая? вы сами изволите знать, глина, бугры, да и то, видно, прогнѣвали мы Бога, вотъ ужъ съ холеры, почитай, хлѣба не родить. Луговъ и угодьевъ опять меньше стало, которыя позаказали, которыя попридрали. Дѣло мое одинокое, старое..., гдѣ и радъ-бы похлопоталь – силъ моихъ нѣту. Старуха моя больная, что ни годъ, то дѣвчонокъ рождаетъ. Въдъ всѣхъ кормить надо. Вотъ одинъ маюсь, а 7 душъ дома. – Грѣшенъ Господу Богу, часто думаю себѣ: хотъ-бы прибралъ ихъ Богъ поскорѣе, и мнѣ бы легче было, да имъ то, сердечнымъ, лучше, чѣмъ здѣсь горе мыкать. – Вотъ моя подмога, вся тутъ, продолжалъ онъ, указывая на бѣлоголоваго, шаршаваго мальчика лѣтъ семи, который съ огромнымъ животомъ въ это время робко подошелъ къ нему и, уставивъ изъ подлобья удивленные глаза на Николиньку, сморщился и изо всѣхъ силъ ковырялъ у себя въ носу. – Вотъ и подсобка, – продолжалъ звучнымъ голосомъ Чурись, проводя своей шаршавой рукой по лицу ребенка, – когда его дождешься; а мнѣ ужъ работу не въ мочь. Старость-бы еще ничего, да грыжа меня одолѣла. Въ ненастье хотъ крикомъ кричи; а въдъ ужъ мнѣ давно въ старики пора, вонъ Данилкинъ [?] Ермишка – всѣ моложе меня, а ужъ давно земли сложили. Ну мнѣ сложить не на кого, вотъ бѣда моя, а кормиться надо, вотъ и бьюсь, Ваше Сіятельство.

– Какъ же быть, въдъ міръ не согласится съ тебя земли сложить.

– Извѣстно дѣло, коли землей владать, то и барщину править надо, какъ-нибудь малаго дождусь, только будетъ милость ваша насчетъ училища его увольте, а то намедни Земской приходиль, говорилъ Его Сіятельство гнѣваться изволятъ, что мальчишки нѣтъ. – Въдъ какой у него разумъ, Ваше Сіятельство, онъ еще и ничего не смыслить.

– Нѣтъ, Иванъ, мальчикъ твой ужъ можетъ понимать, ему учиться пора. – Въдъ я для твоего-же добра говорю, ты самъ посуди, какъ онъ у тебя подрастетъ, хозяиномъ станеть, да будетъ грамоти знать и считать будетъ умѣть, и въ Церкви читать, въдъ все у тебя дома съ Божьей помощью лучше пойдетъ, – договориль Николинька, стараясь выразаться какъ можно популярнѣе.

– Не спорно, Ваше Сіятельство, да дома-то побыть некому: мы съ бабой на барщинѣ, онъ хотъ и маленекъ, а все подсобляетъ: и скотину загнать, лошадей напоить. Какой ни есть, а все мужикъ, – и онъ съ улыбкой опять провелъ рукою по его лицу.

– Все таки ты присылай его, когда ты самъ дома, и когда ему время, – слышишь.

– Слушаю, – неохотно отвѣчалъ Чурись.

– Да, я еще хотѣлъ сказать тебѣ, – сказалъ Николинька, – отчего у тебя навозъ не довожень?

– Какой у меня навозъ? и возить нечего, 2-хъ кучь не будетъ. Скотина моя какая: кобыла, да коровенка, а телушка осенью изъ телятъ Ш[каликъ?] отдалъ вотъ и скотина моя.

– Отчего-жъ у тебя скотины мало, а ты осенью ей телку изъ телятъ отдалъ?

– Кормить нечѣмъ.

– Развѣ соломы не достанетъ тебѣ на 2-хъ коровъ-то, вѣдь у другихъ достаетъ.

– У другихъ земли навозныя, а моя земля глина.

– Такъ вотъ ты и навозъ, чтобы не было глины и чтобы было чѣмъ скотину кормить.

– Да и скотины-то нѣту. Какой будетъ навозъ. – Опять и то сказать, Ваше Сіятельство, не навозъ хлѣбъ родить, а все Богъ. Вотъ у меня лѣтось на прѣсномъ осьминникѣ б копень стало, а съ навозной и крестца не собрали. Никто, какъ Богъ, – прибавилъ онъ со вздохомъ. – Да и скотина мнѣ ко двору нейдетъ, вотъ лѣтось одна телка сдохла, другую продали, и за прошлый годъ важная корова пала. – Все мое несчастье.

– Ну, братецъ, чтобы ты не говорилъ, что у тебя скотины нѣтъ отъ того, что корму нѣтъ, а корму нѣтъ, оттого, что скотины нѣтъ, вотъ возьми себѣ 7 р. с., – сказала Николинька, доставая и разбирая скомканную кучку асигнацій изъ кармана шароваръ, и купи себѣ на мое счастье корову, а кормъ бери съ гумна, я прикажу. Смотри же, чтобы къ будущему Воскресенью у тебя была корова, я найду.

Чурись такъ долго съ улыбкой переминался, не подвигая руку за деньгами, что привелъ Николиньку въ краску и заставилъ протянутую руку Николиньки дрожать отъ напряженія и положить наконецъ деньги на столъ.

– Много довольны вашей милостью, – сказала Чурись съ улыбкой, жена-же его опять бросилась въ ноги, начала плакать и приговаривать, «вы наши отцы, вы наши матери кормилицы».

Не въ силахъ будучи укротить ее, Николинька вышелъ на улицу, а за нимъ вслѣдъ Чурись.

– Я радъ тебѣ помогать, – сказала Николинька, останавливаясь у колодца и отвѣчая на благодарности Чуриса, – тебѣ помогать можно, потому что я знаю, ты не лѣнишься. Будешь трудиться и я буду помогать, съ Божьей помощью и поправишься.

– Ужъ не то что поправиться, только бы не совсѣмъ раззориться, Ваше Сіятельство. Жили при бачкѣ съ братьями то ни въ чемъ нужды не видали, а вотъ какъ померъ онъ, да какъ разошлись, такъ все хуже, да хуже пошло. Все одиночество!

– Зачѣмъ же вы разошлись?

– Все изъ за бабъ вышло, Ваше Сіятельство. Тогда уже дѣдушки вашего не было, также какъ вы до всего самъ доходилъ. Славный порядокъ былъ, а то при немъ бы и думать не смѣли бы, заporолъ бы. Не любилъ покойникъ мужикамъ повадку давать. А нами послѣ вашего дѣдушки завѣдывалъ Алпатычъ – не тѣмъ будь помянуть – человекъ былъ пьяный, неопстоятельный. Пришли къ нему просить разъ, другой, нѣтъ, мылъ, житья отъ бабъ, дозволю разойдтись, ну подраль, подраль, а наконецъ тому дѣлу вышло, все-таки поставили бабы на своемъ – врозь стали жить. А ужъ одинокій мужикъ – извѣстно какой. Ну, да и порядокъ то никакихъ не было, орудовалъ нами Алпатычъ, какъ хотѣлъ. Чтобъ было у тебя все, а изъ чего нашему брату взять, этаго не спрашивалъ. – Тутъ подушные прибавили, столовый запасъ то-же собирать больше стали, а земель меньше стало, и хлѣбъ рожать пересталъ. Ну, а какъ межовка прошла, да какъ онъ у насъ наши навозныя земли въ господскій клинъ отрѣзалъ, злодѣй, и порѣшилъ насъ совсѣмъ, хоть помирай. Батюшка вашъ, Царство Небесное, баринъ добрый былъ, да мы его и не видали, почитай, все въ Москвѣ жилъ, ну, извѣстно и подводы туды чаще гонять стали. Другой разъ распутица, кормовъ нѣтъ, а вези. Нельзя-жъ безъ того. А съ опекой-то, – сказалъ онъ на распѣвъ, ухъ, много горя, много приняли мужички. Онъ махнулъ рукою и замолчалъ.

Ну, какъ теперь, Ваша Милость до своего лица всякаго мужичка допускаете, такъ и мы другіе стали, и прикащикъ-то другой человекъ сталъ. – Мы теперь знаемъ хоша, что у насъ баринъ есть, и ужъ какъ, и сказать нельзя, какъ мужички за это вашей милости благодарны.

Славный народъ и жалкій народъ, подумалъ Николинька, приподнял шляпу и пошелъ дальше.

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
Чурись былъ однимъ изъ тѣхъ мужиковъ, которыхъ Николинъка называлъ консерваторами, и которые составляли главный камень преткновения для всѣхъ предполагаемыхъ имъ улучшеній въ хозяйствѣ и быть самихъ крестьянъ. Чурись съ тѣхъ поръ, какъ отдѣлился отъ своего брата, сталъ бѣденъ. Онъ былъ работящій, смѣтливый, веселый и добрый мужикъ. Хотя немножко болтунъ. Первые года онъ старался поправиться, поднять свое хозяйство; но судьба преслѣдовала его: то коровенка, то лошадь падеть, то жена двойняшку родить, то на хлѣбъ незародь. Управляющій же, радѣя о барской и преимущественно своей пользѣ, не переставалъ тянуть со всѣхъ мужиковъ все, что было можно вытянуть. При такихъ обстоятельствахъ непрерывный трудъ и смѣтливость Чуриса не осуществляли его надеждъ: прикупить лошадку, другой станъ колесъ завести, землицы принанять, а только, только доставляли возможность буквально не замерзнуть и не умереть отъ голода ему и его семейству. Такъ прошло годъ, два и больше. Съ молодостью проходили тоже и надежды, которыя она породила (у нихъ тоже есть молодость и надежды). Наконецъ Чурись привыкъ къ мысли, что вся жизнь его должна пройти такъ, чтобы всевозможнымъ трудомъ добывать едва достаточныя средства къ существованію. Онъ почелъ такое состояніе нормальнымъ, необходимымъ. Странно сказать: онъ привыкъ къ нему и наконецъ полюбилъ свою привычку. – Такъ что ежели бы Чурису дали средства выйдти изъ бѣдности, въ которой онъ находился, онъ безсознательно не употребилъ бы ихъ, потому что слишкомъ привыкъ къ своему положенію. – Николинъка испыталъ это. Всѣ пособія, которыя онъ давалъ такимъ консерваторамъ, ничего не помогали. И что-же было требовать отъ нихъ? Они продолжали проводить жизнь въ посильномъ трудѣ, но заставить ихъ трудиться не такъ, какъ они трудились всю свою жизнь, было невозможно. – «Богъ послалъ, Богъ не зародилъ, Богу угодно» вотъ аргументы, противъ которыхъ ничего не могли сдѣлать всѣ убѣжденія и совѣты Николинъки о необходимости порядочнаго, заботливаго хозяйства. И то сказать: какое утѣшеніе оставалось бы у этихъ людей, ежели бы они не думали, что тяжелый крестъ, который они несутъ, посланъ имъ отъ Бога, и что во всемъ одна воля Его.

Глава. Юхванка Мудреной.15

«Юхванка мудреный хочеть лошадь продать», прочелъ Николинъка въ записной книжечкѣ и перешелъ черезъ улицу къ двору Юхванки-Мудреной.

Юхванкина изба была тщательно покрыта соломой съ барскаго гумна и срублена изъ свѣжаго свѣтло-сѣраго осиноваго лѣса, тоже изъ барскаго заказа, съ двумя выкрашенными красными ставнями у оконъ и крылечкомъ, съ навѣсомъ, съ затѣйливыми перильцами, вырѣзанными изъ досокъ. Стѣны и холодная изба были тоже исправны; но общій видъ довольства и достатка, который имѣла эта связь, нарушался нѣсколько пригороженной къ воротницамъ кисти съ недоплетенымъ заборомъ и раскрытымъ навѣсомъ, который виднѣлся изъ за нея. Въ то самое время, какъ Николинъка подходилъ съ одной стороны къ крыльцу, – съ другой подходили двѣ женщины крестьянки, несшія ушатъ. Одна изъ нихъ была жена, другая – мать Юхванки. Первая была плотная, румяная баба, съ необыкновенно просторно развитой грудью, въ красномъ кумачевомъ платкѣ, въ чистой рубахѣ съ бусами на шеѣ, шитой на шеѣ и рукавахъ занавѣскѣ, яркой паневѣ и тяжелыхъ черныхъ смазанныхъ котлахъ, надѣтыхъ на толсто намотанныя онучи. Конецъ водоноса не покачивался и плотно лежалъ на ея широкомъ и твердомъ плечѣ. Легкое напряженіе, замѣтное въ покраснѣвшемъ и обильно вспотѣвшемъ ея лицѣ, изгибъ спины и мѣрномъ движеніи рукъ и ногъ еще болѣе выказывали ея силу и здоровье. Другой-же конецъ водоноса имѣлъ далеко не такую сильную и высокую опору. – Юхванкина мать была одна изъ тѣхъ старухъ, лѣта которыхъ невозможно опредѣлить, потому что онъ, кажется, дошли уже до послѣдняго предѣла разрушенія въ живомъ человѣкѣ. – Корявый остовъ ея, на которомъ надѣта была черная изорванная рубаха и безцвѣтная панева, былъ буквально согнутъ дугою, такъ что водоносъ лежалъ скорѣе на спинѣ, чѣмъ на плечѣ ея. Обѣ руки ея съ искривленными пальцами, которыми она держалась за водоносъ, были какого-то темно-бураго цвѣта и, казалось, не могли уже разгибаться; понурая, мѣрно качавшаяся голова, обвязанная какимъ-то тряпьемъ, носила на себѣ самые тяжелые слѣды глубокой старости и нищеты. Изъ подъ узкаго лба, съ обѣихъ сторонъ котораго выбивались остатки желто-сѣдыхъ волосъ, изрытаго по всѣмъ направлѣніямъ глубокими морщинами, тускло смотрѣли въ землю красные глаза, лишенные рѣсницъ, длинный носъ казался еще больше и безобразнѣе отъ страшно втянутыхъ щекъ и впалыхъ безцвѣтныхъ губъ. Одинъ огромный желтый зубъ выказывался изъ подъ верхней губы и сходился почти съ вострымъ подбородкомъ; подъ скулами и на горлѣ висѣли какіе то мѣшки, шевелившіеся при каждомъ движеніи; дыханіе ея было громко и тяжело, но босыя, искривленныя ноги – хотя волочась, но мѣрно двигались одна за другою. –

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru

Юхванка былъ не родной ея сынъ, а пасынокъ. 5 лѣтъ онъ остался сироткой съ братомъ своимъ Алешой дурачкомъ. Вдовѣ оставили мужнину землю, и она одна своими трудами кормила сиротъ. Управляющій взялъ Юхванку къ себѣ, научилъ грамоту, а потомъ отдалъ на миткалевую фабрику. Вдова осталась одна съ Алешой и, не переставая трудиться, довела хозяйство почти до цвѣтущаго положенія. Когда Юхванка уже сталъ на возрастъ, вдова взяла его, женила и передала ему землю и все свое имущество. «Примѣрная мачиха», сказали бы в нашемъ быту, а у крестьянъ иначе и не бываетъ. Этого еще мало: когда Юхванка сталъ въ домъ хозяинъ, мачиха поняла, что она ему въ тягость – не трудно было ей о томъ догадаться, потому что, что на сердце, то и на языкъ у простаго человѣка. Юхванка можетъ быть не разъ намекалъ ей объ этомъ. – Чтобы не ѣсть даромъ хлѣбъ, мачиха не переставала трудиться по силъ, по мочи. «Сноха женщина молодая – надо ее пожалѣть», говорила она себѣ и старалась исполнять всю трудную работу въ домъ. Но сноха не жалѣла ее: часто посылала туда, сюда и даже выговаривала ей. – Старуха не думая о томъ, что все, что было въ дворъ: скотина, лошади, снасть – все было пріобрѣтено ею, безропотно повиновалась и работала изъ послѣднихъ силъ – «какое примѣрное самоотверженіе», сказали бы въ нашемъ свѣтъ, а у крестьянъ иначе и не бываетъ. У нихъ человѣкъ цѣнится по пользѣ, которую онъ приноситъ, и старый человѣкъ, зная, что онъ уже не зарабатываетъ своего пропитанія, старается тѣмъ больше, чѣмъ меньше у него остается силъ, чтобы хоть чѣмъ нибудь заплатить за хлѣбъ, который онъ ѣсть. Зато бездѣйствіе, желчность, болѣзни, скупость и эгоизмъ старости неизвѣстны имъ такъ же, какъ и низкій страхъ медленно приближающей[ся] смерти – порожденія роскоши и праздности. Тяжелая трудовая дорога ихъ ровна и спокойна, а смерть есть только желанный конецъ ея, въ которомъ вѣра обѣщаетъ блаженство и успокоеніе. Да, трудъ – великій двигатель человѣческой природы; онъ единственный источникъ земнаго счастья и добродѣтели.

Почти столкнувшись съ княземъ, молодая баба бойко составила ушатъ, потупилась, поклонилась, потомъ блестящими глазами изъ подлбья взглянула на князя и, стараясь рукавомъ вышитой рубахи скрыть легкую улыбку, быстро, постукивая котами, взошла на сходцы и скрылась въ снѣгахъ, какъ будто находя неприличнымъ оставаться съ княземъ на улицѣ. Скромному герою моему очень не понравилась и движенія эти и нарядъ молодой бабы, онъ строго посмотрѣлъ ей вслѣдъ, нахмурился и обратился къ старухѣ, которая согнувъ еще болѣе свой и такъ лѣтами черезъ чуръ согнутый станъ, поклонилась и хотѣла сказать что-то, но, приложивъ руки ко рту, такъ закашлялась, что Николинъка, не дождавшись ее, взошелъ въ избу. –

Юхванка, увидавъ князя, бросился къ печи, какъ будто хотѣлъ спрятаться отъ него, поспѣшно сунулъ въ печурку какую-то вещь и съ улыбочкой провинившагося школьника остановился посерединѣ избы. Юхванка былъ русый, курчавый парень лѣтъ 30, худощавый, стройный, съ молодой остренькой бородкой и довольно красивый, ежели бы не бѣгающіе каріе глазки, непріятно выглядывавшіе изъ подъ запухлыхъ векъ и недостатокъ 2-хъ переднихъ зубовъ весьма замѣтный, потому что губы были коротки и безпрестанно складывались въ улыбку. На немъ была праздничная, чистая рубаха, полосатые набойчатые портки и тяжелые сапоги съ сморщенными голенищами. Внутренній видъ избы былъ также бѣденъ, но не такъ мраченъ, какъ той, въ которую мы заглядывали. Двѣ вещи здѣсь останавливали вниманіе и какъ-то непріятно поражали зрѣніе: небольшой, погнутый самоваръ, стоящій на полкѣ, и портретъ какого то архимандрита съ кривымъ носомъ и шестью пальцами въ черной рамкѣ подъ остаткомъ стекла, около образовъ, изъ которыхъ одинъ былъ въ окладѣ.

Князь недружелюбно посмотрѣлъ и на самоваръ, и на архимандрита, и въ печурку, въ которой изъ-подъ какой то веточки торчалъ конецъ трубки въ мѣдной оправѣ.

– Здравствуй, Епиѳанъ, – сказалъ онъ, глядя ему въ глаза. Епиѳанъ поклонился, пробормоталъ: «Здравія желаемъ, Ваше Сіятельство», особенно нѣжно выговаривая послѣднее слово, и глаза его мгновенно обѣгали всю фигуру Николинъки, избу, полъ и потолокъ, не останавливаясь ни на чемъ; потомъ онъ торопливо подошелъ къ полатамъ, стащилъ оттуда зипунъ и сталъ надѣвать его.

– Зачемъ ты одѣваешься? – сказалъ князь, сядя на лавку и слѣдя за нимъ глазами.

– Какже, помилуйте, Ваше Сіятельство, развѣ можно? Мы кажется можемъ понимать...

– Поди-ка сюда, – сказалъ Николинъка, – замѣчая, что онъ ни на минуту не остается на мѣстѣ и указывая на середину избы, – я зашелъ къ тебѣ узнать, зачѣмъ тебѣ нужно продать лошадь, и много-ли у тебя лошадей, и какую ты лошадь хочешь

продать?

– Мы много довольны вашей ласкою, Ваше Сіятельство, что не побрезгали зайти ко мнѣ къ мужику, – отвѣчала Юхванка, бросая быстрые взгляды на архимандрита съ кривымъ носомъ, на печку, на сапоги Князя и на всѣ предметы, исключая лица Князя, – мы всегда за васъ Богу молимся...

– Зачѣмъ тебѣ нужно лошадь продать? – сказалъ Князь, возвышая голосъ.

Юхванка вздрогнулъ, встряхнулъ волосами, взгляды его опять объжалъ избу и, замѣтивъ кошку, которая спокойно мурлыкала на полатахъ, онъ крикнулъ на нее: «Брысь, подлая», и торопливо оборотился къ Князю.

– Лошадь старая, Ваше Сіятельство, негодная... коли-бы животное добрая была, я бы продавать не сталь...

– А сколько у тебя всѣхъ лошадей?

– 3 лошади, Ваше Сіятельство.

– А жеребятъ нѣтъ?

– Какъ можно, и жеребенокъ есть.

– Пойдемъ, покажи мнѣ своихъ лошадей, онъ у тебя на дворѣ?

– Такъ точно-съ, Ваше Сіятельство. Какъ мнѣ приказано, такъ и сдѣлано, развѣ мы можемъ послушаться. Мнѣ приказалъ Яковъ Ильичъ, чтобъ, мыль, лошадей завтра въ поле не пуцать, мы и не пуцаемъ. Ужъ мы не смѣемъ послушаться...

Покуда Николинъка выходилъ въ двери, Юхванка вынулъ трубку изъ печурки и сунулъ ее на полати подъ полушубокъ. Худая сивая кобыленка перебирала старый навозъ подъ навѣсомъ, 2-хъ мѣсячный длинноногій жеребенокъ какого то неопредѣленнаго цвѣта съ голубоватыми ногами и мордой не отходилъ отъ ея тощаго, засореннаго рѣпьями желтоватаго хвоста. Посерединѣ двора, зажмурившись и задумчиво опустивъ голову, стоялъ утробистый гнѣдой меренокъ. –

– Такъ тутъ всѣ твои лошади?

– Никакъ нѣтъ-съ, вотъ еще кобылка, да вотъ жеребенокъ, – отвѣчала Юхванка, указывая подъ навѣсъ.

– Я вижу. Такъ какую-же ты хочешь продать?

– А вотъ евту-съ, – отвѣчалъ онъ, махая полой зипуна на задремавшаго меренка. Меренокъ открылъ глаза и лѣниво повернулся къ нему хвостомъ.

– Онъ не старъ на видъ и собой лошадка плотная, – сказалъ Князь, – поймай-ка его, да покажи мнѣ зубы.

– Никакъ не можно поймать-съ одному, вся скотина гроша не стоитъ, а норовистая и зубомъ, и передомъ, – отвѣчала Юхванка, плутовски улыбаясь и пуская глаза въ разныя стороны.

– Что за вздоръ! поймай тебѣ говорить!

Юхванка долго улыбался, переминался и только тогда, когда Николинъка сказалъ: «Ну!» бросился подъ навѣсъ, принесъ обротъ и сталъ гоняться за меренкомъ, пугая его и подходя сзади, а не спереди.

Николинъкъ надоѣло смотрѣть на это.

– Дай сюда обротъ, – сказалъ онъ.

– Помилуйте, Ваше Сіятельство... не извольте...

– Дай сюда.

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru

Юхванка подаль. Николинька прямо подошелъ къ меренку съ головы и вдругъ ухватилъ его за уши и пригнулъ къ землѣ съ такой силой, что несчастный меренокъ, который былъ самая смиренная мужицкая лошадка въ мѣрь – зашатался и захрипѣлъ. Замѣтивъ, что совершенно напрасно было употреблять такія усилія, Николинькѣ стало досадно, тѣмъ болѣе, что Юхванка не переставалъ улыбаться; онъ покраснѣлъ, выпустилъ уши бѣдной лошади, которая никакъ не понимала, чего отъ нее хотятъ, и безъ помощи оброти, преспокойно открылъ ей ротъ и посмотрѣлъ зубы. Клыки были цѣлы, чашки полныя; стало быть, лошадь молодая.

Юхванка въ это время нашель, что борона лежитъ не на мѣстѣ, онъ поднялъ и поставилъ ее стоячи, прислонивъ къ плетню.

– Поди сюда, – крикнулъ Николинька. – Что эта лошадь старая?

– Помилуйте, Ваше Сіятельство, въдь такой смоляной зубъ бываетъ, а ужъ я...

– Молчать! Ты лгунъ и негодяй, потому что честный мужикъ не станетъ лгать, ему не зачѣмъ. Ну на чемъ ты выѣдешь пахать, когда продашь эту лошадь. Тебя нарочно посылають на пѣшія работы, чтобы ты поправлялся лошадьми къ пахотѣ, а ты послѣднюю хочешь продать, въдь другимъ обидно за тебя земляную работу работать, а главное зачѣмъ ты лжешь?

Юхванка во время этой нотаціи опустилъ глаза внизъ, но и тамъ они ни на секунду не оставались спокойными.

– Мы, Ваше Сіятельство, – отвѣчалъ онъ, – не хуже другихъ на работу выѣдемъ.

– Да на чемъ ты выѣдешь?

– Ужъ будьте покойны, Ваше Сіятельство, голышами не будемъ, – отвѣчалъ онъ, безъ всякой надобности нукая на мерена и отгоняя его. – Коли-бы не нужда, то сталь-бы развѣ продавать.

– Зачѣмъ-же тебѣ нужны деньги?

– Хлѣба нѣту-ти ничего, да и Болхи отдать долгъ надо.

– Какъ хлѣба нѣту? Отчего-же у другихъ, у семейныхъ еще ѣсть, а у тебя у безсемейнаго нѣту? – Куда-жъ онъ дѣвался?

– Ёли, Ваше Сіятельство, а теперъ ни крохи нѣтъ, лошадь я къ осени передъ Богомъ куплю.

– Лошадь продавать и думать не смѣй.

– Что-жъ, Ваше Сіятельство, коли такъ, то какая-же наша жизнь будетъ, и хлѣба нѣту, и продать ничего не смѣй, – отвѣчалъ онъ, кинувъ бѣглый, но дерзкій взглядъ на лицо Князя.

– Не сдобровать тебѣ, ѳеѳан, ежели ты не исправишься, – сказалъ Николинька медленно, – потому что такихъ мужиковъ, какъ ты, держать нельзя.

– На то воля ваша, – отвѣчалъ онъ спокойно, – коли я вамъ не заслужилъ. А кажется за мной никакихъ качествъ не замѣчено. Извѣстно, ужъ коли я вашему Сіятельству не полюбился! только не знаю за что?

– А вотъ за что: за то, что у тебя дворъ раскрытъ, ѣсть нечего, навозъ не запаханъ, плетни поломаны, а ты сидишь дома, да трубочку покуриваешь.

– Помилуйте, Ваше Сіятельство, я и не знаю, какія онъ трубки то бываютъ.

– Вотъ ты опять лжешь.

– Какъ я смѣю лгать Ваше Сіятельство.

– Все это: трубки, самоваръ, сапоги, все это не бѣда, коли достатокъ есть, да и то неидеть, а бѣдному мужику, который послѣднюю лошадь продаетъ – это не годится. Опять сколько разъ я тебѣ говорилъ, чтобы ты въ городъ не смѣлъ

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
отлучаться безъ спросу; а ты опять въ Четвергъ ѣздилъ барана продавать и съ фабричными по кабакамъ шляться. Въдъ я про тебя все знаю, не хуже твоихъ сосѣдей. Тебѣ старуха полный дворъ отдала и скотины, и лошадей, всего было довольно, а ты его раззорилъ, такъ что тебѣ 3-хъ душъ кормить нечѣмъ, да еще и ее почитать не хочешь. И баба твоя тоже, чѣмъ бы работать, когда у васъ хлѣба нѣтъ, только знаетъ, что въ платки, да въ коты наряжается. Ты мужъ, ты за ней смотрѣть долженъ. Ежели ты мужикомъ хорошимъ хочешь быть, такъ ты свою фабричную жизнь, и трубочки, и самоварчики оставь, да занимайся землей и хозяйствомъ, а не тѣмъ, чтобы съ объѣздчиками казенный лѣсъ воровать, да по кабакамъ зипуны закладывать. Коли тебѣ въ чемъ нужда, то приди ко мнѣ, попроси прямо, что нужно и зачѣмъ а не лги, тогда я тебѣ не откажу ни въ чемъ, что только могу сдѣлать.

– Помилуйте, Ваше Сіятельство, мы кажется можемъ понимать, – отвѣчалъ онъ, улыбаясь, какъ будто вполне понималъ всю прелесть шутки Князя.

Николинька понялъ, какъ мало дѣйствительны могутъ быть его увѣщанія и угрозы противъ порока, воспитаннаго невѣжествомъ и поддерживаемаго нищетой, съ тяжелымъ чувствомъ унынія вышелъ на улицу. На порогъ сидѣла старуха и плакала.

– Вотъ вамъ на хлѣбъ, – прокричалъ Николинька на ухо, кладя въ руку депозитку въ 3 р., только сама покупай, а не давай Юхванкѣ, а то онъ пропѣеть.

Старуха собралась благодарить, голова ее закачалась быстрѣе, но Николинька уже прошель дальше.

«Давыдка Козель просилъ хлѣба и колъевъ», значилось въ книжечкѣ послѣ Юхванки. –

«Какъ опять къ мужику?» скажетъ читатель. Да, опять къ мужику, преспокойно отвѣтитъ авторъ и прибавитъ: Читатель! Ежели вамъ скучны путешествія моего героя, не перевертывайте страницъ: интереснѣе ничего не будетъ, а бросьте книгу. И вамъ будетъ не скучно, и мнѣ будетъ пріятно. О васъ, читательница, я и не говорю. Не можете быть, чтобы вы дочли до этихъ поръ. Но ежели это случилось, то пожалуйста бросьте книгу, тутъ ничего нѣтъ для васъ <интереснаго> ни Графа богача соблазнителя въ заграничномъ платьѣ, ни маркиза изъ-за границы, ни Княгини съ коралловыми губами, ни даже чувствительнаго чиновника; о любви нѣтъ, да кажется и не будетъ ни слова, все мужики, мужики, какіе то сошки, мерена[?], сальныя исторіи о томъ, какъ баба выкинула, какъ мужики живутъ и дерутся. – Рѣшительно нѣтъ тутъ ничего достойнаго вашего высокаго образованія и тонкихъ чувствъ. Вамъ, я думаю, надоѣло слушать, какъ супругъ или папенька вашъ возится съ мужиками; а можетъ быть даже вы никогда и не думали о нихъ; притомъ ихъ такъ много 9/10 нашего народонаселенія, такъ чтоже это за рѣдкость: что же для васъ можетъ быть пріятнаго читать такую книгу, въ которой больше ничего нѣтъ, какъ мужики, мужики и мужики. – А можетъ быть въ васъ больше сердца, чѣмъ высокаго образованія и тонкихъ чувствъ, тогда читайте, милая добрая читательница, и примите дань моего искренняго къ вамъ удивленья и уваженья. Итакъ, я смѣло веду васъ вмѣстѣ съ Николинькой къ Давыдкѣ Бѣлому, избранные читатели, хотя изба его далеко на краю околицы. Но кто этотъ небольшой человекъ съ двумя крошечными, но густыми черными клочками усовъ подъ самымъ носомъ (по модѣ) съ большимъ брюхомъ, съ тяжелой палкой въ рукѣ, въ клеенчатой глянцовой фуражкѣ, въ длиннополомъ оливковомъ сертукѣ, изъ кармана котораго торчатъ фуляръ, въ часахъ съ цѣпочкой и въ голубыхъ узкихъ панталонахъ со стрипками? Онъ медленно величественной походкой идетъ намъ на встрѣчу и не отвѣчаетъ на поклоны крестьянъ, которые издали набожно кланяются ему. Ужъ не старый-ли это князь? Онъ больше похожъ на Князя, чѣмъ нашъ худощавый Николинька, который вѣчно торопится и ходитъ не слишкомъ чисто. Такъ по крайней мѣрѣ думаютъ Хабаровскіе мужички и дворовые при видѣ часовъ, платковъ, торчащихъ изъ кармана, и пуза, которое отростиль себѣ Яковъ Ильичъ – прикащикъ. Завидѣвъ Николиньку, который остановился, чтобы подождать прикащика, Яковъ Ильичъ сбросилъ съ себя величіе, какъ негодящійся при такихъ обстоятельствахъ предметъ, и скорыми шагами, спрятавъ платки въ глубину кармана, тяжело дыша отъ необычайной толщины, подошелъ къ Князю и снялъ блестящую фуражку.

– Надѣнь Яковъ.

Яковъ надѣлъ.

– Гдѣ изволили быть, Ваше Сіятельство?

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой to1stoy1eo.ru

– Быль у Юхванки. Скажи пожалуйста, что намъ съ нимъ дѣлать?

– А что, Ваше Сіятельство?

Князь разскалъ ему бѣдность, въ которую вводитъ себя Юхванка и его нерадѣніе къ хозяйству, «какъ будто онъ хочетъ отъ рукъ отбиться», прибавилъ онъ.

– Не знаю, Ваше Сіятельство, какъ это онъ такъ вамъ не показался: онъ мужикъ умный, грамотный, при сборѣ подушныхъ онъ всегда ходитъ и ничего, честный, кажется, мужикъ, и старостой при моемъ ужь управленіи 3 года ходилъ, тоже ничѣмъ не замѣченъ. Въ третьемъ годѣ опекуну угодно было его ссадить, такъ онъ и на тяглѣ исправенъ былъ. Нешто хмлемъ позашибаетъ, зато аккуратный мужикъ, учтивый, и самоварчикъ у него есть. Становой ли, землемѣръ, кто бывало заѣдетъ, или офицера поставятъ: все бывало къ нему. Обходительный мужикъ! –

– То-то и бѣда, – отвѣчалъ Николинъка съ сердцемъ, что онъ никогда мужикомъ работникомъ не былъ, а только вотъ сборщикомъ ходитъ, фабричничать, старостой мошенничать, трубочки, да грамотки, да самоварчики. Онъ и хочетъ, кажется, чтобы я его съ земли снялъ, да на оброкъ пустилъ. Только я этаго не сдѣлаю, за что другіе за него работать будутъ? Мать его кормила, выростила, пусть и онъ ее кормитъ. Отпустить его несправедливо, а и дѣлать что съ нимъ, не знаю.

– Вотъ вы съ опекунами, – продолжалъ онъ горячо, – Яковъ Ильичъ снялъ фуражку. – Въмѣсто того, чтобы этакихъ негодяевъ изъ вотчины вонъ, въ солдаты отдавать – изъ лучшихъ семей брали и хорошихъ мужиковъ раззоряли.

– Да въдь не годится, – тихо отвѣчалъ Яковъ Ильичъ, – развѣ не изволили замѣтить, у него зубъ переднихъ нѣтъ?

– Вѣрно нарочно выбиль?

– Богъ его знаетъ, ужь онъ давно такъ.

– Счастіе, что такихъ негодяевъ мало, а то что бы съ ними дѣлать? – сказалъ Николинъка.

– Надо постращать, коли онъ такъ себѣ попустилъ, – сказалъ, поддѣлываясь Яковъ Ильичъ.

– И то сходи-ка къ нему, да постращай его, а то я не умъю, да мнѣ и противно съ нимъ возитъся.

– Слушаю-съ, – сказалъ Яковъ Ильичъ, приподнимая фуражку, – сколько прикажете дать?

– Чего сколько? – спросилъ съ изумленіемъ Николинъка.

– Постращать, т. е. сколько розогъ прикажете дать?

– Ахъ, братецъ, сколько же разъ нужно тебѣ говорить, что я не хочу и не нахожу нужнымъ наказывать телѣсно. Постращать значитъ словами, а не розгами. <Сказать ему, что, ежели онъ не исправится, то его накажутъ, а не бить.>

– По нашему, по деревенскому, не такъ-съ...

– Какой ты несносный человекъ, Яковъ!

– Слушаю-съ, я поговорю, а вы домой изволите?

– Нѣтъ, къ Давыдкѣ Б[ѣлому].

– Вотъ тоже лядь-то. Ужь эта вся порода Козловъ такая; чего-чего съ нимъ не дѣлалъ, ништо не беретъ. Вчера по полю крестьянскому проѣхалъ, у него и гречиха не посѣяна. Что прикажете дѣлать съ такімъ народомъ. Хоть бы старикъ-то сына училъ, а то такой-же и себѣ, и на барщинѣ только черезъ пень колоду валить. Въ прошломъ годѣ передъ вашимъ пріѣздомъ земли вовсе не пахалъ; ужь я его при сходкѣ дралъ, дралъ.

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой to1stoy1eo.ru

– Кого? неужели старика?

– Да-съ, такъ вѣрите-ли, хоть бы те что, встряхнулся, пошелъ и то осьминника не допахалъ, и вѣдь мужикъ смирный и не курить.

– Какъ не курить?

– Не пьеть. Эта вся ужъ порода такая, вотъ Митрюшка тоже ихней семьи, такая жъ лядь проклятый.

– Ну, ступай, сказалъ Князь и пошелъ къ Давыдкѣ Бѣлому.

Давыдкина изба криво и одиноко стоитъ на краю деревни, выстроенной въ линію. Около нея нѣтъ ни двора, ни авина, ни амбара. Только какіе то грязные клевушки для скотины лѣплятся около съ одной стороны, съ другой кучею наваленъ лѣсъ, и высокій, зеленый бурьянъ растеть на томъ мѣстѣ, гдѣ когда-то былъ дворъ.

Никого не было около избы кромѣ свиньи, которая лежала у порога; Николинъка постучался въ разбитое окно, никто не отзывался, онъ подошелъ къ сѣнямъ и крикнулъ: «хозяева», – тоже самое; потомъ прошелъ сѣни, заглянулъ въ клевушки и вошелъ въ отворенную избу; тощій, старый пѣтухъ и двѣ курицы, забравшіяся на столъ и лавку въ тщетной надеждѣ найти какія-нибудь крохи, съ кудахтаньемъ, распутивъ крылья, забились по стѣнамъ, какъ будто ихъ хотѣли рѣзать. 6-аршинную избенку всю занимала съ разломанной трубой печь, ткацкій станъ, который не былъ вынесенъ, потому что некуда было его поставить, почернѣвшій столъ и грязная лужа около порога, образовавшаяся во время дождя въ прошлую недѣлю отъ течи въ потолокъ и крышѣ. Полатей не было. Трудно было подумать, чтобы мѣсто это было жилое, такой рѣшительный видъ запустѣнія и безпорядка носила на себѣ, какъ наружность, такъ и внутренность избы; однако тутъ жилъ Давыдка Козель и даже въ настоящую минуту, несмотря на жаръ Іюньскаго дня, увернувшись съ головой въ полушубокъ, крѣпко спалъ, забившись въ уголъ печи. Даже испуганная курица, вскочившая на печь и бѣгавшая по спинѣ его, нисколько не мѣшала ему. –

Николинъка хотѣлъ уже выйдти, но сонный, влажный вздохъ изобличилъ хозяина.

– Ей! кто тутъ! – крикнулъ онъ.

Съ печки послышался другой протяжный вздохъ.

– Кто тамъ? поди сюда.

Еще вздохъ, мычанье, зѣвокъ.

– Ну, что-жъ ты?

На печи медленно зашевелилось, наконецъ спустилась одна нога въ лапть, потомъ другая, и показалась вся толстая фигура Давыдки Бѣлаго, сидѣвшаго на печи и протиравшаго глаза. – Медленно нагнувъ голову, онъ, зѣвая, взглянулъ въ избу, и увидавъ Князя, сталъ поворачиваться скорѣе, чѣмъ прежде, но все еще такъ лѣнливо, что Николинъкѣ тотчасъ вспомнился зѣврѣ Ай, про котораго онъ читалъ въ дѣтской натуральной исторіи. – Давыдка Бѣлый былъ дѣйствительно бѣлый; и волоса, и тѣло, и лицо его: все было чрезвычайно бѣло. Онъ былъ высокъ ростомъ и очень толстъ, толстъ, какъ бываютъ мужики, – т. е. не животомъ, а тѣломъ, – но толщина его была какая-то мягкая, нездоровая. Довольно красивое лицо его съ свѣтлоголубыми спокойными глазами и съ широкой окладистой бородой носило на себѣ особенный отпечатокъ болѣзненности: на немъ не было замѣтно ни загара, ни румянца, оно все было какого-то блѣдно-желтоватаго цвѣта съ лиловымъ оттѣнкомъ, какъ будто заплыло жиромъ или распухло. Руки его были пухлы, желты и сверхъ того покрыты тонкими бѣлыми волосами. – Онъ такъ разоспался, что никакъ не могъ совсѣмъ открыть глазъ, стоять не пошатываясь и остановить зѣвоту.

– Ну, какъ же тебѣ не совѣстно, – началъ Николинъка, – середь бѣлаго дня спать, когда у тебя дворъ разгороженъ, когда у тебя хлѣба нѣтъ... и т. д.

Какъ только Давыдка протрезвился и сталъ понимать въ чемъ дѣло, онъ сложилъ руки подъ животомъ, опустилъ голову, склонивъ ее немного на бокъ и сдѣлалъ самую жалкую и терпливую мину. Выраженіе его лица можно передать такъ: «знаю! ужъ мнѣ не первый разъ это слышать. Ну, бейте-же, коли хотите. Я снесу». Онъ, казалось,

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
желалъ, чтобы Николинька пересталъ говорить, а поскорѣ избилъ бы его и оставилъ въ покоѣ. – Замѣчая, что Давыдка, привыкшій къ однимъ побоямъ и брани, не понимаетъ, къ чему клонятся его убъжденія и совѣты, Николинька разными вопросами старался вывести его изъ апатическаго молчанія.

– Для чего же ты просилъ у меня лѣсу, когда онъ у тебя вотъ ужъ скоро мѣсяцъ цѣлый и самое свободное время, какъ лежить? а?

Давыдка моргалъ глазами и молчалъ.

– Ну, отвѣчай-же.

Давыдка промычалъ что-то.

– Въдъ надо работать, братецъ: безъ работы что-же будетъ? вотъ теперь у тебя хлѣба ужъ нѣтъ, а все это отчего? оттого, что у тебя земля дурно вспахана, да не передвоена, да не во время засѣяна – все отъ лѣни. – И вотъ ты просишь у меня хлѣба, ну положимъ, я тебѣ дамъ; потому что нельзя тебѣ съ голоду умирать; да въдъ этакъ дѣлать не годится. Чей хлѣбъ я тебѣ дамъ, какъ ты думаешь? а?

– Господскій? – пробормоталъ Давыдка, робко и вопросительно поднимая глаза.

– А господскій то откуда? разсуди-ка самъ, кто подъ него вспахалъ, заскородилъ, кто его посѣялъ, убралъ? Мужички? такъ? Такъ вотъ видишь-ли, ужъ ежели раздавать хлѣбъ господскій мужичкамъ, такъ надо раздавать тѣмъ больше, которые больше за нимъ работали, а ты меньше всѣхъ – на тебя и на барщинъ жалуются – меньше всѣхъ работалъ, – а больше всѣхъ господскаго хлѣба просишь. За что-же тебѣ давать? а другимъ нѣтъ? Въдъ коли-бы всѣ какъ ты на боку лежали, такъ мы давно съ голоду бы померли. – Надо, братецъ, трудиться; а это дурно, слышишь, Давыдъ?

– Слушаю-съ, медленно пропустилъ онъ сквозь зубы.

Въ это время мимо окна мелькнула голова крестьянской женщины, несшей полотно на коромыслѣ, и черезъ минуту въ избу вошла Давыдкина мать, высокая женщина лѣтъ 50, но довольно еще свѣжая и живая. – Загорѣлое, изрытое рябинами и морщинами лицо ея было далеко не красиво, но вздернутый носъ, сжатія тонкія губы и быстрые, черные глаза, выражали энергію и умъ. – Угловатость плечъ, плоскость груди, сухость рукъ и развитіе мышць на черныхъ босыхъ ногахъ ея свидѣтельствовали о томъ, что она уже давно перестала быть женщиной, стала работникомъ. Она бойко вошла въ избу, притворила дверь, обдернула поневу и сердито взглянула на сына. Князь что-то хотѣлъ сказать ей, но она отвернулась отъ него и начала креститься на почернѣвшую икону, выглядывавшую изъ за стана. Окончивъ это дѣло, она оправила сѣроватый платокъ, которымъ небрежно была повязана ея голова и низко поклонилась князю.

– Съ праздникомъ Христовымъ, Ваше Сіятельство, – сказала она, – спаси тебя Богъ, отецъ ты нашъ.

Увидавъ мать, Давыдка замѣтно испугался, согнулся еще более всѣмъ тѣломъ и еще ниже опустилъ голову.

– Спасибо, Арина, – отвѣчалъ князь, – вотъ я сейчасъ съ твоимъ сыномъ говорилъ объ хозяйствѣ объ вашемъ... Надо...

Арина или какъ ее прозвали мужики еще въ дѣвкахъ – Аришка-бурлакъ, подперла подбородокъ кулакомъ правой руки, которая въ свою очередь опиралась на ладонь лѣвой и, не дослушавъ князя, начала говорить такъ рѣзко и звонко, что вся хата наполнилась звуками ея голоса, что ушамъ становилось тяжело ее слушать и со двора могло показаться, что въ хатѣ горячо спорятъ безчисленное множество бабьихъ голосовъ.

– Чего, отецъ ты мой, чего съ нимъ говорить, въдъ онъ и говорить то не можетъ, какъ человекъ. Вотъ онъ стоитъ, олухъ, – продолжала она, презрительно указывая головой на жалкую и смѣшную фигуру Давыдки. – Какое мое хозяйство? батюшка, Ваше Сіятельство, мы – голь, хуже насъ во всей слободѣ у тебя нѣту: ни себѣ, ни на барщину – срамъ, а все онъ насъ довелъ. Родили, кормили, поили, не чаяли дожидаться парня. Вотъ и дождались, хлѣбъ лопааетъ, а работы отъ него, какъ отъ прѣлой вонъ той колоды, только знаетъ на печи лежить, либо вотъ стоитъ, башку

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
свою дурацкую скребеть, – сказала она, передразнивая его. – Хоть бы ты его, отецъ, постращаль что-ли, ужъ я сама прошу, накажи ты его, ради Господа Бога, въ солдаты ли: одинъ конецъ. Мочи моей съ нимъ не стало.

– Ну, какъ тебѣ не грѣшно, Давыдка, доводить до этаго свою мать, – сказала Князь, обращаясь къ нему.

Давыдка не двигался.

– Въдѣ добро-бы мужикъ хворый былъ, а то въдѣ только смотрѣть на него, въдѣ словно борозъ съ мельницы, раздулся. Есть, кажись, чему-бы и работать – гладухъ какой! Нѣтъ, вотъ пропадаетъ на печи лодыремъ, возьметса за что, такъ глядѣть мерзко: коли подниметса, коли передвинетса, коли что, – говорила она, растягивая слова и переваливаясь съ боку на бокъ. – Въдѣ вотъ нынче старикъ самъ за хворостомъ въ лѣсъ уѣхаль, а ему велѣлъ ямы копать, такъ нѣтъ вотъ, и лопаты не бралъ! – На минуту она замолчала. – Загубиль онъ, шельма, меня, сироту, – взвизгнула она, вдругъ размахнувъ кулаками и съ угрожающимъ жестомъ подходя къ нему: – «гладкая твоя морда, лядащая, прости Господи!» – она презрительно отвернулась отъ него и обратилась къ Князю съ тѣмъ-же одушевленіемъ и съ слезами на глазахъ, продолжая размахивать руками.

– Въдѣ все одна, кормилецъ, – старикъ-отъ мой хворый, старый, а я все одна, да одна. – Камень и тотъ треснетъ. Хоть бы помереть, такъ легче бы было; одинъ конецъ, а то сморять они меня, отецъ ты нашъ, мочи моей ужъ нѣтъ. Невѣстка съ работы извелась, и мнѣ тоже будетъ.

– Какъ извелась? отчего?

– Съ натуги, кормилецъ. Взяли мы ее запрошлый годъ изъ Бабурина, – продолжала она слезнымъ голосомъ, – ну баба была и молодая, свѣжая, смирная: важная была баба, родной. Дома-то у отца за заловками въ холѣ жила, нужды не видала, а какъ къ намъ поступила, какъ нашу работу узнала, и на барщину, и дома, и въздѣ, она, да я. Мнѣ что? я, баба привышная, она-жъ тяжелая была, да горе стала терпѣть, а все маялась – работающая была – ну, надорвалась, сердешная. Стала чахнуть, да чахнуть. Лѣтось петровками еще на бѣду родила, а хлѣбушка не было, кой-что, кой-что ѣли, работа-же спѣшная подошла. У ней груди и пересохли. Дѣтенокъ первинькой былъ, коровенки нѣту-ти, да и дѣло наше мужицкое, гдѣ рожкомъ выкормить, а кормить нечѣмъ; ну извѣстно, бабья глупость, она этимъ пуще убиваться стала. А какъ мальчишка померъ, ужъ она съ этой кручины выла, выла, голосила, голосила, да нужда, да работа, все таже, да такъ извелась, сердешная, что къ Покрову и сама кончилась. Онъ ее порѣшилъ, бестія. Что я тебя просить хотѣла, Ваше Сіятельство – продолжала она, низко кланяясь.

– Что?

– Въдѣ онъ мужикъ еще молодой, отъ меня уже какой работы ждатель, нынче жива, а завтра помру. Какъ ему безъ жены быть? Въдѣ онъ тебѣ не мужикъ будетъ. Обдумай ты насъ какъ нибудь, отецъ ты нашъ.

– То есть ты женить его хочешь? Чтожъ, это дѣло.

– Сдѣлай божескую милость, ты нашъ отецъ, ты наша мать, – и, сдѣлавъ знакъ своему сыну, она съ нимъ вмѣстѣ грохнулась въ ноги Князя.

– Зачѣмъ-же ты въ землю кланяешься, – говорилъ Николинъ, съ досадой поднимая ее за плечо. – Развѣ нельзя такъ сказать. Ты знаешь, что я этаго не люблю. жени сына, пожалуйста, я очень радъ, коли у тебя есть невѣста на примѣть.

Старуха поднялась и утирала рукавомъ сухіе глаза. Давыдка послѣдовалъ ея примѣру и въ томъ же глупо-апатическомъ положеніи продолжалъ стоять и слушать, что говорила его мать.

– Невѣсты-то есть, какъ не быть? Вотъ Васютка Михѣйкина, дѣвка ничего, да въдѣ безъ твоей воли не пойдетъ.

– Развѣ она не согласна?

– Нѣтъ, кормилецъ, коли по согласію пойдетъ?

– Ну, так чтожь дѣлать? Я принуждать не могу, а вы поищите другую; не у себя, такъ у чужихъ, я охотно заплачу 100, 200 р., только бы шла по своей охотѣ, а насильно выдавать замужъ нельзя. И закона такого нѣтъ, да и грѣхъ это большой.

– Э-э-эхъ кормилецъ! Да статочное ли дѣло, чтобы, глядя на нашу жизнь, охотой пошла? Солдатка самая и та такой нужды на себя принять не захочетъ. Какой мужикъ и дѣвкѣ къ намъ въ дворъ отдастъ. Отчаянный не отдастъ. Въдъ мы голь, нищета. Одну, скажетъ, почитай, что съ голоду, заморили, такъ и моей тоже будетъ. Кто отдастъ? – прибавила она, недовѣрчиво качая головой. – Разсуди, Ваше Сіятельство.

– Такъ что же я могу сдѣлать?

– Обдумай ты насъ какъ нибудь, родненькій, – повторила убѣдительно Арина, – что намъ дѣлать?

– Да что же я могу обдумать? Я тоже ничего не могу сдѣлать для васъ въ этомъ отношеніи. Вотъ хлѣба вы просили, такъ я прикажу вамъ отпустить и во всякомъ дѣлѣ готовъ помогать; только ты его усовѣсти, чтобы онъ свою лѣнь-то бросилъ, – говорилъ Николинъ, выходя въ сѣни, старухѣ, которая кланяясь слѣдовала за нимъ.

– Что я съ нимъ буду дѣлать, отецъ? Въдъ самъ видишь, какой онъ. Онъ въдъ мужикъ и умный, и смирный, грѣхъ напрасно сказать, художествъ за нимъ никакихъ не водится; ужъ это Богъ знаетъ, что это съ нимъ такое попритчилось, что онъ самъ себѣ злодѣй. Въдъ онъ и самъ тому не радъ. Я, батюшка, Ваше Сіятельство, – продолжала она шопотомъ, – и такъ клала и этакъ прикидывала: не иначе, какъ испортили его злые люди.

– Какъ испортили?

– Да какъ испортили? Долго ли до грѣха. По злобѣ вынули горсть земли изъ подъ слѣду... и навѣкъ не человѣкомъ исдѣлали, въдъ всякіе люди бываютъ. Я такъ себѣ думаю; не сходить-ли мнѣ къ Дындыку старику, что въ Воробьевкѣ живетъ, онъ всякія слова знаетъ и порчу снимаетъ, и съ креста воду пускаетъ; такъ не пособить ли онъ!

– Нѣтъ, онъ не поможетъ; а я подумаю о твоёмъ сынѣ, – и Князь вышелъ на улицу.

– Какъ не помочь, кормилецъ, въдъ онъ колдунъ, одно слово колдунъ.

Давыдка Бѣлый мужикъ смирный, непьющій, неглупый и честный, онъ лучше многихъ своихъ товарищей, которые живутъ не такъ бѣдно, какъ онъ. Но несчастный въ высшей степени лимфатическій темпераментъ или апатическій характеръ, или проще[?] наслѣдственная непреодолимая лѣнь, сдѣлали его тѣмъ, что онъ есть – лодыремъ, какъ выражается его мать. И она совершенно права, говоря, что онъ самъ этому не радъ. Онъ родился лодыремъ и вѣкъ будетъ лодыремъ, ничто не измѣнитъ его. Но родись онъ въ другой сферѣ, въ которой непрерывный тяжелый трудъ не есть существенная необходимость, кто знаетъ, чѣмъ-бы онъ былъ? Развѣ мало встрѣчаемъ мы этихъ запухшихъ, вялыхъ, лѣнивыхъ натуръ безъ живости и энергіи, которые были такими-же лодырями, родись они въ бѣдности? Но средства къ существованію ихъ обезпечены, временный умственный трудъ въ нѣкоторой степени возможенъ для нихъ, и они спокойно погружаются въ свою безвыходную апатію, часто даже щеголяя ею, и, неизвѣстно почему, называя славянскою лѣнью.

Но нищета, трудъ крестьянина, принужденнаго работать изъ всѣхъ силъ и безпрестанно, невозможны съ такимъ характеромъ. Онъ убиваетъ надежду, увеличиваетъ безпомощность. А безпрестанные брань, побои вселяютъ равнодушіе даже отвращеніе [къ] окружающему [?]. Наконецъ, что грустнѣе всего, къ безсилію присоединяется сознаніе безсилія: и побои, и несчастія дѣлаются обыкновенными необходимыми явленіями жизни, онъ привыкаетъ къ нимъ, и не думая о возможности облегчить свою участь, ничего не желая, ничего не добиваясь. Давыдку забили. Онъ знаетъ, что онъ лодырь, что ему ѣсть нечего. Что-жь, пускай, бьютъ, такъ и слѣдуетъ, разсуждаетъ онъ. –

«Но что мнѣ дѣлать съ нимъ, думаетъ мой герой, грустно наклонивъ голову и шагая большими шагами внизъ по деревнѣ. – Ежели останутся такіе мужики, то мечта моя

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru

видѣть ихъ всѣхъ счастливыми никогда не осуществится. Онъ никогда не пойметъ, чего я отъ него хочу, онъ отъ меня ничего не ожидаетъ, кромѣ побой. Такъ и быть должно. Его 20 лѣтъ били, а я только годъ стараюсь совѣтовать и помогать ему. – Въ солдаты, – подумалъ онъ, – но за что? онъ добрый мужикъ. Да и не примуть, подсказало ему чувство разсчитливаго эгоизма. Взять во дворъ? Да, вотъ», и онъ съ удовольствіемъ челоуѣка, разрѣшившаго трудную задачу, остановился на этой мысли. – «Тамъ онъ будетъ на глазахъ. Я въ состояннн буду всегда слѣдить за нимъ, и можетъ быть кротостью, увѣщаніями, выборомъ занятій успѣю пріучить его къ размышленію и труду. Такъ и сдѣлаю». – Успокоившись на этотъ счетъ Николинъка вспомнилъ, что ему надо зайти къ Болхѣ и отдать обѣщанные 50 р. – «Хотя Шкаликъ обманулъ меня, – говорилъ онъ самъ себѣ, – но я долженъ исполнить свое слово, ежели хочу внушить къ себѣ довѣріе». И онъ отправился къ Болхѣ.

Болхиныхъ семья большая и дворъ исправный. Во всей вотчинѣ, почитай, первый мужикъ. Лѣтось другую связь изъ своего лѣса поставилъ, господъ не трудилъ. Теперь есть, гдѣ съ семьей распространиться. Коней у него, окромѣ жеребятъ, да подростковъ, троекъ 6 соберется, а скотины, коровъ, да овецъ: какъ съ поля гонять, да бабы выйдутъ на улицу загонять, такъ въ воротахъ ихъ то сопрется, что у-у! Бѣда! до француза старикъ садилъ – тамъ у нихъ пчелы, осикъ важны! Люди говорятъ, что у старика и деньги есть и деньги не маленькія; да онъ про то никому не сказываетъ, и никто, ни дѣти, ни невѣстки не знаетъ, гдѣ онъ у него зарыты. Должно на осикъ, больше негдѣ. – Да какъ имъ справнымъ не быть? Старикъ-ать Болха мужикъ умный, разсчитливый и порядки всякіе знаетъ. Съ молодыхъ-то лѣтъ онъ на станціи на 3-хъ тройкахъ лѣтъ 8 стоялъ. Ну, какъ сошелъ и лошадьми, и снастью справился, и въ мошнѣ то не пусто было, батрака нанялъ, за землю принялся. Пчелами занялся. И назватъ, что пчеловодъ! противъ него, другаго мастера по всей округности нѣтъ. – Даль Богъ ему во всемъ счастья и на хлѣбъ, и на лошадей, и на скотину, и на пчелъ, и сыновья-то ребята знатные выросли, да и баловаться то онъ имъ больно повадки не давалъ, куратный мужикъ! Какъ пришла пора, и сыновей женилъ, одну бабу взялъ у своихъ, а двухъ въ сусѣдѣ на свой коштъ[?] откупилъ. Просить тогда некого было – опека была. Ну, извѣстное дѣло: какъ настоящій хозяинъ въ дому: да семья большая, невѣстки-то полаются, полаются, а все ладно живутъ и мужики зажиточные. Старикъ-отъ, годовъ 5 тому будетъ, было лугами по малости заниматься сталъ, съ Шкаликомъ въ долю пошелъ, да не посчастливилось. 300 р. на Шкалику пропало, и расписка по сю пору у старика лежитъ, да получить не чааетъ; такъ и бросилъ. Меньшіе ребята – Игнатка, да Илья – теперь каждый годъ на 5 тройкахъ зиму въ извозъ ѣздятъ, а старшего Карпа старикъ хозяиномъ въ домъ поставилъ. «Старъ, мыль, ужъ мнѣ не по силамъ, и мое дѣло около пчелъ». Карпъ то мужикъ и похвальный, да все проти старика не будетъ: да и хозяинъ-отъ онъ неполный. Неспорно старикъ и передалъ все ему, да деньги не открываетъ, ну, извѣстно, хоть пока живъ, да деньги у него, въ дому-то все стариковъ разумъ орудуетъ. Этакъ-то они и славно живутъ, коли бы не старикъ. Куда? –

Въ новыхъ тесовыхъ воротахъ, которыя съ скрипомъ отворились, Николинку встрѣтилъ Илья. Онъ велъ поить 2 тройки крѣпконогихъ, гривистыхъ и рослыхъ коней. Лошади хотя были сыты и веселы, были уже не совсѣмъ свѣжи. У нѣкоторыхъ широкія копыта, потные колени погнулись, и во многихъ мѣстахъ видны были старые побои на спинѣ и бокахъ. Лицо Илюшки Болхина, одно изъ красивѣйшихъ лицъ, которыя когда либо мнѣ удавалось видѣть. Все, начиная отъ свѣтло-русой головы, обстриженной въ кружокъ, до огромныхъ тяжелыхъ сапогъ съ сморщенными широкими голенищами, надѣтыхъ съ особеннымъ ямскимъ шикомъ на его стройныя ноги – все прекрасно.

Онъ средняго роста, но чрезвычайно строенъ. Правильное лицо его свѣже и здорово; но беззаботное и вмѣстѣ умное выраженіе ясныхъ, голубыхъ глазъ и свѣжаго рта, около котораго и пушекъ еще не пробивается, дышитъ какою-то необыкновенно пріятною русскою прелестью. Можетъ быть бываютъ фигуры изящнѣе фигуры Илюшки, но фигуры граціознѣе и полнѣе въ своемъ родѣ желать нельзя: такъ хорошо его сотворила русская природа и нарядила русская жизнь. Какъ хорошо обхватываетъ косой воротъ бѣлой рубахи его загорѣлую шею и низко повязанный поясокъ его мускулистый и гибкій станъ. Какая ловкая и увѣренная походка, несмотря на эти огромные сапоги. Порадовалась душа Николинки, глядя на него, когда онъ, поклонившись ему, бойко встряхнулъ свѣтлыми кудрями. На широкомъ дворѣ подъ высокими навѣсами стоитъ и лежитъ много всякаго мужицкаго добра, тельги, колеса, ободья, сани, лубки... Подъ однимъ изъ нихъ Игнатка и Карпъ прилаживаютъ дубовую ось подъ новую троичную тельгу. – Игнатъ побольше, поплотнѣе и постарше Ильи; у него рыжеватая бородка клиномъ, и онъ одѣтъ не по степному: на немъ рубаха

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой to1stoy1eo.ru
пестрая, набойчатая и сапоги, <сапоги рѣзкая черта въ мужицкомъ бытъ – они всегда что нибудь да значать> но, несмотря на сходство съ братомъ, онъ не хорошъ собой. Карпъ еще повыше, еще плотнѣе, еще постарше, лицо его красно, волоса и борода рыжія, а на немъ пасконная рубаха и лапти.

– Игнать, – сказалъ Князь.

– Чего изволите, – отвѣчалъ онъ, бросая подушку на землю.

– Вотъ, братецъ, я принесъ тебѣ деньги, – сказалъ Князь, опуская глаза и доставая знакомую намъ смятую пачку ассигнацій, – которая обѣщала дать тебѣ отъ Шкалика. Смотри-же, забудь все, что онъ сдѣлалъ, и не имѣй на него больше зла. Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ, – прибавилъ Николинъка для популярности рѣчи.

Игнать молчалъ и, улыбаясь глазами, съ любопытствомъ слѣдилъ за движеніемъ рукъ Николинъки, которая тряслась, разбирая смявшуюся въ лепешку пачку ассигнацій. Молчание, продолжавшееся все это время, было крайне тягостно для моего застѣнчиваго героя. По какой-то странной причинѣ онъ всегда терялся и краснѣлъ, когда ему приходилось давать деньги, но теперь въ особенноти онъ чувствовалъ себя въ неловкомъ положеніи. Наконецъ 15 р. отсчитаны, и Николинъка подаетъ ихъ, но тутъ Игнать начинаетъ улыбаться, чесать затылокъ и говорить: «на что мнѣ его деньги? Ваше Сіятельство, я и такъ попрекать не стану. Съ кѣмъ грѣхъ не случается».

Въ это время подходитъ сгорбленный, но еще крѣпкій старикъ съ багровою плѣшью посерединѣ бѣлыхъ, какъ снѣгъ, волосъ съ сѣдою желтоватою бородою и нависшими бровями, изъ подъ которыхъ весело смотрятъ два умные, прекрасные глаза: это самъ старикъ Болха пришелъ съ осика посмотреть, что ребята работаютъ. Николинъка обращается къ нему и сначала объясняетъ все дѣло. Старикъ внимательно слушаетъ дѣло и рѣзко обращается къ Карпу. «Возьми деньги. Благодари Его Сіятельство», говоритъ онъ Игнату и самъ кланяется.

– Меня не за что благодарить.

Сваливъ наконецъ эту тяжелую для него обузу, Николинъка по своему обыкновенію вступилъ въ хозяйственный разговоръ съ старикомъ, котораго умные рѣчи и совѣты онъ любилъ слушать, и, разговаривая, пошелъ посмотреть съ нимъ новую хату.

Войдя въ избу, старикъ еще разъ поклонился, смахнулъ полой зипуна съ лавки передняго угла и, улыбаясь, спросилъ: «чѣмъ васъ просить, Ваше Сіятельство».

Изба была бѣлая (съ трубой), просторная, съ полатами и нарами: свѣжія осиновыя бревны, между которыми виднѣлся недавно завядшій мохъ, еще не почернѣли, новыя лавки и полаты не сгладились, и полъ еще не убился. Одна молодая, худошавая, хорошенькая крестьянская женщина, жена Ильи, сидѣла на нарахъ и качала ногой зыбку, привѣшанную на шесть къ потолку, въ которой задремалъ ея ребенокъ, другая, Карпова хозяйка, плотная, краснолицая баба, засучивъ выше локтя сильныя, загорѣлыя руки, передъ печью крошила лукъ въ деревянной чашкѣ. Аюенька была въ огородѣ. Въ избѣ кромѣ солнечнаго жара было жарко отъ печи, и сильно пахло только что испеченнымъ хлѣбомъ. Съ полатей поглядывали внизъ курчавыя головки двухъ дѣтей, забравшихся туда въ ожиданіи обѣда. – Николинъка съѣлъ кусокъ горячаго хлѣба, похвалилъ избу, хлѣбъ, хорошенькую дѣвочку, которая, закрывши глазенки, чуть замѣтно дышала, раскидавшись въ зыбкѣ и не желая стѣснять добрыхъ мужичковъ, поторопился выдти на дворъ и въ самомъ пріятномъ расположеніи духа пошелъ съ старикомъ посмотреть его осикъ. – Былъ часъ десятый; прозрачныя бѣлыя тучи только начинали собираться на краяхъ ярко-голубаго неба; теплое, іюньское солнушко прошло 1/4 пути и весело играло на фольгѣ образка, стоящаго на серединѣ осика, оно кидало яркія тѣни и цвѣты на новую соломенную крышу маленькаго рубленнаго мшенника, стоящаго въ углу осѣка, на просвѣчивающіе плетни, покрытые соломой, около которыхъ симетрично разставлены улья, покрытые отрѣзками досокъ, на старыя липы съ свѣжей, темной листвою, чуть слышно колыхаемой легкимъ вѣтромъ, на низкую траву, пробивающуюся между ульями, на рои шумящихъ и золотистыхъ пчелъ, носящихся по воздуху и даже на сѣдую и плешивую голову старика, который съ полуулыбкой, выражающей довольство и гордость, вводилъ Николинъку въ свои исключительныя владѣнія. Николинъкъ было весело, онъ видѣлъ уже всѣхъ своихъ мужиковъ такими-же богатыми, такими-же добрыми, какъ старикъ Болха, они всѣ улыбались, были совершенно счастливы и всѣмъ этимъ были обязаны

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой to1stoy1eo.ru
ему; онъ забыль даже о пчелахъ, который вились около его.

– Не прикажете-ли сътку, Ваше Сіятельство, пчела теперь злая, кусаютъ? Меня не кусаютъ.

– Такъ и мнѣ не нужно.

– Какъ угодно, – отвѣчалъ Болхинъ, оттыкая одну колодку и заглядывая въ отверстие, покрытое шумящею и ползающею пчелою по кривымъ вощинамъ. Николинька заглянулъ тоже.

– Что скоро будутъ роиться? – Въ это время одна пчела забила ему подъ шляпу и билась въ волосахъ, другая – ужалила за ухо. Больно ему было, бѣдняжкѣ, но онъ не поморщился и продолжалъ разговаривать.

– Коли роиться, вотъ только зачала брать-то, какъ слѣдуетъ. Изволите видѣть теперь съ калашкой идетъ, – сказалъ старикъ, затыкая опять улей и прижимая тряпкой ползающую пчелу. – «Лети, свѣтъ, лети, – говорилъ онъ, огребая нѣсколько пчелъ съ морщинистаго затылка. Пчелы не кусали его, но зато бѣдный Николинька едва-едва выдерживалъ характеръ: не было мѣста, гдѣ-бы онъ не былъ ужаленъ, однако онъ продолжалъ распрашивать...

– А много у тебя колодокъ? – спросилъ Николинька, ступая къ калиткѣ.

– Что Богъ далъ, – отвѣчалъ Болхинъ, робко улыбаясь. – Вотъ, Ваше Сіятельство, я просить вашу милость хотѣлъ, – продолжалъ онъ, подходя къ тоненькимъ колодкамъ, стоявшимъ подъ липами, – объ Осипѣ, хотѣ-бы вы ему заказали въ своей деревнѣ такъ дурно дѣлать.

– Какъ дурно дѣлать?

– Да вотъ, что ни годъ, свою пчелу на моихъ молодыхъ напускаетъ. Имъ бы поправляться, а чужая пчела у нихъ вошины повытаскиваетъ, да подсъкаетъ...

– Хорошо, послѣ, сейчасъ... – проговорилъ Николинька, не въ силахъ уже болѣе терпѣть и, отмахиваясь, выбѣжалъ въ калитку.

.....

Однимъ изъ главныхъ правилъ Николиньки было во всѣхъ отношеніяхъ становиться на уровень мужиковъ и показывать имъ примѣръ всѣхъ крестьянскихъ добродѣтелей; но главная изъ этихъ добродѣтелей есть терпѣніе, или лучше безропотная и спокойная сносность [?], которая пріобрѣтается временемъ и тяжкимъ трудомъ, а онъ не видалъ еще ни того, ни другаго. Не знаю, смѣяться-ли надъ нимъ, или жалѣть его или удивляться ему, но гримасы и прыжки, которые заставила его сдѣлать пчела, мучили его какъ преступленіе; онъ долго не могъ простить себѣ такой слабости и, нахмуривши свое молодое лицо, остановился посерединѣ двора.

– Что я насчетъ ребятъ хотѣлъ просить, Ваше Сіятельство, – сказалъ старикъ, какъ будто или дѣйствительно не замѣчалъ грознаго вида барина.

– Что?

– Да вотъ лошадами, слава-те Господи, мы исправны, и батракъ есть, такъ барщина за нами не постоитъ.

– Такъ что-жь?

– Коли бы милость ваша была, ребятъ отпустить, такъ илюшка въ извозъ бы на 3 тройкахъ пошелъ. Може, что бы и заработалъ.

– Куда въ извозъ?

– Да какъ придется, – вмѣшался возвратившійся илюшка, – кадминскіе [?] ребята на 8 тройкахъ въ Ромень ѣздили, такъ, говорятъ, прокормились и десятки по 3 на тройку домой привезли, а то и въ Одестъ, говорятъ, кормы дешевые.

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой to1stoy1eo.ru

– Развъ выгоднѣе ѣздить въ извозъ, чѣмъ дома хлѣбопашествомъ заниматься?

– Когда не выгоднѣе, дома-то лошадей кормить нечѣмъ.

– Ну, а сколько ты въ лѣто выработаешь?

– Да лѣтошній годъ, начто кормы дорогіе были, мы въ Кіевъ съ товаромъ ѣздили, да въ Курскѣ опять до Москвы крупу наложили и такъ и сами прокормились и лошади сыты были, да и 15 рублей денегъ привезъ.

– Что-жъ, я очень радъ, что вы занимаетесь честнымъ промысломъ, коли хотите опять ѣхать, съ Богомъ, но мнѣ кажется, что выгодъ вамъ мало этимъ заниматься, да и работа эта такая, что шатается малый вѣздъ, всякой народъ видитъ – избаловаться можетъ, – прибавилъ Николинька, обращаясь къ старику.

– Чѣмъ же нашему брату, мужику, заниматься, какъ не извозомъ, съѣдешь хорошо, и самъ сытъ, и лошади сыты, а что насчетъ баловства, такъ они у меня ужъ, слава-те Господи, не первой годъ ѣздятъ, да и самъ я ѣзжалъ, дурнаго ни отъ кого не видалъ, окромѣ добраго.

– Нѣтъ, братъ, какъ ты не говори, а самое пустое это дѣло, только шляться. Мало ли, чѣмъ другимъ вы бы могли заняться.

– Какъ можно, Ваше Сіятельство, – подхватилъ Илюшка съ жаромъ, – ужъ мы съ эвтимъ родились, всѣ эти порядки намъ извѣстны, способное для насъ дѣло, самое любезное дѣло, Ваше Сіятельство, какъ нашему брату съ рядой ѣздить.

– Ну отчего бы вамъ не заняться рощами или лугами.

– Силы нашей нѣтъ, – отвѣчалъ старикъ.

– Вѣдь у тебя есть деньги, – неосторожно сказалъ Николинька, – такъ, чѣмъ имъ въ сундукъ лежать, ты ихъ въ оборотъ пусти...

– Какія наши деньги, Ваше Сіятельство, вотъ избенку поставилъ, да ребятъ справилъ, и деньги мои всѣ... наши деньги мужицкія. Гдѣ одолѣть рощу купить? Послѣдній достатокъ потеряешь, да и деньги наши какія? – продолжалъ твердить старикъ.

– Придите въ контору получить билетъ, – рѣзко сказалъ Николинька, повернулся и пошелъ домой. – Онъ боится открыть мнѣ, что [у] него есть деньги, – подумалъ онъ. Какъ передать мысли Николиньки, когда онъ шелъ по большой аллеѣ, которая черезъ садъ вела къ дому. Онъ такъ были тяжелы для него, что онъ и самъ не съумѣлъ-бы выразить ихъ. –

Сколько препятствій встрѣчала единственная цѣль его жизни, которой онъ исключительно предался со всѣмъ жаромъ юношескаго увлеченія!

Достигнетъ ли онъ когда нибудь того, чтобы труды его могли быть полезны и справедливы. Одна цѣль его трудовъ есть счастье его подданныхъ: но и это такъ трудно, такъ трудно, что кажется легче самому найти счастье, чѣмъ дать его другимъ. Недовѣріе, ложная рутина, порокъ, безпомощность, вотъ преграды, которыя едва ли удастся преодолѣть ему. На все нужно время, а юность, у которой его больше всего впереди, не любитъ разсчитывать его, потому что не испытала еще его дѣйствій. Искоренить ложную рутину, нужно дожидаться новаго поколѣнія и образовать его, уничтожить порокъ, основанный на бѣдности нельзя – нужно вырвать его. – Дать занятія каждому по способности. Сколько труда, сколько случаевъ измѣнить справедливости. Чтобы всѣлить довѣріе, нужно едва столько лѣтъ, сколько вселялось недоовѣріе. На чемъ нибудь да основанъ страхъ Болхи открыть свое имущество. Это почти одно горькое вліяніе рабства и то произошло не отъ самаго положенія рабства, а отъ небрежности, непостоянства и несправедливости управленія.

Возвратившись домой, Николинька взошелъ въ одну изъ комнатъ своего большаго дома. Въ небольшой комнатѣ этой стоялъ старый, англійскій рояль, большой письменный столъ и кожаный истертый диванъ, обитый мѣдными гвоздиками, на котормъ спалъ мой герой, и нѣсколько такихъ же кресель, вокругъ комнаты было нѣсколько полокъ съ книгами и бумагами, и нотами. – Въ комнатѣ было чисто, но

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
безпорядочно, и этот жилой беспорядок составлял рзкую противоположность съ чопорнымъ барскимъ убранствомъ другихъ комнатъ большого бабуринаго дома.

Николинька бросилъ шляпу на рояль и сълъ за него. Рука его разсыянно и небрежно пробъжала по клавишамъ, вышелъ какой-то мотивъ, похожій на тройное «Господи помилуй», которое пѣли въ Церкви.

Николинька подвинулся ближе и въ полныхъ и чистыхъ акордахъ повторялъ мотивъ, потомъ началъ модулировать, гармонія безпрестанно измѣнялась, изрѣдко только возвращалась къ первоначальной и повторенію прежняго мотива. Иногда модуляціи были слишкомъ смѣлы и не совсѣмъ правильны, но иногда чрезвычайно удачны. Николинька забился. Его слабые, иногда тощіе, аккорды дополнялись его воображеніемъ. Ему казалось, что онъ слышитъ и хоръ, и оркестръ, и тысячи мелодій, сообразныхъ съ его гармоніей, вертѣлись въ его головѣ. Всякую минуту, переходя къ смѣлому измѣненію, онъ съ замираніемъ сердца ожидалъ, что выдетъ, и когда переходъ былъ удаченъ, какъ отраднo становилось ему на душѣ. Въ то же самое время мысли его находились въ положеніи усиленной дѣятельности и вмѣстѣ запутанности и туманности, въ которомъ онъ обыкновенно находятся въ то время, когда человекъ бываетъ занятъ полуумственнымъ, полупрактическимъ трудомъ, напримѣръ, когда мы читаемъ, не вникая въ смыслъ читаннаго, когда читаешь ноты, когда рисуешь, когда находишься на охотѣ и т. д. Различные странные образы – грустные и отрадныe – измѣнялись одни другими. То представлялись ему отецъ и сынъ въ видѣ Негровъ, запряженныхъ въ тележку, на которой сидитъ плантаторъ необыкновенной толщины, такъ что никакія силы не могли свезти его; но плантаторъ, который никто иной, какъ Яковъ, безжалостно погоняетъ; то старикъ Болха, который проповѣдуетъ по всѣмъ селамъ и деревнямъ, что отъ помѣщиковъ деньги прятать нужно, а Николинька играетъ и невольно шепчетъ: «отъ помѣщиковъ деньги прятать нужно». То онъ думаетъ: какова должна быть любовь Чуриса къ своему единственному пузатому сынишкѣ, когда онъ въ немъ кромѣ сына видитъ помощника и спасителя. Вотъ это любовь, шепчетъ Николинька. Потомъ вспоминаетъ онъ о старухѣ Мудренаго, вспоминаетъ о выраженіи терпѣнія, всепрощенія и доброты, которыя онъ замѣтилъ на лицѣ ея, несмотря на уродливыя черты и желтый торчащій зубъ. – Должно быть въ 70 лѣтъ ея жизни я первый замѣтилъ это, думаетъ онъ и шепчетъ странно, потомъ вспоминаетъ онъ, какъ боялся Илюшка, чтобы онъ не пустилъ его въ извозъ: и ему представляется сѣрое, туманное утро, подсклизлая шосейная дорога и длинный обозъ огромныхъ нагруженныхъ и покрытыхъ рогожами троичныхъ тельгъ на здоровыхъ толстоногихъ коняхъ, которые, выгибая спины и натягивая постромки, дружно тянуть въ гору и потряхивая бубенчиками по склизкой дорогѣ. Навстрѣчу обоза бѣжитъ почта. Ящикъ съ бляхой издалека поднимаетъ кнутъ, во все горло кричитъ: стой; на переднемъ возу изъ подъ рогожи, покрывающей грядки тельги, лѣнливо высовывается красивая голова Илюшки, который на зорькѣ славно пригрѣлся и заснулъ подъ рогожей. Онъ сквозь сонъ посмотрѣлъ на 3 тройки съ чмоданомъ, которыя съ звономъ и крикомъ пронесли мимо его, слегка, ласкательно хлестнулъ правую пристяжную, и опять спряталъ голову. Николинька мыслью слѣдитъ за всей жизнью Илюшки въ извозѣ, онъ видитъ, какъ къ вечеру скрипятъ передъ усталыми тройками широкія тесовыя ворота, Илюшка весело и добродушно калякаетъ съ хозяиномъ и выпрягаетъ коней, какъ онъ идетъ въ жаркую избу, набитую народомъ, крестится, садится за столъ и балагуритъ съ хозяйкой[?], и ведется рѣчь съ товарищами, какъ скидаеть армякъ, разувается босый и здоровый, беззаботный и веселый ложится на пахучее сѣно около лошадей и храпитъ до пѣтуховъ сномъ дѣтей или праведника. Онъ слѣдитъ за нимъ и въ кабакѣ, гдѣ онъ идетъ сорвать коуху и затянуть длинную пѣсню своимъ груднымъ теноромъ, и въ Одестѣ, въ которомъ онъ видитъ только мѣсто, въ которомъ кормъ дорогъ, и бываетъ хозяину сдача, и въ Ромень, и въ Кіевъ, и по всему широкому Р[усскому] Цар[ству], и опять онъ видитъ его на передкѣ телеги на большой дорогѣ и въ ясный вечеръ, и въ знойное утро здоровымъ, сильнымъ, беззаботнымъ. Славно, шепчетъ Николинька, все играетъ, и мысль, зачѣмъ я не Илюшка, тоже представляется ему.

Сѣдой княжескій слуга давно на ципочкахъ принесъ кофе на серебрянномъ поднось и, зная по опыту, что одно средство разсердить князя было помѣшать ему въ то время, когда онъ играетъ, также осторожно и тихо вышелъ въ высокую дверь. Однако, должно быть весьма важный случай заставилъ его опять воротиться и молча дожидаться у двери, чтобы князь оглянулся на него. Но звуки, которые вызвала пылкая фантазія, и странныя мысли, которыя, какъ-бы слѣдуя за ними, возникали въ юной головѣ моего героя, такъ увлекали все его вниманіе, что онъ не замѣчалъ ни почтительнаго положенія стараго фоки, ни даже приближающагося по большой березовой аллеѣ звука почтоваго кококольчика, подвѣшеннаго къ дышлу дорожной коляски. Въ дорожной коляскѣ, на козлахъ, сидѣли ящикъ и щеголь, городской

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru (слуга) съ замшевой сумкой через плечо, въ триповомъ пальто и бархатной фуражкѣ, а въ серединѣ молодой человекъ, съ замѣтнымъ любопытствомъ и нетерпѣніемъ, выглядывавшій въ садъ и на домъ. Не успѣли еще кони фыркнуть у подъезда, и лакей соскочить съ козелъ, какъ молодой человекъ, выказывая всѣ признаки сильнаго волненія и удовольствія, бѣжалъ уже по лѣстницѣ и спрашивалъ у встрѣтившагося фоки: «Дома-ли Князь?»

– Дома-съ.

– Гдѣ-же онъ? Одинъ? Что онъ дѣлаетъ? – спрашивалъ молодой человекъ, не дожидаясь отвѣта и улыбаясь отъ внутренняго удовольствія.

– Одни-съ. Какъ прикажете доложить? – говорилъ фока съ недовольнымъ видомъ, стараясь обогнать безпокойнаго гостя.

– Скажи: Исправникъ, слышишь? – сказалъ молодой человекъ, засмѣявшись звучнымъ, необыкновенно пріятнымъ смѣхомъ.

Николинька услышалъ этотъ смѣхъ. Онъ многое напоминалъ ему. Образъ человека, который смѣялся такъ, и котораго онъ любилъ такъ, какъ любили только въ его лѣта, живо предсталъ передъ нимъ. Но видѣть этаго человека было бы для него слишкомъ большимъ наслажденіемъ для того, чтобы онъ могъ повѣрить сразу этой мысли. Онъ принялъ слышанныя имъ звуки за одну изъ тѣхъ мимолетныхъ грезъ, которыя безпорядочно бродили въ его воображеніи, и продолжалъ играть.

– Исправникъ пріѣхали-съ, – сказалъ фока почти шопотомъ, съ значительнымъ видомъ зажмуривая глаза.

– Какой исправникъ? Зачѣмъ исправникъ? – сказалъ Николинька, съ озадаченнымъ видомъ оборачиваясь къ нему.

– Не могу знать-съ.

– Ахъ, Боже мой, зачѣмъ это? что ему нужно? и зачѣмъ ему нужно, не понимаю.

– Прикажете просить?

– Вотъ пріятно. Проводи его въ гостиную и попроси подождать.

Въ это время изъ за двери показалась веселая и красивая фигура гостя, который съ слезами на глазахъ и хохоча изъ всѣхъ силъ вбѣгалъ въ комнату. Увидавъ его, Николинька нѣсколько секундъ оставался совершенно неподвиженъ, схватилъ себя за голову, зажмурился и прошепталъ: «быть не можетъ», потомъ хотѣлъ броситься къ гостю, хотѣлъ что-то сказать ему, но имѣлъ только силу встать съ табурета и блѣдный, остановился [1 неразобр.].

Гость обнялъ его, и они крѣпко нѣсколько разъ поцѣловались. Оба были такъ сильно взволнованы, что они не могли ни минуты стоять на мѣстѣ, они чувствовали потребность ходить, дѣлать что-нибудь, говорить хоть вещи самыя глупыя, неинтересныя ни для того, ни для другаго.

Въ званіи романиста, обязаннаго рассказывать не только поступки своихъ героевъ, но и самыя сокровенныя мысли и побужденія ихъ, я скажу вамъ, читатель, что ни тотъ, ни другой не чувствовали ни малѣйшаго ни желанія, ни удовольствія обниматься и цѣловаться, но сдѣлали это именно потому, что находились въ положеніи напряженной безцѣльной дѣятельности, о которой я говорилъ, и потому, что они, встрѣчаясь въ первый разъ послѣ дружеской связи, соединившей ихъ 4 года тому назадъ, они, несмотря на сильное волненіе, чувствовали нѣкоторую неловкость и желали чѣмъ-нибудь прекратить ее. – Кто не испытывалъ подобнаго тройнаго смѣшаннаго чувства радости, безпокойства и замѣшательства при свиданіи съ людьми, которыхъ любишь: какъ-то хочется смотреть въ глаза другъ другу, и вмѣстѣ какъ будто совѣстно, хочется излить всю свою радость, а выходятъ какія-то странныя слова, – вопросы: «когда пріѣхалъ?» и «хороша-ли дорога?» и т. п. Только долго, долго послѣ первой минуты успокоишься такъ, что съумѣешь выразить свою радость и сказать вещи, которыя, Богъ знаетъ, почему, задерживаются и просятъ изъ глубины сердца. Такъ сдѣлалъ и Николинька. Онъ сначала спрашивалъ, не хочетъ ли обѣдать его другъ, останавливался-ли онъ въ городѣ, ходилъ большими шагами по комнатѣ, садился за рояль, тотчасъ-же вскакивалъ и опять ходилъ по

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
комнатъ, безпрестанно оглядываясь на гостя; наконецъ, онъ сталъ противъ него, положилъ ему руку на плечо и съ слезами на глазахъ сказалъ:

– Ты не повѣришь, Ламинскій, какъ я счастливъ, что тебя вижу.

Кто не слыхалъ въ нашъ вѣкъ остроумныхъ фразъ о устарѣлости чувства дружбы и шуточекъ надъ Касторомъ и Полюксомъ, и кто въ своей молодости не чувствовалъ страстнаго, необъяснимаго влеченія къ человѣку, съ которымъ не имѣлъ ничего общаго, кромѣ этаго чувства? Чему же вѣрить: фразамъ, или голосу сердца?

– Какимъ ты помѣщикомъ, – говорилъ Ламинскій, оглядывая съ головы до ногъ Николинку.

– А ты право выросъ, – говорилъ Николинка.

– Помнишь ты еще ту польку, подъ которую мы танцовали съ Варенькой? – спрашивалъ Ламинскій.

Николинка садился за рояль и игралъ эту польку.

Въ этомъ, безъ сомнѣнія, не выражается дружба, въ которую вы не хотите вѣрить, но ежели бы можно было выразить словами то, что они чувствовали, я бы сказалъ вамъ многое, и вы повѣрили бы. Мнѣ кажется, для этаго даже достаточно бы было взглянуть на лицо моего героя. Столько въ немъ было истинной радости и счастья. Даже съдой Фока, остановившись у притолки, съ почтительной, чуть замѣтной улыбкой одобренія смотрѣлъ на своего господина и думалъ съ сожалѣнiемъ: «такъ-то и князь, покойникъ, ихъ дѣдушка, любилъ гостей принимать. Только покойникъ важный былъ, а нашъ молодецъ еще, – не знаетъ порядковъ, какъ гостей угостить».

Пускай Фока судить по-своему; чистое и ясное чувство любви и радости, озаряющее душу Николинки, нисколько не померкнетъ отъ этаго.

–

Старый ломберный штучный столъ, съ желобками для бостонныхъ марокъ и съ латунюю по краямъ, былъ поставленъ и симметрично накрытъ фокою въ саду, подъ просвѣчивающею, колеблющеюся тѣнью темнозеленыхъ высокихъ липъ. Бѣлая старинная камчатная скатерть казалась еще бѣлье, форма старинныхъ круглыхъ ложекъ и выписанныхъ еще старымъ княземъ кiевскихъ тарелокъ еще красивѣе и стариннѣе, серебряная рѣзная кружка, въ которой было пиво, одна роскошь стола, которую позволялъ себѣ Николинка, еще отчетливѣе и почтеннѣе. Николинка до обѣда водилъ своего друга по всѣмъ своимъ заведенiямъ.

Конец 1-ой части.

[ВТОРАЯ ЧАСТЬ.]

Послѣ несвязной сцены перваго свиданья Николинка пригласилъ Ламинскаго пойдти по хозяйству.

Ламинскій зналъ моего героя студентомъ, добрымъ, благороднымъ ребенкомъ, съ тою милою особенностью, которую нельзя иначе выразить, какъ «enfant de bonne maison»;¹⁷ ему трудно было привыкнуть смотрѣть на него, какъ на хозяина, къ которому одному онъ прiѣхалъ. Мундиръ съ синимъ воротникомъ и парусинное пальто тоже большая разница. – Ламинскій все шутилъ. «Какимъ ты помѣщикомъ, – говорилъ онъ, покачивая головой, – точно настоящiй» и т. д.

Но когда они пришли въ школу, гдѣ собрались мальчики и дѣвочки для полученія наградъ, и Николинка, хотя съ застѣнчивостью, но съ благороднымъ достоинствомъ сталъ нѣкоторыхъ увѣчевать, а другихъ благодарить за хорошее ученiе и дарить приготовленными школьнымъ учителемъ, старымъ длинноносимъ музыкантомъ, волторнистомъ Данилой, пряниками, платками, шляпами и рубахами, онъ увидалъ его совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ. Одинъ изъ старшихъ учениковъ поднесъ Князю не въ счетъ ученiя написанную имъ пропись въ видѣ подарка. Отличнымъ почеркомъ было написано: «Героевъ могли призвести счастье и отважностей, но великихъ людей!».

Николинка поцѣловалъ мальчика, но, выходя, подозвалъ Данилу и кротко выговаривалъ ему за непослушанiе. Николинка самъ сочинялъ прописи, который могли понимать ученики (и изъ которыхъ нѣкоторыя вошли даже въ поговорку между

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
мальчишками, какъ-то: «за грамотнаго 2-хъ неграмотныхъ даютъ» и т. д.), но Данила отвѣчалъ:

– Я, Ваше Сіятельство, больше даль переписать насчетъ курсива руки прикащикьяго сына».

– Да вѣдь смысла нѣтъ, Данила, этакъ онъ привыкнетъ не понимать, что читаетъ, и тогда все ученье пропало.

– Помилуйте-съ.

Ужъ не разъ бывали такія стычки съ Данилой. Князь противъ тѣлеснаго наказанія, даже мальчикамъ, и одинъ разъ, разговаривая съ Данилой, увлекся такъ, объясняя ему планъ школы и послѣдствія, которыя онъ отъ нея ожидаетъ, что слѣзы выступили у него на глазахъ, и Данило, отвернувшись почтительно, обтеръ глаза обшлагомъ.

– А, все, Ваше Сіятельство, шпанскую мушку не мѣшаетъ поставить, коли лѣнится, – сказалъ онъ, подмигивая съ выразительнымъ жестомъ.

Выходя изъ школы, Ламинскій сдѣлалъ Николинкѣ нѣсколько вопросовъ, которые навели этаго на любимую тему, и онъ, наконецъ, сказалъ ему то же, что нынче утромъ сказалъ Чурису, т. е. что онъ посвятилъ свою жизнь для счастья мужиковъ. Ламинскій понялъ эти слова иначе, чѣмъ Чурисъ – они тронули его. Онъ зналъ откровенность, настойчивость и сердце Николинки, и передъ нимъ мгновенно открылась блестящая будущность Николинки, посвященная на добро, и добро, для котораго только нужно желать его дѣлать. – По крайней мѣрѣ такъ ему казалось, и поэтому-то онъ такъ сильно завидовалъ Николинкѣ, несмотря на то, что одного нынѣшняго утра достаточно бы было, чтобы навѣки разочаровать его отъ такого легкаго и пріятнаго способа дѣлать добро.

– Ты рѣшительно великій человекъ, Николинка, – сказалъ он – ты такъ хорошо умѣешь понять свое назначеніе и истинное счастье.

Николинка молчалъ и краснѣлъ.

– Зайдемъ въ больницу? – спросилъ онъ.

– Пожалуйста, все мнѣ покажи, – говорилъ Ламинскій съ открытой веселой улыбкой Николинкѣ, который большими шагами шель впереди его.

– Я понимаю теперь твое направленіе, и не можешь себѣ представить, какъ завидую тебѣ! Ахъ, ежели бы я могъ быть такъ же какъ ты, совершенно свободенъ, вѣрно, я не избралъ бы другой жизни. Что можетъ быть лучше твоего положенія: ты молодецъ, уменъ, свободенъ, обезпеченъ, и, главное, – добръ и благороденъ, – не такъ, какъ обыкновенно понимаютъ это слово, а какъ мы съ тобой его понимаемъ – и ты посвятилъ свою жизнь на то, чтобы завести такое хозяйство, какое должно быть, а не такое, какое завела рутина и невѣжество между нашими помѣщиками; и я увѣренъ, что ты успѣешь совершенно, что хозяйство твое будетъ примѣрное, что ты образуетъ своихъ крестьянъ, что ты пріобрѣтешь этимъ славу и счастье, которыхъ ты такъ достоинъ. Я ужасно тебѣ завидую. Ежели бы я былъ свободенъ...

– Да развѣ ты не свободенъ? – перебилъ Николинка, съ участіемъ вглядываясь въ одушевленное и грустное выраженіе лица своего друга. –

– А отецъ? – отвѣчалъ онъ скороговоркой, – вѣдь я еще ребенокъ, я ничего не имѣю. Мое назначеніе шляться по баламъ, дѣлать визиты и числиться въ какомъ-то Министерствѣ, въ которомъ я не умѣю, не хочу и не могу быть на что-нибудь полезенъ. Отецъ никакъ не хочетъ понять, что мы живемъ ужъ не въ его время, что меня не можетъ удовлетворить то, что удовлетворяло его, когда онъ былъ молодецъ, что я не могу жить безъ цѣли цѣлый вѣкъ. Положимъ, что меня никто не принуждаетъ увлекаться тѣмъ, чѣмъ я увлекаюсь, но это дѣлается невольно; дайте мнѣ свободу и самостоятельность, а не держите, какъ ребенка, и я бы, можетъ быть, могъ быть такимъ-же хорошимъ и полезнымъ человекомъ, какъ и ты.

Николинка молчалъ: ему пріятно было видѣть въ своемъ другѣ это жаркое сочувствіе къ избранной цѣли его жизни, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ зналъ, что это сочувствіе только минутное; онъ зналъ, что Ламинскій былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые влюбляются въ мысли такъ же, какъ другіе влюбляются въ женщинъ. Въ

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
первую минуту увлеченія они не только не сомневаются въ ея безусловной истинѣ, но и не воображаютъ возможности противорѣчія въ приложеніи ея. Они любятъ ее, какъ женщину, со слезами и полною вѣрою въ ея непогрѣшительность и такъ же, какъ женщинѣ, измѣняютъ ей для другой и отъ восторга вдругъ переходятъ къ равнодушію. Увлеченіе ихъ бываетъ такъ сильно, что не можетъ быть продолжительно, и такъ отвлеченно, что никогда оно не заставляетъ чѣмъ-нибудь положительнымъ жертвовать для него. – Такъ Ламинскій приходилъ въ искренній энтузіазмъ отъ каждой новой благородной мысли, которая съ дѣтства приходила въ его голову, а продолжалъ съ большимъ порядкомъ и успѣхомъ вести самую свѣтскую жизнь, противоположную всѣмъ тѣмъ мыслямъ, которыя приходили ему. Было ли это сомнѣніе въ своихъ силахъ, привычка къ разладицѣ между мыслями и поступками? Богъ знаетъ. Вѣрно только то, что это не было притворство, и Николинъка зналъ это.

II. ПРЕДИСЛОВІЕ НЕ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЯ, А ДЛЯ АВТОРА.

Главное основное чувство, которое будетъ руководить меня во всемъ этомъ романе, – любовь къ деревенской помещичьей жизни. – Сцены столичныя, губернскія и кавказскія всѣ должны быть проникнуты этимъ чувствомъ – тоской по этой жизни. Но прелесть деревенской жизни, которую я хочу описать, состоитъ не въ спокойствіи, не въ идилическихъ красотахъ, но въ прямой цѣли, которую она представляетъ, – посвятить жизнь свою добру, – и въ простоте, ясности ея.

Главная мысль сочиненія: счастье есть добродѣтель.

Юность чувствуетъ это бессознательно, но различныя страсти останавливаютъ ее въ стремленіи къ этой цѣли. И только опытъ, ошибки и несчастія заставляютъ, постигнувъ цѣль эту сознательно, единственно стремиться къ ней и быть счастливою, презирая зло и спокойно перенося его. На этомъ основаніи и романъ долженъ дѣлиться на 3 части. – Благородное, но неопытное увлеченіе юности, ошибки и увлеченіе страстями. Исправленіе и счастье. Побочныя мысли: главныя пружины человеческой дѣятельности 1) добрыя: а) добродѣтель, б) дружба, с) любовь къ искусствамъ; 2) злыя: а) тщеславіе, б) корысть, с) страсти: а') женщины, б') карты, с') вино.

(Отрицательная мысль: любовь, въ романахъ составляющая главную пружину жизни, въ действительности – послѣдняя).

П[обочная] м[ысль]: какъ трудно – делать добро и какъ его нужно делать.

Главныя лица.

1) Герой. Человекъ добрый, благородный и восприимчивый, увлекающійся всемъ и до того пылкой, что даже добрыя начала приносятъ вредъ ему.

2) Представит[ельница] добродетели и дружбы (ея прошедшее) старая дева, тетка его невесты (представительницы любви ко всему изящному и первая любовь его).

3) Его невеста.

4) Представитель тщеславія помѣщикъ (неразобр.).18

5) Представитель любви къ изящ[ному] и дружбы, тщеславія Костинъ[ка].

6) Предст[авитель] корысти помѣщикъ Тартюфъ19 (Воейковъ).

7) Пред[ставитель] корысти молодой чиновникъ, хочетъ жениться на его невѣстѣ.

8) представ[итель] страстей деревенскій (Воейковъ).

9) представ[итель] стра[стей] горо[дской] Озеровъ.

10) представ[ительницы] тщеславія его тетушка городская и ея сестра.

Обѣдня въ троицынъ день. Знакомство съ20 Воейков[ымъ].

Описаніе к[нязя], обходъ деревни. Пріѣздъ21 к.

Знакомство съ Предвод[ителемъ]. Тяжба.

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
Тетка его невесты не понимает немного насмшливаго, хотя и добродушнаго, взгляда молодежи на чувства и боится за любовь своей племянницы. –

Полагая найти мудрость въ совѣтахъ стариковъ–мужиковъ, онъ ошибается. Мудрость ихъ можетъ быть ошутительна только въ постоянномъ сожитіи, такъ какъ она состоитъ единственно въ хладнокровіи, безстрастіи.

Первая страница рукописи «предисловія не для читателя, а для автора».

Размер подлинника.

III. * [ВАРИАНТ ПЕРВЫХ ГЛАВ ПЕРВОЙ РЕДАКЦИИ «РОМАНА РУССКОГО ПОМЕЩИКА».]

Глава 1. Деревенская церковь.

Съ семи часовъ утра слышался благовѣсть съ ветхой колокольни Николакочаковскаго прихода, и пестрыя веселыя толпы народа по проселочнымъ дорогамъ и сырымъ тропинкамъ, вьющимся между влажными отъ росы хлѣбомъ и травомъ, приближались къ церкви.

Пономарь пересталъ звонить и, вперивъ старческій, равнодушный взоръ въ пестрыя группы бабъ, дѣтей, стариковъ, столпившихся на кладбищѣ и паперти, прислѣлъ на заросшую могилку. Отецъ Поликарпъ, отвѣчая поднятіемъ шляпы на почтительные поклоны разступавшихся прихожанъ, прошелъ въ церковь; народъ вслѣдъ за нимъ, набожно кланяясь и крестясь, сталъ проходить въ середнія двери. – Съдой, горбатый дьячокъ пронесъ въ алтарь кофейникъ съ водой и кадило, высокій бѣлоголовый мужикъ, постукивая гвоздями огромныхъ сапоговъ и запахивая новый армякъ, вышелъ изъ толпы и, встряхивая волосами, съ свѣчкой подошелъ къ иконѣ, грудной ребенокъ заплакалъ на рукахъ у убаюкивающей его молодой крестьянки, въ алтарь послышался мѣрный, изрѣдка возвышающійся голосъ отца Поликарпа, читающаго молитвы, молодой безбородой крестьянскій парень вдругъ быстро сталъ креститься и кланяться въ поясъ. –

Начались часы. –

Отставной священникъ, дряхлый Отецъ Пимень, въ старомъ плисовомъ подрясникѣ, слѣпой Тихонъ въ желтомъ фризовомъ сюртукѣ, бывшій княжеской дворецкой бѣлый, какъ луны, Григорій Михайлычъ въ палевыхъ короткихъ панталонахъ и синемъ фракѣ; всѣ стояли на своихъ обычныхъ мѣстахъ въ алтарь и у боковыхъ дверей.. На правый клиросъ прошли сборные пѣвчіе. Толстый бабуринскій прикащикъ въ глянцовитомъ сюртукѣ и голубыхъ шароварахъ, его братъ золотарь Митинька, рыжій дворникъ съ большой дороги, Телятинской буфетчикъ и два мальчика въ длинныхъ нанковыхъ сюртукахъ – сыновья Отца Поликарпа, прокашливались и перешептывались на клиросѣ. –

Передъ концомъ часовъ толпа заколебалась около дверей, и изъ за торопливо и почтительно сторонившихся мужичковъ показался высокій лакей въ нанковомъ сюртукѣ, который, лѣвой рукой поддерживая женскій салопъ, правой толкалъ тѣхъ, которые не успѣвали дать ему дорогу. За лакеемъ шли господа: Телятинской помѣщикъ Александръ Сергѣевичъ Облесковъ, дочь его 12-ти лѣтняя румяная дѣвочка въ пуколькахъ, панталончикахъ и козловыхъ башмачкахъ со скрипомъ и жена его – высокая, худая и блѣдная женщина съ добрымъ выраженіемъ лица, <ежели бы къ нему не присоединялось выраженіе какой-то апатіи и бессмысленности>. Александръ Сергѣичъ былъ человекъ, на видъ, лѣтъ 30 (хотя ему было гораздо больше), немного ниже средняго роста, тучный, полнокровный и довольно свѣжий. – Лицо его было одно изъ тѣхъ лицъ, которыя кажутся эффектными изъ далека, но которыхъ выраженіе трудно разобрать подъ украшеніями, покрывающими ихъ. Высокій и широкой галстухъ съ пряжкой назади скрывалъ его шею, часть подбородка и скуль, черноватые бакенбарды, доходившіе отъ зачесанныхъ до самыхъ бровей и загнутыхъ маслянныхъ висковъ до краевъ рта, закрывали его щеки, а золотые очки съ 4 синими стеклами скрывали совершенно его глаза и переносицу. Открытыя же части его фізіогноміи: высокій, гладкій и широкой лобъ, небольшой правильный носъ съ крѣпкими ноздрями и крошечный какъ будто усиленно сложенный ротикъ съ красными тонкими губами, носящими почему-то особенное выраженіе губъ человека, только что обрившаго усы – были не лишены пріятности.

Александръ Сергѣевичъ, оставивъ жену и дочь около амвона, скромной, но и не лишенной достоинства походочкой, прошелъ въ алтарь и, поклонившись священнику, сталъ около двери. – Часы кончились, и уже много пятаковъ и грошей изъ узелковъ

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
въ клетчатыхъ платкахъ и мошонъ перешло въ потертый коммодъ, изъ котораго съдой отставной солдатъ выдавалъ свѣчи; и свѣчи эти вмѣстѣ съ теплыми молитвами простодушныхъ подателей уже давно свѣтились передъ иконами Николая Чудотворца и Богоматери, а обѣдня все не начиналась. Отецъ Поликарпъ ожидалъ молодаго Красногорскаго помѣщика – Князя Нехлюдова. (Онъ привыкъ ожидать его батюшку и еще стараго князя и княгиню, поэтому не могъ допустить, чтобы красногорскій помѣщикъ, самый значительный помѣщикъ въ его приходѣ, могъ дожидаться, или опоздать.) Горбатый Дьячокъ, уже нѣсколько разъ выходившій на паперть посмотреть, не ѣдетъ-ли вѣнская голубая коляска, въ которой онъ полвѣка привыкъ видѣть Красногорскихъ Князей, снова продрался сквозь толпу и, защитивъ рукою глаза отъ яркаго Юньскаго солнца, устремилъ взоръ на большую дорогу.

– Началась обѣдня? – спросилъ его молодой человекъ въ круглой сѣрой шляпѣ и парусинномъ пальто, скорыми шагами, подходившій къ церкви.

– Нѣтъ, батюшка ваше сіятельство, все васъ поджидали, – отвѣчалъ Дьячокъ, давая ему дорогу.

– Вѣдь я просилъ Батюшку никогда не дожидаться, – сказалъ онъ краснѣя, и пройдя въ боковыя двери, сталъ сзади клироса. Вслѣдъ затѣмъ послышался благовѣстъ, и Дьяконъ въ стихарѣ вышелъ на амвонъ.

Началась обѣдня.

<Глава 2. Молодой князь.>

Молодой князь стоялъ совершенно прямо, внимательно слѣдилъ за службой, крестился во всю грудь и набожно преклонялъ голову. –

Все это онъ дѣлалъ даже съ нѣкоторою аффектаціею; казалось, что не чувство, а убѣжденіе руководило имъ. Когда бабуриной мужичокъ, не зная его, дотронулся до его плеча свѣчкой и просилъ его передать «Миколѣ», онъ съ видимымъ удовольствіемъ взялъ ее и, толкнувъ впереди стоящаго крестьянина, тоже сказалъ «Миколѣ».

Сборные пѣвчіе пѣли складно, голоса были хороши, но дребезжащій старческій голосъ стараго дьячка одиноко раздававшійся иногда на лѣвомъ клиросѣ какъ-то болѣе соответствовалъ спокойной прелести деревенской церкви, болѣе возбуждалъ отрадно согрѣвающее религиозное чувство. Къ причастію подошли 2 старушки и нѣсколько крестьянокъ съ грудными младенцами. Худощавый сгорбленный мужичокъ, помолившись передъ иконостасомъ, кланяясь и звоня колокольчикомъ, сталъ обходить прихожанъ, прося на Церковь Божію. Потомъ среди благоговѣйнаго молчанія, прерываемаго только пронзительнымъ плачемъ дѣтей и сдержаннымъ кашлемъ стариковъ, отдернулась завѣса, и Дьяконъ провозгласилъ священныя слова. Наконецъ Отецъ Поликарпъ благословилъ прихожанъ и вышелъ съ крестомъ изъ Царскихъ дверей.

Александръ Сергѣевичъ, пропустивъ впередъ себя жену и дочь, приблизился къ Священнику; люди значительные: прикащики, дворники, дворовые сдѣлали тоже, но Отецъ Поликарпъ обратился съ крестомъ къ молодому князю, который стоялъ сзади и который подъ обращенными на него со всѣхъ сторонъ любопытными взорами краснѣя, какъ виноватый, долженъ былъ выйдти впередъ и приложиться прежде всѣхъ. Торопливо отвѣтивъ на поздравленіе съ праздникомъ Священника и поклонившись Александръ Сергѣевичу, у котораго при этомъ несмотря на приветливую улыбку губы сдѣлались еще тонше, молодой человекъ, краснѣя еще больше, выбрался изъ церкви и, завернувъ за уголь, вышелъ въ маленькую часовню, построенную на кладбище.

Глава 2. Князь Дмитрій.

Красногорскій помѣщикъ Князь Нехлюдовъ, котораго знакомые звали еще M-r Dmitri, а родные просто Митя и Дмитрій, и котораго мы впредъ будемъ называть также, былъ третій сынъ извѣстнаго Князя Нехлюдова и Княгини Нехлюдовой, урожденной графини Бѣлорѣцкой. Княгиня умерла отъ родовъ дочери, меньшей сестры, Дмитрія, а старый князь пережилъ ее только 4 года, такъ что четверо дѣтей, изъ которыхъ старшему Николаю было тогда 9 лѣтъ, а дочери 5, и большое, но отягченное долгами имѣнье остались на рукахъ опекуновъ. Опекунами были: бывшій адъютантъ покойнаго Князя, отставной Штабъ-Ротмистръ Рыковъ, помѣщикъ Т-ой губерніи и Графиня Бѣлорѣцкая, вдова брата Княгини, искренній другъ покойнаго князя. Первый принялъ на себя управленіе дѣлами, вторая управленіе воспитаніемъ малолѣтнихъ. Но потому ли, что одно труднѣе другога, или потому что неодинаковыя чувства руководили опекунами, управленіе и воспитаніе шли не одинаково успешно. Черезъ 12 лѣтъ дѣти получили

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
прекрасное свѣтское и нравственное воспитаніе, и уменьшенное во время опеки изъ 3 до 2 тысячъ душъ растроенное имѣніе. Старшій братъ Николай, окончивъ кандидатомъ курсъ въ Московскомъ Университетѣ, поступилъ на службу въ Министерство Иностраннхъ Дѣлъ и, достигнувъ совершеннолѣтія, по совѣту родныхъ, принялъ отъ Г-на Рыкова опеку. Память отца, оказывавшаго доверенность Г-ну Рыкову, была достаточная причина для сына, чтобы безотчетно принять отъ него дѣла и дать ему отъ себя и братьевъ удостовѣреніе въ исправности и верности счетовъ, очевидно безчестныхъ. Князь Николай однако скоро почувствовалъ свою неспособность управлять разстроеными дѣлами, и побоявшись ответственности передъ братьями, предложилъ имъ съехаться въ Красныхъ Горкахъ и разделить именіе. Ваня, средній братъ, служившій на Кавказѣ, прислалъ доверенность Николаю и, полагаясь во всемъ на него, просилъ объ одномъ, чтобы сестре дать ровную часть именія, что точно также уже было решено между Николаемъ и Митей. Братья пріехали въ деревню, уравнили, какъ умели, 4 части, бросили жеребій, и Мите, который былъ еще въ третьемъ курсѣ Университета, достались Красныя Горки. Митя въ то время еще былъ очень, очень молодъ. Несмотря на выше обыкновенная, высокій ростъ, сильное сложеніе, и на выраженіе гордости и смелости въ походке, только издалека можно было принять его за взрослога человека, вглядевшись же ближе, сейчасъ видно было, что онъ еще совершенный ребенокъ. Это замѣтно было и по плоскости груди и по длинѣ рукъ и по слишкомъ неопредѣленнымъ очертаніямъ около глазъ и по свѣтлому пушку, покрывавшему его верхнюю губу и щеки, а въ особенности, по совершенно дѣтски-добродушной неутвердившейся улыбкѣ. Онъ былъ нехорошъ собой, но пріятный контуръ лица, открытый выгнутый надъ бровями лобъ и узкіе необыкновенно-блестящіе сѣрые глаза давали всей его физіогноміи, общій благородный характеръ ума и рѣшительности. Кромѣ того (несмотря на неряшливость и бѣдность, которыя онъ какъ будто любилъ или считалъ нужнымъ выказывать въ одеждѣ) въ выраженіи рта, въ изгибѣ спины, въ расположеніи волосъ и въ особенности въ прекрасной мужской рукѣ, было что-то изобличавшее въ немъ человека неспособнаго подчиняться чужому вліянію, а рожденнаго для того, чтобы оказывать его. Что же касается до его характера, то ежели бы я могъ описать его, мой романъ тутъ бы и кончился.

Глава 3-я. Его прошедшее.

Послѣ раздѣла князь Николай уѣхалъ въ Петербургъ, а Митя до конца ваканцій одинъ оставался въ деревнѣ, и вотъ отрывокъ письма, которое онъ за годъ передъ тѣмъ воскресеньемъ, съ котораго начинается нашъ разсказъ, писалъ въ Москву Графинѣ Бѣлозерской.

J'ai pris une résolution, qui doit décider de mon sort: je quitte l'université pour me vouer à la vie de campagne, pour laquelle je me sens fait. – Au nom du Ciel, chère maman, ne vous moquez pas de moi. Je suis jeune, peut-être qu'en effet je suis encore enfant; mais cela ne m'empêche de sentir ma vocation de vouloir faire le bien et de l'aimer.

Comme je vous l'ai déjà écrit, j'ai trouvé les affaires dans un état de délabrement impossible à décrire. En voulant y mettre de l'ordre j'ai trouvé que le mal principal était dans le misérable état des paysans et que l'unique moyen d'y remédier était le tems et la patience <terrible misère dans laquelle se trouvent des paysans> et <que pour y remédier au mal il n'y a pas d'autres moyens, que> du tems et du travail.

Si vous aviez pu voir seulement давидка Козель et Иванъ Бѣлый – deux de mes paysans – et la vie qu'ils mènent avec leurs familles je suis sûr que la vue seule de ces deux malheureux vous aurait mieux convaincu que tout ce que je pourrai dire pour vous expliquer ma résolution. N'est-ce pas mon devoir le plus sacré que de travailler au bonheur de ces 700 personnes, dont je dois être responsable devant Dieu? N'est-ce pas une horreur, que d'abandonner ces pauvres et honnêtes gens aux fripons d'Управляющіе et старосты, pour des plans de plaisir ou d'ambition? Si je continue mes études, si je prends du service comme Nicolas, si même avec le tems (je que vous faites des plans d'ambition pour moi) j'occupe une place marquante, de quoi cela m'avancera-t-il? Les affaires dérangés à présent sans ma présence se dérangeront à un tel point, que peut être je serais obligé de perdre Красныя Горки, qui nous sont à tous tellement chers, ma vocation manquée, je ne pourrais jamais être bon à rien et toute ma vie je ne cesserai de me reprocher d'avoir été la cause du malheur de mes sujets. Tandis que si je reste à la campagne, avec de la persévérance et du travail, j'espère bientôt payer mes dettes, devenir indépendant, peut-être servir aux élections et le principal, faire le bonheur de mes paysans et le mien. Et pourquoi chercher

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
ailleurs l'occasion d'être utile et de faire du bien, quand j'ai devant moi une
carrière si belle et si noble.

Je me sens capable d'être un bon хозяинъ (c'est à dire d'être le bienfaiteur de
mes paysans) et pour l'être je n'ai besoin ni du diplôme de candidat, ni des
rangs, que vous désirez tant pour moi. Chère maman! cessez de faire pour moi des
plans d'ambition, habituez-vous à l'idée que j'ai choisi un chemin
extraordinaire; mais qui est bon et qui, je le sens, me menera au bonheur.

Ne montrez point cette lettre à Nicolas, je crains son persif-flage et vous
savez qu'il a pris l'habitude de me dominer et moi celle de l'être. Pour Jean je
sais, que s'il ne m'approuve, du moins il me comprendra...22

«Я принялъ рѣшеніе, отъ котораго должна зависѣть участь моей жизни: я выхожу изъ
Университета, чтобы посвятить себя жизни въ деревнѣ, потому что чувствую, что
рожденъ для нея. Ради Бога, милая маман, не смѣйтесь надо мной. Я молодъ, можетъ
быть точно, я еще ребенокъ; но это не мѣшаетъ мнѣ чувствовать мое призваніе,
желать дѣлать добро и любить его.

Какъ я вамъ писалъ уже, я нашель дѣла въ неописанномъ разстройствѣ. Желая ихъ
привести въ порядокъ и вникнувъ въ нихъ, я нашель, что главное зло заключается
въ самомъ жалкомъ бѣдственномъ положеніи мужиковъ, и зло такое, которое можно
исправить только трудомъ и терпѣніемъ. Ежели-бы вы только могли видѣть двухъ
моихъ мужиковъ: Давыда и Ивана и жизнь, которую они ведутъ съ своими
семействами, я увѣренъ, что одинъ видъ этихъ двухъ несчастныхъ убѣдилъ-бы васъ
больше, чѣмъ все то, что я могу сказать вамъ, чтобы объяснить мое намѣреніе.

Не моя ли священная и прямая обязанность заботиться для счастья этихъ 700
человѣкъ, за которыхъ я долженъ буду отвѣчать Богу. Не подлость-ли покидать ихъ
на произволь грубыхъ старостъ и управляющихъ изъ-за плановъ наслажденія или
честолюбія. И зачѣмъ искать въ другой сферѣ случаевъ быть полезнымъ и дѣлать
добро, когда мнѣ открывается такая блестящая, благородная карьера. Я чувствую
себя способнымъ быть хорошимъ хозяиномъ; а для того, чтобы быть хозяиномъ, какъ
я разумю это слово, не нужно ни кандидатскаго диплома, ни чиновъ, которые вы
такъ желаете для меня. Милая маман, не дѣлайте за меня честолюбивыхъ плановъ,
привыкните къ мысли, что я пошелъ по совершенно особенной дорогѣ, но которая
хороша и, я чувствую, приведетъ меня къ счастью. Не показывайте письма этаго
Николинькѣ, я боюсь его насмѣшекъ: онъ привыкъ первенствовать надо мной, а я
привыкъ подчиняться ему. Ваня, ежели и не одобритъ мое намѣреніе, то пойметъ
его».

«Ta lettre, cher Dmitri, ne m'a rien prouvé si ce n'est ton excellent coeur,
chose dont je n'ai jamais douté, – писала ему Графиня Бѣлорѣцкая. – Mais, mon
cher, les bonnes qualités nous font dans la vie plus de tort, que les mauvaises.
Je ne compte point influencer ta conduite, te dire, que tu fais des
extravagances, que ta conduite m'afflige, mais je tacherai de te convaincre.
Raisonnons, mon ami. Tu dis que tu te sens de la vocation pour la vie de
campagne, que tu veux faire le bonheur de tes sujets et que tu espères devenir
un bon хозяинъ. 1-mo il faut que je te dise: qu'on ne sent sa véritable
vocation, qu'après l'avoir manquée; 2-do qu'il est plus facile de faire son
propre bonheur que celui des autres et 3-ю, que pour être un bon хозяинъ, il
faut être <raisonnable> froid et sévère, ce que tu ne pourras jamais être. Tu
crois tes raisonnements peremptoires et ce qui plus et tu veux les prendre pour
régies de conduite; mais à mon âge, mon ami, on ne croit qu'à l'expérience: et
l'expérience me dit que ton projet n'est qu'un enfantillage. Je frise la
cinquantaine, j'ai connu dans ma vie beaucoup de gens de mérite et cependant
jamais je n'ai entendu parler d'un jeune homme bien né et de capacités, qui de
gaieté de coeur s'allât enterrer à la campagne sous prétexte de faire du bien.
Vous avez toujours affecté d'être original, tandis que votre originalité n'est
qu'un excès d'amour propre. Hé! mon cher, suivez les chemins battus; ce sont
ceux dans lesquels on réussit et il faut réussir pour acquérir les moyens de
faire du bien. La misère de quelques paysans est un mal indispensable, ou un mal
auquel il est possible de remédier sans oublier tous ses devoirs, envers l'état,
ses parents et soi même.

Avec ton esprit, ton coeur et ton enthousiasme pour la vertu il n'y a point de
carrière dans laquelle tu ne réussisses; mais choisis en au moins une qui te
vaille et qui te fasse honneur. Je te crois sincère, quand tu dis que tu n'as

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
point d'ambition; mais tu te trompes, mon ami: tu en a plus que tout autre. A ton âge et avec tes moyens l'ambition est une vertu et n'est plus qu'un travers et un ridicule quand on n'est plus en état de la satisfaire. – Tu l'éprouveras si tu persiste dans ta résolution. –

Adieu, cher Dmitri, il me parait, que je t'aime encore plus pour ton projet qui, quoiqu'extravagant, est noble et généreux. Tu n'as qu'à faire selon ta volonté; mais, je t'avoue que je ne l'approuve pas».23

«Твое письмо, милый Дмитрій, ничего мнѣ не доказало, кромѣ того, что у тебя прекрасное сердце, въ чемъ я никогда не сомнѣвалась. – Но, милый другъ, наши добрыя качества больше вредятъ намъ въ жизни, чѣмъ дурныя. Я не хочу руководить твоими поступками – не стану говорить тебѣ, что ты дѣлаешь глупость, что поведете твое огорчаетъ меня, но постараюсь подѣйствовать на тебя однимъ убѣжденіемъ. Будемъ разсуждать, мой другъ. Ты говоришь, что чувствуешь призваніе къ деревенской жизни, что хочешь сдѣлать счастье своихъ подданныхъ, и что надѣишься быть добрымъ хозяиномъ. 1-го, я должна сказать тебѣ, что мы чувствуемъ свое призваніе только тогда, когда ошибемся въ немъ; 2-го, что легче сдѣлать собственное счастье, чѣмъ счастье другихъ и 3-о, что для того, чтобы быть добрымъ хозяиномъ, нужно быть холоднымъ и строгимъ, чѣмъ ты никогда не будешь. Ты считаешь свои разсужденія непреложными, и даже принимаешь ихъ за правила въ жизни; но въ мои лѣта, мой другъ, не вѣрятъ въ разсужденія, а вѣрятъ только въ опытъ; а опытъ говоритъ мнѣ, что твои планы – ребячество. Мнѣ уже подѣ 50, и я много знавала достойныхъ людей; но никогда не слыхивала, чтобы молодой человекъ съ именемъ и способностями, подѣ предлогомъ дѣлать добро, зарылся въ деревнѣ. Ты всегда хотѣлъ казаться оригиналомъ; а твоя оригинальность ничто иное, какъ излишнее самолюбіе. И! мой другъ, выбирай лучше торныя дорожки; онѣ ближе ведутъ къ успѣху, а успѣхъ необходимъ, чтобы имѣть возможность дѣлать добро. –

Нищета нѣсколькихъ крестьянъ есть зло необходимое, или такое зло, которому можно помочь, не забывая всѣхъ своихъ обязанностей къ государству, къ своимъ роднымъ и къ самому себѣ. Съ твоимъ умомъ, твоимъ сердцемъ и любовью къ добродѣтели нѣтъ карьеры, въ которой бы ты не имѣлъ успѣха, но выбирай по крайней мѣрѣ такую, которая бы тебя стоила и сдѣлала бы тебѣ честь. –

Я вѣрю въ твою искренность, когда ты говоришь, что у тебя нѣтъ честолюбія; но ты самъ обманываешь себя. Честолюбіе добродѣтель въ твои лѣта и съ твоими средствами, но она дѣлается недостаткомъ и пошлостью, когда человекъ уже не въ состояніи удовлетворить ему. И ты испытываешь это, ежели не изменишь своему намѣренію. Прощай, милый Митя, мнѣ кажется, что я тебя люблю еще больше за твой несообразный, но благородный и великодушный планъ. Дѣлай какъ знаешь, но признаюсь, не могу согласиться съ тобой».

Митя вышелъ из Университета и остался въ деревнѣ.

Глава 4-я. Ближайшій сосѣдъ.

Помолившись надѣ прахомъ отца и матери, вмѣстѣ похороненныхъ въ часовнѣ, Митя вышелъ изъ нея и задумчиво направился къ дому; но, не пройдя еще кладбища, онъ столкнулся съ семействомъ Телятинскаго помѣщика.

– А мы вотъ отдавали визитъ дорогимъ могилкамъ, съ привѣтливой улыбкой сказали ему Александръ Сергѣичъ. Вы вѣрно тоже были у своихъ, Князь?

Но на Князя, находившагося еще подѣ вліяніемъ искренняго чувства, испытаннаго въ часовнѣ, повидимому непріятно подействовала шуточка сосѣда; онъ, не отвѣчая, сухо взглянулъ на него.

– Признаюсь вамъ, Князь, – продолжалъ Александръ Сергѣичъ, пріятнымъ, вкрадчивымъ голосомъ, – въ нашъ вѣкъ такъ рѣдко видишь въ молодыхъ людяхъ это похвальное религіозное чувство, что особенно бываетъ пріятно встрѣчать...

– Извините, Князь, что я васъ задерживаю, – прибавилъ онъ, замѣтивъ, что Митя хотѣлъ раскланяться съ нимъ, – у меня до васъ есть нижайшая просьба... Изволите видѣть, когда я еще весной утруждалъ васъ своимъ посѣщеніемъ, я имѣлъ въ виду переговорить съ вами объ этомъ обстоятельстве; но ваша любезность заставила меня тогда совершенно забыть о дѣлѣ, да притомъ, сознаюсь вамъ, Князь, я надѣялся, что вы не пренебрежете мной и что удостоите посѣтить и мой скромный домикъ, – сказала, необыкновенно тонко складывая свои крошечныя губы.

– Я очень виноватъ передъ вами, – сказала Митя краснея, – но повѣрьте, что это произошло нисколько не отъ пренебреженія, я, напротивъ, очень благодаренъ за честь, которую вы мнѣ сдѣлали; но откровенно скажу вамъ, что, живя въ деревнѣ и занимаясь хозяйствомъ, я взялъ себѣ за правило избѣгать всѣхъ, даже пріятныхъ знакомствъ.

– Помилуйте, князь, я и не смѣю претендовать, очень хорошо понимая, какъ много много трудовъ у васъ должно быть теперь по хозяйству. Имѣнье ваше, Князь, действительно золотое дно, но между нами, во время опеки оно сильно поразстроилось. Я, какъ ближайшій сосѣдъ, могу судить объ этомъ. Не знаю, какъ теперь, но прежде не только запасовъ, но повѣрите-ли, Князь, – съ сладкой улыбочкой сказалъ Александръ Сергѣичъ, – у меня мелкопомѣстнаго сколько разъ брали на обмененіе и теперь еще есть за вашей экономіей.– Въдѣ не акты же совершать – взаимныя одолженія!

– Сдѣлайте одолженіе, я вовсе не къ тому говорю, – продолжалъ онъ, перебывая Князя, хотѣвшаго сказать что-то, – вы извольте спросить своего прикащика; но главное, усердные трудолюбцы наши – мужички, откровенно скажу, раззорены были у васъ, Князь; а это главное, главное...

– Итакъ, – продолжалъ Александръ Сергѣичъ, придавая своему лицу вдругъ дѣловое выраженіе, – нижайшая просьба, съ которой я обращаюсь къ вамъ, относится къ церковному дѣлу. Извольте видѣть, Князь, ежели вы потрудитесь бросить на него внимательный взглядъ, общій нашъ деревенскій храмъ годъ отъ году приходитъ въ большую ветхость и упадокъ, такъ что не только чувству больно смотрѣть на это разрушеніе, но разрушеніе это представляетъ даже нѣкоторую опасность для прихожанъ. Во избѣжаніе такого несчастья, я, какъ постояннейшій посѣтитель здѣшней Церкви, позволилъ себѣ обратить вниманіе нашихъ прихожанъ на это обстоятельство, и предложить имъ содействовать общими силами, не употребляя на это церковныхъ суммъ, которыя у насъ слишкомъ незначительны, и всѣ наши дворяне, принявъ мое предложеніе и принеся посильныя лепты на общее душеспасительное дѣло, удостоили меня быть сборщикомъ и возобновителемъ нашего храма. Поэтому надѣюсь, что и вы, Князь, какъ главный нашъ помѣщикъ, не откажете содействовать общему душеспасительному дѣлу.

– Какже-съ я очень радъ, – сказалъ Митя. – И непременно подпишу то, что въ состояніи...

– Истинная жалость, – продолжалъ Александръ Сергѣичъ тѣмъ же пѣвучимъ голосомъ, – допустить до разрушенія этотъ скромный домъ Божій, въ которомъ силшкомъ сто лѣтъ приносились теплыя молитвы Всевышнему. Не такъ-ли. Князь? Согласитесь, что единственная радость и утѣшеніе для всѣхъ этихъ трудолюбцовъ, – сказалъ онъ, указывая на крестьянъ выходившихъ изъ церкви, – составляетъ религія и Церковь, и повѣрьте, что ежели бы не это чувство руководило мной, я никогда не взялъ бы на себя такую хлопотливую обязанность.

<Съ праздникомъ Христовымъ, батюшка Александръ Сергѣичъ, – сказалъ въ это время невысокій, плотный мужичокъ въ синемъ армякѣ и поярковой шляпѣ, которую онъ ловко снялъ, проходя мимо разговаривающихъ.

– Извольте знать этаго молодца? – сказалъ Александръ Сергѣичъ, обращаясь къ князю. – Это банкиръ нашъ – я всегда его такъ называю – дворникъ съ большой дороги.

– Къ несчастію знаю и даже на дняхъ подалъ на него прошеніе.

– Ахъ какъ это непріятно. Вѣрно по случаю этой гнусной ссоры съ вашими крестьянами, какъ это непріятно!

– Напротивъ, я очень радъ, что имѣю случай разъ навсегда избавить здѣшній край отъ этаго вреднаго чловѣка.

– Да-съ это совершенная правда; но извините меня, Князь, – съ этими людьми трудно, да и какъ то... глу... непріятно судиться. – Вотъ вамъ отецъ Петра Николаича Болхова умѣлъ съ ними ладить, разспросить, дознается, призоветъ къ себѣ, да и расправится съ нимъ въ 4-хъ стѣнахъ безъ свидѣтелей. И прекрасно!>.24

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой to1stoy1eo.ru

– Однако, не смѣю задерживать васъ долѣе, – сказалъ онъ, посмотрѣвъ на жену, которая съ покорнымъ выраженіемъ лица стояла около экипажа. – Позвольте надѣяться, что до пріятнаго свиданія.

–

IV. ХАРАКТЕРЫ И ЛИЦА.

Командиръ части – хорошій человекъ.

Капитанъ Бѣлоноговъ уже 4 года командуетъ батареей. Онъ высокъ ростомъ, толстъ, потень, черты лица его грубоправильны, но залиты какимъ-то пьянымъ и нечистоплотнымъ жиромъ. Руки его велики, пухлы, но чрезвычайно хороши, хотя вѣчно грязны: не только ногти и пальцы, но даже мякоть. Волоса его густы, русы, сальны безъ сала и кольцообразно лежатъ на вискахъ и на поднятомъ хохлѣ. Голосъ громокъ, звученъ и имѣетъ почти всегда какое-то повелѣвающее, даже ссорющееся, выраженіе. (Я просто скажу, что Бѣлоноговъ сильно Андрей Ильинъ, но для другихъ я долженъ объяснить еще, что такое Андрей Ильинъ? Андрей Ильичъ управляющій, его идеаль – исправникъ, и онъ въ достиженіи его дошелъ до того, что его принимаютъ иногда за помѣщика, иногда за отставнаго поручика. Андрей Ильичъ у-у-у-мный человекъ; голова. Одно – пѣть. Онъ мастеръ ходить по судамъ, ему доставляло большое удовольствіе запутать ясное дѣло, глубокомысленно потолковать съ секретаремъ о смыслѣ 365 статьи, напиться чаю или мадеры съ столоначальникомъ и верхъ наслажденія предоставить подарочекъ такому лицу; которому не каждый съумѣетъ предоставить. – За то ужъ когда онъ запѣетъ – бѣда! Онъ раздѣвается до гола и отправляет[ся] – зимой или лѣтомъ все равно – въ одну извѣстную клумбу въ саду, ложится тамъ на животъ и плачетъ; потомъ приходитъ домой, просить, покупаетъ или крадетъ водку, пыхтитъ, багровѣетъ, бранитъ свою жену и дочь, которыя считаютъ его геніальнѣйшимъ человекомъ и боятся безъ памяти, и снова уходить въ клумбу. Такъ проходятъ недѣля, иногда двѣ – Андрей Ильичъ больнъ. – Выздоровливая, онъ становится смиренъ, просить у всѣхъ прощенія; а потомъ вдругъ переходитъ къ нормальному, самодовольному и самоувѣренному состоянію. Въ дѣлахъ по хозяйству помещика, семейныхъ и общечеловѣческихъ Андрей Ильичъ въ сущности мотъ, деспотъ, жестокъ и вообще большой подлець, но онъ добръ и уменъ. Онъ такъ сильно убѣжденъ въ томъ, что онъ умнѣйшій человекъ, что ему и въ мысль никогда не приходитъ укорять себя въ чемъ [бы] то ни было. Онъ такъ часто увѣряетъ другихъ въ своей высокой добродетели, что самъ иногда отъ души вѣритъ въ нее. Онъ никогда не видитъ полученной услуги, во всѣхъ же своихъ дѣйствіяхъ видитъ безвозмездныя благодѣянія, за которыя онъ не думаетъ и не хочетъ получать благодарности, которой по его мнѣнію нѣтъ въ людяхъ. Андрей Ильичъ поетъ горловымъ басомъ, но съ такой самоувѣренностью, что многіе убеждены, что действительно всегда такъ надо петь. Андрей Ильичъ любитъ пышность и такъ называемый русской разгуль, но вместе съ тѣмъ онъ считаетъ себя тонкимъ знатокомъ московской политики, которую, по его мнѣнію, сейчасъ можно отличить отъ Тульской). Бѣлоноговъ говоритъ хорошимъ русскимъ языкомъ – иногда только запинаясь и то тогда, когда ему слишкомъ захочется вернуть любимое словечко, какъ напримеръ, перстъ, теплое чувство и т. д. <Вообще въ его разговорѣ сильно отзываются фельетоны русскихъ газетъ, те же – самоуверенность, красота[?] дурнаго вкуса и грязность. – Разговоръ его былъ бы пріятенъ, ежели бы не былъ слишкомъ гибокъ: заметно, какъ онъ, смотря по противоречіямъ и выраженіямъ, которыя ему встречаются, измѣняетъ самую мысль.> И часто громко смеется – своему смѣху. – Онъ нечистоплотенъ до последней крайности и безъ малейшаго сознанія.

Онъ служилъ когда-то въ штабахъ, писалъ бумажки и, какъ целый известный классъ у насъ въ Россіи людей средняго образованія, гордится и счастливъ темъ, что мастеръ сочинить тонкую канальскую бумажку. – Меньшой братъ его, человекъ въ его же родѣ, старшій адъютантъ, и когда они сходятся, разговоръ ихъ сейчасъ же принимаетъ видъ форменной переписки.

– Ужъ ты мнѣ не говори, братюга, – говоритъ старшій братъ, – чтобъ Начальникъ Девизіи могъ изменять распоряженія начальника Артиллеріи.

– Да ужъ я тебе говорю, что можетъ: на это законъ. – Онъ подписываетъ мнѣ, положимъ, 3-ю легкую отправить на поправку, а 7-ю легкую оставить на позиціи, я и пишу ему: «На основаніи предписанія В[ашего] П[ревосходительств]а имѣю честь донести, что такъ какъ 7-я легкая находясь тамъ то, сдѣлавъ такіе то и такіе то походы, пришла въ разстройство, а 3-я легкая находилась на мѣсте, я предписалъ во исполненіе предписанія В[ашего] П[ревосходительств]а 4-ой легкой заступить мѣсто 7-ой легкой, а 3-й легкой остаться на прежней позиціи». Номеръ и число и

баста.

– Хорошо я пишу, – говорит старшій братъ, – что «такъ какъ Вашему Превосходительству неизвѣстны распредѣленія артиллеріи, то и считаю неумѣстнымъ вмѣшательство Вашего Превосходительства и предлагаю исполнить въ точности предписаніе отъ такого числа за № такимъ то». Ну, что ты говоришь?

– Да такъ. Ну ты, вѣдь уже все говоришь по своему –

– Да такъ, – говорит старшій братъ и, нахмуривая брови, съ самодовольнымъ смѣхомъ и стуча по столу, говоритъ: – а ежели ты предписаніе мое не исполнишь, то пишу... И снова, не запинаясь, диктуетъ выговоръ. Не былъ, братецъ, и не служилъ въ штабѣ. Коли Старшій А[дъютантъ] не дуракъ, такъ Н[ачальникъ] Д[ивизіи] пѣшка. Младшій братъ стучитъ кулакомъ по столу и диктуетъ еще бумагу. И такъ продолжается разговоръ часа 2, до тѣхъ поръ, пока оба брата вспотѣютъ и охрипнутъ. –

Бѣлоноговъ любитъ Царя и Россію, но страннымъ образомъ: онъ безъ слезъ не можетъ говорить о Царскомъ смотрѣ и юбилеѣ Михаила Павловича и Исакиевскомъ Соборѣ, но солдать и мужикъ въ его глазахъ скоть, презрѣнное созданіе. Онъ честенъ, не затаитъ чужихъ денегъ, не будетъ унижаться ни передъ кѣмъ, но братъ съ казны все, что можетъ, и сносить всякаго рода оскорбленія отъ старшаго онъ считаетъ своей обязанностью. Онъ хорошій семьянинъ, любитъ свою жену и дѣтей, но «ужь нѣтъ», и онъ ударяетъ кулакомъ по столу – «мужъ глава, и юбки молчи». Онъ любитъ выказывать себя: всякую услугу онъ дѣлаетъ съ эффектомъ и даже обязанность свою, пріятную для другихъ, выполняетъ какъ благодѣяніе. Онъ хочетъ казаться человѣкомъ, подъ личиной грубости и сальности скрывающимъ высокія чувства патріотизма, молодечества и умъ, тогда какъ онъ въ самомъ дѣлѣ не добродѣтеленъ, не патріотъ, не молодецъ и недалекаго ума, а просто грубъ и сальнъ. У него ноги немного иксомъ и сапоги всегда стоптаны, но онъ любитъ казаться русскимъ молодцомъ, встряхивающимъ русыми кудрями, и передъ фронтомъ глаза у него разгораются, и походка дѣлается гордая. Онъ забылъ все, что зналъ, и, какъ человѣкъ съ умомъ изворотливымъ, доказываетъ бесполезность образованія, однако говоритъ «коклеты» и «палталоны» и огорчился бы очень, ежели бы ему сказали, что говорятъ «панталоны». Онъ считаетъ обязанностью братъ съ лошадей и едва ли удерживается отъ пользованія съ людей, но считаетъ это дурнымъ и стыдится того, ежели и дѣлаетъ. Съ людьми онъ не жестокъ, но считаетъ жестокость достоинствомъ: всписать 300 – лихо. Съ офицерами онъ снисходителенъ, слабъ, но грубъ до крайности. Его правило общежитія – считать себя выше всѣхъ. – Въ немъ есть и рыцарство: онъ сочувствуетъ угнетеннымъ и противится угнетателю, но перваго онъ оскорбляетъ своимъ сочувствіемъ, передъ вторымъ изобличаетъ свою слабость – раздрожительностью. – Онъ каждый день пьянъ къ вечеру, но тепель [?], откровененъ, ребячливъ, за то утромъ шалѣетъ и боится своего накануне. Никто не можетъ любить его очень, но это одинъ изъ тѣхъ характеровъ, отъ которыхъ мало [?] требуютъ и которыми всѣ довольны. Его любятъ – онъ офицеръ хорошій.

–

Комментарии М. Я. Цявловского

«УТРО ПОМЕЩИКА».

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ «РОМАНА РУССКОГО ПОМЕЩИКА».

Судя по записямъ в Дневнике и Записной книжке, «Роману русского помещика» Толстой придавалъ исключительное значение. По замыслу автора, это должно было быть произведение съ содержаниемъ большой социальной значимости, такъ какъ в немъ Толстой хотѣлъ выразить свои взгляды на коренной вопросъ того времени, крепостное право, на взаимоотношенія крестьянъ и помещиковъ. Замыселъ «романа» занималъ Толстого в течение не менее пяти летъ (1852–1857 гг.), и такъ и остался неосуществленнымъ: напечатанный в «Отечественныхъ запискахъ» отрывокъ подъ заглавіемъ «Утро помещика» – лишь небольшая часть задуманнаго целого, дающая о немъ довольно слабое представление.

Прежде всего необходимо остановиться на томъ значеніи слова «романъ», какое ему придавалъ Толстой. Слово это у него имело совсемъ не тотъ смыслъ, какой мы привыкли вкладывать в него. В языкѣ Толстого (по крайней мерѣ в 1850–1860-х годах) слово «романъ» означало большое (в отличіе отъ «повести», произведения меньшаго размера) произведение повествовательнаго рода, причемъ любовная интрига не только не обязательна для «романа», но и отсутствуетъ в немъ. «Романъ» в этомъ пониманіи –

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
«история жизни», «история», но отнюдь не «любовная». Что именно в этом смысле употреблял Толстой слово «роман», явствует из таких, например, строк письма Толстого к Некрасову (от 18 ноября 1852 г.): «с крайним неудовольствием прочел я в IX № «Современника» повесть²⁵ под заглавием «История моего детства» и узнал в ней роман²⁶ «Детство», которое я послал вам».

Чрезвычайно также любопытна в этом отношении запись в Дневнике от 19 марта 1865 г.: «Я зачитался историей Наполеона и Александра. Сейчас меня облаком радости и сознания возможности сделать великую вещь охватила мысль написать психологическую историю романа Александра и Наполеона. Вся подлость, вся фраза, всё безумие, всё противоречие людей их окружавших и их самих». «Психологическая история романа Александра и Наполеона», это, конечно, характеристика их в широком биографическом плане.

В одном месте (впоследствии исключенном) первой редакции «Романа русского помещика» автор нарочно предупреждает читателя, что в «романе» о «любви нет, да, кажется, и не будет ни слова». ²⁷

Итак, в названии «Роман русского помещика» слово «роман» можно «перевести», как «история душевного и умственного развития». Возможно, что записи в Дневнике от 10 мая: «Завтра принимаюсь за «Детство» и может быть за новый роман» и от 14 июня 1852 г. «Завтра... пишу утром «Детство» и вечером новое» уже имеют в виду «Роман русского помещика». Впервые это произведение названо в записи от 18 июля: «Обдумываю план Русского помещичьего романа с целью». Слово «цель» очевидно нужно понимать как «тенденция», «направление». Следующая запись от 3 августа определяет идею задуманного романа: «В романе своем я изложу зло правления Р[усского] и ежели найду его удовлетворительным, то посвящу остальную жизнь на составление плана аристократического избирательного, соединенного с монархическим, управления на основании существующих выборов. Вот цель для добродетельной жизни. Благодарю тебе, Господи, дай еще силы».

Записи от 11, 18 и 19 августа говорят об «обдумывании плана романа». Через месяц, 19 сентября, такая запись: «План м[оего] р[омана], кажется, достаточно созрел. Ежели теперь я не примусь за него, то, значит, я неисправимо ленив». Возможно, что и запись от 22 сентября имеет в виду этот же роман: «Перед тем, как я задумал писать, мне пришло в голову еще условие красоты, о которой я и думал – резкость, ясность характеров».

О начале самого писания под 23 сентября читаем: «...обдумывал план романа и начал писать его. Надо сделать усилие над ленью и завтра – дурно ли, хорошо – писать».

Усилие было сделано, и работа без значительных перебоев продолжалась в течение двух месяцев. О ней говорят тридцать две записи в Дневнике за это время, начинающиеся записью от 24 сентября: «Писал лениво и, хотя не слишком скверно, но насколько хуже того, как я думал! Нет сходства. Надо писать и писать. Одно средство выработать манеру и слог». Через день (26 сентября): «... написал листа 11/2 и порядочно, но отступление». На следующий (27 сентября) день: «В числе вопросов, которые я стараюсь решить в моем романе, вопрос об оскорблениях занимает и сильно затрудняет меня. Или я слишком горд, или действительно я был слаб в тех случаях, только когда я вспоминаю о них, я чувствую что-то в роде раскаяния».

Сохранившиеся рукописи романа не уясняют этой не очень понятной записи. Вероятно, намеченная здесь тема не нашла полного отражения в рукописном тексте, а может быть здесь имеются в виду сцены со Шкаликом. ²⁸

После глухих отметок о «писании» романа под 28 и 30 сентября, идет запись от 1 октября: «Отпустил Шкалика порядочно. Ежели я каждый день буду писать постольку, то в год напишу хороший роман». «Отпустил» – термин канцелярского языка и означает «написал начерно». «Шкалик» – действующее лицо и название 2-й главы первой редакции. На следующий (2 октября) день: «Написал пол-листа хорошо». От 3 октября: «Ничего не написал, а задумался над заключением романа». На следующий (4 октября) день: «Разрешал вопрос о заключении романа. После описи имения, неудачной службы в столице, полуувлечения светскостью, желанья найти подругу²⁹ и разочарования в выборах сестра Сухонина³⁰ остановит его. Он поймет, что увлечения его (не дурны), но вредны, что можно делать добро и быть счастливым, перенося зло».

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
«Сухонина» или «Сухотина» несомненно какое-то реальное лицо, но кто именно, остается неизвестным. Сухониной мы среди знакомых Толстого не знаем, у Сухотиных же Федора, Сергея, Михаила и Александра Михайловичей, хороших знакомых Льва Николаевича, сестры не было.

5 октября в Дневнике признание: «Ничего не написал. Мне кажется, что я здесь на Кавказе не в состоянии описать крестьянский быт. Это смущает меня». И на следующий (6 октября) день: «Писать не принимаю серьезно. Нет уверенности». Но неуверенность была преодолена, и 8 октября в дневнике записано: «написал 11/2 листа. Надо навсегда отбросить мысль писать без поправок. 3, 4 раза это еще мало». Затем в записях замечания: «писал довольно легко и хорошо» (9-го), «писал хорошо» (18-го) перемежаются с признаниями: «принимался писать, но нейдет» (12-го), «немного написал» (15-го), «с утра принялся было писать, но бросил» (17-го). Работа приостанавливается, происходят «заминки» в творческом процессе, и, как это часто бывало у Толстого, творчество сменяется рассуждением, теоретизированием, сочинением «плана». Под 19 октября в Дневнике читаем: «Простота есть главное условие красоты моральной. Чтобы читатели сочувствовали герою, нужно, чтобы они узнавали в нем столько же свои слабости, сколько и добродетели; добродетели возможные, слабости необходимые... Мысль романа счастлива. – Он может быть не совершенство, но он всегда будет полезной и доброй книгой. Поэтому надо за ним работать и работать не переставая... Основание «Романа русского помещика»: 1) Герой ищет осуществление идеала счастья и справедливости в деревенском быту. Не находя его, он, разочарованный, хочет искать его в семейном. Друг его, она, наводит его на мысль, что счастье состоит не в идеале, а в постоянном жизненном труде, имеющем целью – счастье других. – 2) Любви нет; есть плотская потребность сообщения и разумная потребность в подруге жизни».

Намеченный этой записью план романа весьма сходен с планом, написанным 4 октября: здесь и там разочарование героя в устройстве крестьянского быта и обретение «идеала счастья и справедливости в семейном быту», причем в обоих «планах» большую роль играет «подруга жизни».

После записи от 19 октября снова идет ряд записей (20, 21, 22, 23, 24, 25, 27, 28, 29, 31 октября и 1, 8, 14 ноября), кратко отмечающих или работу над романом («Много писал, 3 целых листа31 довольно хорошо» – 20-го; «писал мало, 3/4 листа» – 21-го; «написал два листа нехорошо» – 22-го; «написал пол-листа» – 24-го; «написал 1/4 листа» – 25-го; «писал очень мало» – 28-го; «вчера и нынче писал немного» – 31-го; «утром писал порядочно» – 14-го) или «заминку» в работе («целый день не писал» – 23-го; «ничего не писал» – 27 и 29 октября и 1 ноября; «открыл тетрадь, но ничего не написал» – 8-го).

Ряд этих записей замыкается записью от 17 ноября, как бы подводящей итоги проделанной работе: «писал немного. Всё, что написано, слишком небрежно подмалевано, много придется переделывать».

После этого наступает период в пять с лишним недель, когда снова работа над романом сменяется рассуждениями о нем.

Под 29 ноября в Дневнике записано: «Примусь за отделку «описания войны и за «Отрочество». Книга пойдет своим чередом».32

Об этом же на следующий (30 ноября) день: «Завтра утром примусь... за «Отрочество», которое окончательно решил продолжать. 4 эпохи жизни составят мой33 роман до Тифлиса. Я могу писать про него, потому что он далек от меня. И как роман человека умного, чувствительного и заблудившегося, он будет поучителен, хотя не догматический. Роман же русского помещика будет догматический. Я начинаю жалеть, что отстал от одиночества: оно очень сладко. Влияние брата было очень полезно для меня, теперь же скорее вредно, отучая меня от деятельности и обдуманности. Всё к лучшему. Это так ясно в моей жизни. Боже великий, благодарю Тебя. Не оставь меня».

Итак, задуманы две автобиографии в разных планах. Первая, в четырех частях («4 эпохи жизни»), это чисто художественная автобиография, «мой роман» – «роман не догматический», по определению Толстого, другая – «Роман русского помещика» – «роман догматический», т. е. идеологический, учительный, «полезная и добрая книга» (зап. от 19 октября).

Первый роман Толстой «может писать, потому что он далек» от него. Он его и

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru написал, хотя не в четырех, а в трех частях («Детство», «Отрочество» и «Юность»), из второго – он не был «далек» – написал лишь начало («Утро помещика»).

В неотправленном письме к брату Сергею Николаевичу 10 декабря Толстой писал: «Я начал новый серьезный и полезный, по моим понятиям, роман, на который намерен употребить много времени и все свои способности. Я принялся за него с таким чувством, с которым я в детстве принимался рисовать картинку, говоря, что эту картинку я буду рисовать три месяца. Не знаю, постигнет ли роман участь картинки; но дело в том, что я ничего так не боюсь, как сделаться журналистом писакой».

На другой (11 декабря) день в Дневнике такая запись: «Решительно совестно заниматься такими глупостями, как мои рассказы, когда у меня начата такая чудная вещь, как «Роман русского помещика». Зачем деньги, дурацкая литературная известность. Лучше с убеждением и увлечением писать хорошую и полезную вещь. За такой работой никогда не устанешь. А когда кончу – только была бы жизнь и добродетель – дело найдется».

Но несмотря на эти замечания, самое писание не спорилось. В дневнике от 14 декабря «заказ»: «завтра усердно буду продолжать роман», но дальнейшие записи молчат о писании, а под 27 декабря читаем: «стал было писать Р[оман]... писал стихи. Идет довольно легко. Я думаю, что это мне будет очень полезно для образования слога». На этом обрываются и записи о романе, и самая работа над ним. Плодом трехмесячной (с перерывами) работы (с конца сентября по конец декабря 1852 г.) является сохранившаяся полностью рукопись, описанная ниже под № 1. Она дает первый вариант первой редакции романа. Текст ее печатается нами полностью. 34

Записью под 27 декабря обрываются в Дневнике записи о романе почти на целых восемь месяцев. Возобновляются они 16 августа 1853 г., когда записано: «вечером Роман», т. е. «завтра вечером надо писать роман». Но это предписание не выполнено, и под 26 августа находим признание: „Решился бросить [«Отрочество»] и продолжать Роман. После обеда [завтра] – Роман. Жалко бросить «Отрочество»“. Работа над «Отрочеством» продолжается, и 30 августа записано: «всё не остается время для романа».

Писание романа на этот раз так и не продвинулось. Через месяц (28 сентября) запись: «Перечитывал свой роман Валерьяну. 35 Решительно всё надо изменить, но самая мысль всегда останется необыкновенною».

Мысль о том, что «Роман русского помещика» должен быть важнейшим делом, не покидает Толстого в ближайшие месяцы. В особой тетради «Правил и предположений», датированной октябрем 1853 – январем 1854 г.³⁶ под пунктом вторым раздела «Правила практические» значится: «Не начинать ни нового писания, ни нового сочинения, не окончив старого, исключая Романа Русского Помещика». А в разделе «Предположения» под пунктом девятым стоит: «Написать Роман Русского Помещика».

Согласно этим предписаниям, несмотря на то, что писание оставлено, накопление материала и обдумывание плана романа продолжают. Под 31 октября записана такая «мысль» для романа: «Бывают лица, к числу которых принадлежит и мое, и каким я хочу выставить героя «Романа Русского Помещика», которые чувствуют, что они должны казаться гордыми, и чем более стараются выказать на своем лице выражение равнодушия, тем более кажутся надменными».

Через месяц решение снова приступить к работе. 2 декабря записано: «по вечерам буду письменно составлять план большого романа и набрасывать некоторые сцены из него». В этой записи слово «письменно» указывает, повидимому, на то, что в последнее время шло «про себя» обдумывание романа. Об этом и говорит запись от 20 декабря: «Одно, чем, как мне кажется, вознаградилось месячное бездействие, в котором я нахожусь, это тем, что план Романа Русского Помещика ясно обозначился. Прежде предугадывая богатство содержания и красоту мысли, я писал наудачу. Не знал, что выбирать из толпы мыслей и картин, относящихся к этому».

Через день (22 декабря) приступ к работе. В Дневнике записано: «Утром писал предисловие романа». Предисловие это сохранилось. В сущности только первый абзац его написан в стиле «предисловий», весь же остальной текст это еще только материал для предисловия: тут и схема плана, устанавливающая три части романа, и

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
перечисление «главных пружин человеческой деятельности», и список «главных лиц» романа, с указанием их прототипов, и отдельные «темы», которые предполагается ввести в роман.³⁷

С конца декабря 1853 г. по 12 января 1854 г. в Дневнике находим девять записей, говорящих о работе над романом, которая теперь состояла в переработке написанного в 1852 г. Работа в это время заключалась в том, что написанный текст не просто исправлялся, сокращался и дополнялся в имевшейся рукописи (рук. № 1), а заново, так сказать, «творчески переписывался», т. е. текст первого варианта первой редакции брался за основу и радикально изменялся.

Записи начинаются 28 декабря: «нынче писал утром «Роман Русского Помещика», хотя и мало, но хорошо». 31 декабря: «Вчера писал утром «Роман Русского Помещика»... Нынче писал утром «Роман Русского Помещика». Манера, принятая мною с самого начала – писать маленькими главами, самая удобная. Каждая глава должна выражать одну только мысль или одно только чувство». В отличие от первого варианта, где текст не разделен на главы, текст второго варианта имеет главы. Об этом и говорит запись от 31 декабря. 2 января 1854 г.: «Писал целое утро 3-ю главу Его прошедшее, кажется, хорошо, по крайней мере писал с увлечением».

На основании этой записи ясно, что предшествующие записи (28 и 31 декабря) говорят о переработке первых двух глав. На другой (3 января) день: «Предположено было писать утром «Роман Русского Помещика», что и исполнил, хотя мало». Под этим же числом записана такая «тема» для романа: «Добрая любящая женщина старого века, не понимая немного насмешливого взгляда молодежи на чувства, боится потерять их любовь и оскорбляется их холодностью». Несколько в иной редакции эта «тема» внесена в «Предисловие» романа.³⁸

4 января: «Всё утро писал «Роман Русского Помещика», но так мало и неудовлетворительно, что продолжал с сумерек до ужина, но только сделал вымарки.... Разговор с Воейковым не дается мне». 5 января: «Не только утро, но и после обеда усердно бился над 4 главой и только при огне написал ее, хотя и не остался совершенно доволен».

Сильно исчерканная рукопись 4 главы показывает, как действительно «бился» над ней Толстой: отдельные места главы имеют по три варианта. 6 января: «Утром «Роман Русского Помещика». Выписывал утром из старой тетради 5 главу «Ивана Чуриуса», но под предлогом холода ленился». Под этим же числом «тема»: «бесстрастие», т. е. всегда одинаковый, хладнокровный взгляд составляет мудрость стариков». В несколько иной редакции эта тема внесена в «Предисловие».³⁹

8 января: «Утром «Роман Русского Помещика». Писанье не шло как-то. Нужно следовать правилу исключать не прибавляя».

Ряд записей заключают две глухие: от 10 января: «Утром «Роман Русского Помещика»» и 12 января: „Утром гулять и «Роман Русского Помещика»“.

На этом обрываются записи, на этом же кончилась и переработка первых глав. Работа декабря 1853 – января 1854 г. сохранилась полностью. Это – рукопись, описанная ниже под № 3 и содержащая второй вариант первых глав первой редакции романа. Она печатается нами полностью.⁴⁰

Начавшаяся переработка была оставлена надолго. Только под 11 ноября 1856 г. мы находим запись, говорящую о новом (на этот раз последнем) приступе к работе над «Романом русского помещика». За те два года и десять месяцев, которые отделяют эту запись от записи 12 января 1854 г., мысль о романе не покидала Толстого. Так, 23 июня 1854 г. он записывает: „Всё еще не знаю, за что приняться, и поэтому ничего не делаю. Кажется, что лучше всего работать за «Романом Русского Помещика»“. Пожелание это так и осталось лишь пожеланием: по крайней мере дневник за это время молчит о работе над романом. Через семь месяцев (16 февраля 1855 г.) запись: «Начал писать характеры, и кажется, что эта мысль очень хороша и как мысль и как практика».

Речь идет несомненно о сохранившейся в архиве Толстого рукописи, озаглавленной «Характеры и лица и кой-что к «Роману Русского помещика»».⁴¹ В дневнике за 1855 г. есть еще одна запись о романе. Запись эта, сделанная в Севастополе, относится к 1 августа: «Сегодня разговор с Столыпиным⁴² о рабстве в России. Мне еще яснее, чем прежде, пришла мысль сделать мои четыре эпохи истории Русского помещика, и

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
сам я буду этим героем в Хабаровке. Главная мысль романа должна быть
невозможность жизни правильного помещика образованного нашего века с рабством.
Все нищеты его должны быть выставлены и средства исправить указаны».

Во время пребывания Толстого в Петербурге по приезде из Севастополя (21 ноября 1855 г.) он, познакомившись с редактором-издателем «Отечественных записок» А. А. Краевским, обещал ему отдать в журнал еще далеко не оконченный «Роман русского помещика», но скоро спохватился и перед отъездом в отпуск в Москву 31 декабря 1855 года писал: «Я немного увлекся желанием сделать Вам приятное, Милостивый Государь, Андрей Александрович, сказав в последний раз, что я был у Вас. что я обещаю в Ваш журнал и в нынешнем году «Роман Русского Пом.». Роман этот еще далеко не кончен и не отделан; поэтому ежели Вы будете в числе Ваших сотрудников поминать меня, то пожалуйста не называйте именно что я обещал. В том же, что к февралю или Марту я непременно доставлю Вам статью. Вы можете быть уверены».43 Однако, ни к февралю, ни к марту 1856 г. «статья» не только не была представлена, но и не писалась. Лишь в записи от 8 июня находим такое замечание: «Передумал кое-что дельно из романа помещика. Кажется я за него примусь», и на следующий (9 июня) день: «Всё обдумывается роман помещика».44 Об этом обдумывании свидетельствуют записи в Записной книжке. Первая из них (9 июня) такая: «Помещик хочет найти в девушке, которая ему нравится, опору в своих честных планах, она как будто извиняет ему эту слабость ума и сердца, за его другие хорошие качества». Вторая под тем же числом: «К «Роману Русского Помещика». Как ему сначала всё показалось трудно, потом немного омерзительно, потом приятно, легко вследствие будто одоленных трудностей, а потом невозможно». Третья (12 июня) не помечена, как относящаяся к «Роману русского помещика», но, вероятно, может быть рассматриваема в качестве таковой. Запись такая: «Расстроенный неудачами, гадостями в деле хозяйства, молодой помещик идет без цели бродить по лесу. День прелестный. Вдруг слышит, хрустит в кусте и белеется. «Кто там?» молчат. Он открыл куст, и там крестьянская прелестная девушка, со слезами от страха на глазах стоит, не двигается и пробует улыбаться. Молодой помещик невольно хочет подойти, девушка бежит. «Куда? Чего боишься?» Он бежит за ней как будто с досадой: «всё равно поймаю». Он поймал ее».

Как уже сказано, с 11 ноября 1856 г. начинаются записи, говорящие о последней переделке произведения, давшей печатный текст «Утра помещика». Под 11 ноября в Дневнике записано: „Завтра в Штаб приготовить для переписки «Роман Русского Помещика““, т. е. приготовить текст «Романа русского помещика» для переписки его писарем из Штаба. Писарю Лев Николаевич для первых глав дал рукопись второго варианта первых глав, т. е. ту рукопись, которая получилась в результате работы в декабре 1853 – январе 1854 г. (рукопись № 3 нашего описания), а для дальнейшего текста (с главы о Чурисе, т. е. II главы печатного текста «Утра помещика») рукопись № 1.

Работа писаря сохранилась почти полностью. Это рукопись, описанная ниже под № 4. В рукописи, сделанной писарем, Толстой существенно изменил текст: выбросил первые две главы,45 зачеркнул заглавие 3-й главы «Его прошедшее», всё произведение назвал было «Роман русского помещика», но потом зачеркнул слова «Роман русского», а слово «помещика» переделал в «Помещик», прибавив подзаголовок «Отрывок», выбросил 4-ю главу «Ближайший сосед»,46 разделил всё произведение на главы (без названий), выправил стилистически текст, кончая XII главой (печатной редакции), написал заново XIII и XIV главы и сделал ряд изменений в последующих.

В результате этой работы получился текст, который нужно считать второй редакцией «Романа русского помещика», или, иначе, первым вариантом текста «Утра помещика».

Об этой работе и говорят ноябрьские (1856 г.) записи в Дневнике. За приведенной записью от 11 ноября идет запись от 13 ноября: «Перечел переписанный «Роман Русского Помещика». Может выйти хорошая вещь». Под «переписанным» «Романом Русского Помещика» можно разуметь или писарскую копию (конечно еще не всю), или рукопись № 3, на обложке которой рукой Толстого значится: „Переписанный «Роман Русского Помещика““.

16 ноября: «обещал Краевскому», т. е. обещал Краевскому в ближайшие дни доставить рукопись.

На следующий (17 ноября) день: «С утра переправлял «Роман Русского Помещика». Растянуто жестоко».

18 ноября: «... поехал к [вас. Петр.] Боткину обедать. Читал «Роман Русского Помещика». Он дал хорошие советы, говорит – порядочно». На следующий (19 ноября) день: „С утра ленился приняться. Немного написал «Роман Русского Помещика»“. 21 ноября: «Прочел «Роман Русского Помещика». Решительно плохо, но напечатаю. Надо вымарывать». 23 ноября: «поправил немного.... поправлял». В этот же день в письме к В. В. Арсеньевой: «Я обещал... Краевскому в «Отеч. Зап.», и надо написать это к 1-му декабря... Краевскому нейдет на лад; я написал, но сам недоволен, чувствую, что надо переделать, некогда и не в духе; а всё-таки работаю» (подлинник в АТ). На следующий (24 ноября) день: «Переправил довольно много».

К этому времени (не ранее 25 октября и не позднее 24 ноября 1856 г.) нужно отнести и заметки в Записной книжке: «К «Роману Русского Помещика». Он мечтает о счастье семейном, жена в белом капоте, потом едет трепаться по Русской жизни». «К «Роману Русского Помещика». Мудреного переменить и Чуриса рассказ о одиночестве уничтожить. Якова совет на поселенье Дав[ыдку]. Уничтожить отцы матери в Чурисе. Описание лица Чуриса уничтожить».

26 ноября: „диктовал «У[тро] П[омещика]»“. В этой записи впервые произведение так названо. На следующий (27 ноября) день: „Окончил «Утро П[омещика]»“. 29 ноября: „Пропустил и не помню, что делал. Корректуры немного. Да, кончил «Утро Помещика» и сам отвез к Краевскому. Дудышкин и Гончаров слегка похвалили «Утро Помещика»“.

Весь декабрь, когда набиралось и печаталось в «Отечественных записках» «Утро помещика», Толстой прожил в Петербурге, почему и держал свои корректуры.⁴⁷ При корректурной правке текст снова подвергался стилистической отделке, что видно из сравнения печатного текста с текстом рукописи № 4.

Таким образом, печатный текст «Утра помещика» является вторым вариантом текста этого произведения. Вышла в свет 12-я (декабрьская) книжка «Отечественных записок» с «Утром помещика», подписанным: «Граф Л. Н. Толстой», не позднее декабря 1856 г., так как 3–8 января 1857 г. В. П. Боткин писал Тургеневу из Петербурга: «Утро помещика», напечатанное в декабрьской книжке «Отечественных записок», впечатления не произвело».

К тексту «Утра помещика» в «Отечественных записках» Толстой больше не возвращался, почему нами и печатается этот журнальный текст с введением в него одной конъектуры:

Стр. 135, строка 8 св. – рожает – вместо: рождает. Рожает взято изрук. № 4.

В заключение нужно отметить, что и после появления в печати «Утра Помещика» Толстой не оставлял мысли о романе. По крайней мере в Записной книжке есть две заметки, обозначенные „К «Роману Русского помещика»“. Обе они, как и многие в Записной книжке, не поддаются объяснению. Первая из них сделана за границей в Кларане 12/24 мая 1857 г.: «Старик от демонстрации разнюнится. К «Роману Русского Помещика» чтоб старик раззорился». Вторая датируется между 8 и 17 августа 1857 г.: «К «Роману Русского Помещика». От скуки однообразия думал: вот прибежит человек, что выскочил из земли такой».

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ, ОТНОСЯЩИХСЯ К «РОМАНУ РУССКОГО ПОМЕЩИКА» («УТРО ПОМЕЩИКА»). 1 (Папка VI, I, 10, 2). Рукопись первой редакции «Романа русского помещика». Автограф Толстого. Пятьдесят полулистов белой писчей бумаги (без водяных знаков), согнутых пополам и двух отдельных четвертушек, сшитых (через край белыми нитками) и составляющих всего сто два (ненумерованных) листа в 4° (204 страницы). Заключена в обложку, на которой рукой Толстого написано: «Черновой – Ром. Р. П.». На другой обложке рукой неизвестного: «Романъ Русскаго помѣщика № XVI». Чернила рыжеватые, часто расплывавшиеся при писании. Текст рукописи испещрен поправками и местами с трудом поддается дешифровке.

Из этой рукописи впервые было нами напечатано в кн. «Л. Толстой. Избранные произведения. Редакция, вступительная статья и комментарии М. А. Цявловского» в серии «Русские и мировые классики под общей редакцией А. В. Луначарского и Н. К. Пиксанова». Изд. Гиза. М. 1927. Первые шесть глав (стр. 23–46) и конец со слов: «Съдой княжескій слуга» (стр. 46–54).⁴⁸ В настоящем издании текст рукописи печатается полностью. Рукопись начинается: «Глава 1. Обѣдня. Съ 7 часовъ утра...».

2 (п. VI, I, 10, 2). Рукопись предисловия к «Роману русского помещика». Автограф Толстого. Один полулист, согнутый пополам (4 страницы в 4°). Заглавие: «Предисловіе не для читателя, а для автора». Исписаны три первых страницы; на четвертой – рисунки: мужская голова в короне и две фигуры, сложенные из камней домино. Текст предисловия впервые напечатан нами в названном издании избранных сочинений Толстого (стр. 21–23).

3 (п. VI, I, 10, 3). Рукопись второго варианта первой редакции первых глав «Романа русского помещика». Автограф Толстого. Пачка из восьми полулистов белой писчей бумаги (без водяных знаков), согнутых пополам, и пяти отдельных четвертушек, составляющих всего двадцать один лист в 4° (42 стр.). На обложке, пришитой белыми нитками, рукой Толстого написано: «Переписанный Ром. Русс. Помѣщика». Рукопись начинается: «Глава 1. Деревенская церковь. Съ семи часовъ утра...» Текст рукописи печатается в настоящем издании впервые.

4 (п. VI, I, 10, 1). Рукопись второй редакции «Романа русского помещика» (первый вариант «Утра помещика»). Листы, форматом в лист, согнутые пополам и отдельные полулисты – всего шестьдесят два полулиста (124 страницы). Первые двадцать два листа (44 страницы) номерованы (карандашом, рукой неизвестного) через страницу (т. е. номерованы каждые две страницы), а следующие сорок страниц – по листам (т. е. один номер на четыре страницы).

Рукопись без начала и начинается словами: «<той> N-ской Губерніи и Графиня». На верху первой страницы, справа рукой неизвестного карандашом: «Въ 1 отдѣл. круглѣмъ цицеро. Корректуру къ г. Дудышкину». Наверху на первой странице слева: «Помѣщикъ. (Отрывокъ)».

Эти пометы, а также разметка с фамилиями наборщиков указывают на то, что с этой рукописи производился набор для «Отечественных записок». Рукопись написана писарским почерком, грамотно, лишь с небольшим количеством орфографических ошибок. Текст, написанный писарем, представляет собою копию текста рукописи № 2 (с главы 2-й «Князь Дмитрий»), затем копию текста рукописи № 1, текст, написанный под диктовку Толстого и им самим.

По тексту, написанному писарем, Толстым сделаны многочисленные изменения⁴⁹.

5 (п. VI, I, 10, 4). Рукопись «Характеры и лица». Автограф Толстого. Два полулиста, согнутые пополам (8 страниц в 4°). Заключена в обложку, на которой рукой неизвестного: «№ 15-й. Характеры и лица и кой-что къ роману Р. П.». На первой странице приклеен ярлык, на котором рукой неизвестного: «№ 5. Характеры и лица и кой-что к роману Р. П.». Текст рукописи печатается в настоящем издании впервые.

Все перечисленные рукописи хранятся в архиве Толстого во Всесоюзной библиотеке им. В. И. Ленина.

–

СЛОВАРЬ ТРУДНЫХ ДЛЯ ПОНИМАНИЯ СЛОВ. [50]

Амбразура – отверстие в бруствере или крепостного вала для помещения дула орудия.

Анна – орден св. Анны 2 степени, который носили на шее.

Банкетный огонь – стрельба из ружей с банкетов (см. след.).

Банкет – приступок у крепостного вала или бруствера для стрельбы из ружей.

Бастион – особого устройства пятистороннее оборонительное укрепление, состоящее из двух фасов, двух флангов и горжи (передние и боковые стенки и тыльная часть).

Батальный огонь – открытая пальба пехоты.

Блиндаж – постройка в укреплениях для охраны от снарядов людей, не принимающих в данное время участия в бою, сделанная из бревен, фашин (пучков или плетенок из

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
хвороста) и земли.

Бомбардир – старший из канониров (рядовые в артиллерии в прежнее время).

Бон – заграждение в бухте из бревен, цепей или канатов. В Севастополе было два таких бона от Николаевской батареи к мысу на половине расстояния между Константиновской и Михайловской батареями; кроме того было два заграждения из затопленных кораблей – одно ближе к выходу в море, сделанное в сентябре 1854 г., и другое, сделанное позже, в феврале 1855 г.

Бостонные марки – расчетные марки при игре в «бостон».

Бруствер – заградительный от выстрелов неприятеля вал укрепления.

Ва-банк – в карточной игре банк ставка, равняющаяся всему банку.

Васясо – быстрое, скороговорочное произношение обращения «Ваше сиятельство».

Венгерская медаль – медаль за участие в войне имп. Николая I против революции в Венгрии в 1849 г.

Венская коляска – легкая коляска, сделанная по образцу вырабатываемых в Вене.

Верки – отдельные части ограды укрепления.

Владимир – орден св. Владимира. «Ежели не выйдет майора то Владимира наверно», т. е. если не получу майора, – первый штабфицерский чин, – то орден Владимира 4 степени наверно.

Волоковое оконце – маленькое задвижное оконце в избах, в которое также выволакивает дым в курных избах; окно со ставнями, красное. Встарь избы в деревнях располагались уступами, по ступенчатой черте, так, чтобы в боковое волоковое окно каждый хозяин мог наблюдать за своими воротами и видеть, кто стучится, а также мог глядеть вдоль всей улицы в городскую сторону, оберегая всё селение.

Волчье оконце – небольшое окно в избе, выходящее не на улицу, то же, что «волчий глазок» в двери.

Вощина – сотовый воск, по стечению с него меда или по вытопке меда.

Георгий – Георгиевский крест – военный орден св. Георгия, учрежденный 25 ноября 1769 г. для награждения военных заслуг. Простонародное произношение – Егорий.

Герардовские избы – избы, выстроенные по типу, изобретенному известным в свое время сельским хозяином Ант. Ив. Герардом (ум. 1830 г.).

Гладух – толстяк, дебелий.

Горжа – тыльная часть укрепления.

Дворник – содержатель постоянного двора.

Демонтирование – сбивание неприятельских орудий прицельными выстрелами.

Депозитка или депозитный билет – бумажный денежный знак, который выдавался банном за взносы звонкою монетой. Впоследствии заменены кредитными.

Донское – донское вино.

Егорий. См. Георгий.

Егерский – принадлежащий к егерским, т. е. стрелковым полкам.

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
Единобог – особый вид крепостного и полевого орудия.

Жид – слово, вышедшее из употребления в русском языке около 1860 – 1870 гг., название еврея, до сих пор сохранившееся у всех славянских народов (польское *żyd*, чешское *žid*, сербское жид, украинское жид), иудей, израильтянин. В ответе на письмо М. Г. Рабкина Толстой говорит: «Слово жид, *Juif*, *Jude*, *Jew* не имеет по существу никакого иного значения, как определение национальности, как француз и т. п. Если же слово это, к сожалению, получило в последнее время какое-то оскорбительное значение, то мною ни в каком случае не могло быть употребляемо в этом значении» (2 янв. 1910 г.).

Занавеска – длинный женский передник.

Золотая сабля – сабля с золотым эфесом и надписью «за храбрость», почетная награда за боевые заслуги.

Играть большой маркой – в карточной игре с большими ставками.

Калашка – цветень, приносимый пчелами на ножках.

Кантонист – солдатский сын, воспитывающийся для постоянной военной службы.

Кармазинный – из тонкого ярко-алого сукна.

Квартермистр (квартирмейстер) полковой – офицер, заведовавший хозяйством и экономической частью полка.

Кивер – военный головной убор.

Кичка – женский головной убор с рогами, род повойника.

Комендор – старший из прислуги у орудий на военных кораблях (соответствовало фейерверкеру в сухопутных войсках).

Контрапроши – земляные работы осаждаемого впереди укреплений.

Концерт – в церкви сложное в музыкальном отношении песнопение, исполняемое редко, в большие праздники.

Корпус кадетский – военное средне-учебное заведение.

Коты – женские башмаки с высокими передами, либо круглые, будто с отрезными голенищами, с алою суконною оторочкою.

Красные штаны (красные шаровары) – часть генеральской формы, введенной имп. Александром II в самом начале царствования.

Крестец – копка хлеба в снопах на жниве, до уборки; обычно по 13, по 17 и по 20 снопов.

Куртина – защищенное пространство между двумя смежными бастионами.

Лафет – станок под орудие.

Ложемент – окоп для стрельбы по преимуществу пехоты.

Люнет – открытое полевое укрепление.

Магазея – здание для хранения запасов.

Маджара – большая четырехколесная телега. Убитых в Севастополе переправляли в барках на Северную сторону к Куриной балке, откуда на маджарах перевозили на

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой to1stoy1eo.ru
кладбище, ныне известное под названием Братского.

Майор – первый штаб-офицерский чин, упраздненный в 1884 г.

Маркела. См. Мортира.

Мерлон – толща бруствера между двумя соседними амбразурами (см. это слово).

Мичман – первый обер-офицерский чин в русском флоте.

Мортира (маркела) – короткое артиллерийское орудие для навесной стрельбы.

Мшеник – клеть, амбар или срубец, уконопаченный мохом, или такая же теплая напосребица для зимовки пчел.

Новина – земля, никогда еще не паханая.

Оброть – конская узда без удил и с одним поводом для привязи.

Ординарец – военный служащий при начальниках для рассылки приказаний.

Осик – участок земли с ульями.

Осьминник – в Тульской губернии 1/8 десятины.

Ошпиталь – госпиталь (простонародное произношение).

Передвоить землю – вспахать дважды в клетку.

Петрова неделя – неделя Петрова поста, бывающего перед Петровым днем, т. е. 29 июня (старого стиля).

Плацдарм – площадь перед укреплением, удобная для боя.

Погреб – помещение для пороха, охраняемое толстым слоем земли.

Подъемные деньги – деньги, дававшиеся лицам, отправляющимся по казенному поручению.

Покорные – Толстой в «Рубке леса» подразделяет всю совокупность русских солдат на три типа: покорных, начальствующих и отчаянных (см. гл. 2).

Покров богородицы – церковный праздник, празднуемый 1 октября.

Понтировать – ставить в карточной игре ставки против банкмета.

Понтоны – особого устройства суда для наводки пловучих мостов.

Посконный – лучший рубашечный холст.

Поярковая шляпа – сваленная из поярки, шерсти, руна с овцы по первой осени (ярки).

Прапорщик – младший обер-офицерский чин.

Преферанс – карточная игра.

Прикрытие – пехотная часть, защищающая артиллерийскую позицию.

Редут – полевое укрепление, окруженное земляным валом и рвом.

Рогульки – железные шарики или пластинки с остриями, употреблявшиеся в старину у нас для разбрасывания на пути неприятельской конницы.

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
Ряда – ряд, условие, договор, соглашение.

Сигарочница – мундштук.

Сикурс (франц, secours) – резервные войска.

Снытка – снедь, еда.

Сохи, сошки – столбы, подставки, подпоры.

Станина – основная часть орудийного лафета (станок под орудие).

Стклянки – морские песочные часы с делениями суток на шесть вахт, каждой вахты на четыре часа. Восьмая стклянка означает 4, 8 и 12 часов.

Стуцер. См. Штуцер.

Суздальские картинки – лубочные картинки; произошло от грубого кустарного производства дешевых икон в Суздальском уезде.

Сходцы – лесенка.

Траверс – земляная насыпь для закрытия внутренностей укреплений от поражения с фланга и с тыла.

Траншея – ров с насыпью для защиты от огня противника.

Трубка – трубка, вставленная в очко бомбы, наполненная горючим составом и передающая огонь запалу.

Туры – особого устройства плетенки из прутьев, наполненные землей; они употреблялись при устройстве укреплений.

Фасы бастиона – две передние стенки бастиона, находящиеся под углом друг к другу.

Фельдфебель – старший из унтер-офицеров.

Ферма – хутор с молочным хозяйством. Мысль об устройстве фермы одно время очень занимала Толстого. В его бумагах есть записка 1856 г. «О фермерстве в связи с вопросом об освобождении крестьян». См. 5 т.

Фортоплясы (форты-плясы) – шутовое название фортепьян.

Фуражир – лицо, ведающее сбор припасов для команды.

Фуражные – деньги на корм лошадей.

Фейерверкер – старший из прислуги у орудий в сухопутной армии.

Фурштадский солдат – солдат из военной обозной части.

Хандшпуг – рычаг для поворота орудий и для поднятия грузов.

Цапфы – цилиндрические выступы по бокам орудия, при помощи которых оно лежит на станке.

Чашки – лунки на конских зубах, по коим узнается возраст.

Шаланда – грузовая баржа.

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой to1stoy1eo.ru

Шанцы – окопы для прикрытия от огня противника.

Шпанская мушка –жучек, из которого готовят нарывной пластырь того же названия.

Штурманский унтер-офицер – унтер-офицер, заведующий сигнальной частью.

Штуцерные – стрелки, вооруженные штуцерами.

Штуцер (стуцер) – первоначальное название нарезного ружья.

Штучный стол – составленный из частей, мозаичный, инкрустированный.

Элевационный станок – орудийный станок особого устройства, приспособленный для действия под большими углами возвышения.

Эс – скамейка в форме французской буквы S, на которой сидят, обернувшись друг к другу.

Юнкер – унтер-офицер из дворян.

Ящичные – лошади в артиллерии для перевозки снарядов.

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН.

В настоящий указатель введены имена личные и географические; названия исторических событий (войн, сражений, революций и т. п.), учреждений, издательств; заглавия книг, названия статей, журналов, газет, произведений (слова, живописи, скульптуры, музыки); имена героев художественных произведений не Толстого и Толстого, когда последний упоминает их не в тех произведениях, где они выведены. Знак || означает, что цифры страниц, стоящие после него, указывают на страницы текста не Толстого.

Австрия – Австрийская империя, с 1868 г. получившая название Австро-Венгерской империи, после мировой войны 1914–1918 гг. распавшаяся на республики Чехо-Словакию, Венгрию, Австрию, часть королевства Юго-Славского и часть республики Польши. Во время Восточной войны 1853–1856 гг. Австрия 20 апреля 1854 г. заключила с Пруссией договор о взаимной помощи с требованием к России удалить войска из Придунайских княжеств – 91.

Адмиралтейство старое – с двумя эллингами и корабельными мастерскими находилось в Севастополе на западном берегу Южной бухты, между бухтой и Екатерининской улицей – 85.

Академия генерального штаба – || 419.

Александр I Павлович (1777–1825) (с 1801 г.). «С височками Александр I» – обычная прическа Александра I – 297, || 397.

Александр II Николаевич (1818–1881) – (с 1855 г.) – 296, 298, || 385, 414, 422, 425, 430.

Александровская батарея. См. Батареи.

Алексеев Никита Петрович – командир батарейной № 4 батареи 20 артиллерийской бригады, в которой Толстой служил в бытность свою на Кавказе – 284.

Альма – река в Крыму, впадающая в море в 25 верстах севернее Севастополя. См. Альминское дело.

Альманах «Круг». Кн. 6. – || 383.

Аносов Иван Васильевич – офицер 14 артиллерийской бригады, участник Крымской войны 1854–1856 гг. – || 419, 420.

Арсеньева В. В. См. Волкова В. В.

Архив Народного Комиссариата просвещения – теперь одна из частей Ленинградского отделения Централрхива – || 392.

«Архив села Карабихи» – || 383, 410.

Аршава. См. Варшава.

Балаклава – безуездный город Таврической губ. в 13 верст. на юг от Севастополя при небольшой глубокой бухте. Был взят англичанами 14 сент. 1854 г. – 20, 56, || 414, 429.

Балюзек Лев Федорович (1822–1879) – штабс-капитан артиллерии, впоследствии свиты ген.-майор, управляющий областью оренбургских киргизов, затем ген.-лейтенант и военный губернатор Тургайской области – 282, || 408, 421.

Бастионы:

– 1-й бастион – бастион крайнего левого фланга на восточной части Севастопольской оборонительной линии на высоте между Килен-балкой и Ушаковой балкой (Корабельная сторона) – 116, 300– 302, 305, 306.

– 2-й бастион – бастион на восточной части Севастопольской оборонительной линии на скале между Ушаковой и Килен-балкой вправо от 1-го бастиона (Корабельная сторона) – 111, 116, 300–302, 304–305.

– 3-й бастион – бастион на средней части Севастопольской оборонительной линии на Бамборской высоте над Лабораторной балкой – юго-восточное укрепление Севастополя (Корабельная сторона) – 111, 301, 303–305.

– 4-й бастион – самое южное укрепление Севастопольской оборонительной линии; расположен на Бульварной высоте между Городским оврагом и Бульварной ложиной (Городская сторона) – 10, 11, 13, 26, 32, 299, 300, 303– 306, || 383, 384, 417.

– 5-й бастион – западное укрепление Севастопольской оборонительной линии; расположен на гребне между Городским оврагом и Загородной балкой (Городская сторона) – 7, 26, 78, 82–84, 90, 111, 114, 299, 303–306, ||| 391.

– 6-й бастион – западное укрепление Севастопольской оборонительной линий вправо от 5 бастиона на высоте между Городским оврагом и Загородной балкой (Городская сторона) – 290, 306, || 391.

– 7-й бастион – укрепление крайнего правого фланга Севастопольской оборонительной линии на берегу рейда (Городская сторона) – 306.

– Корниловский бастион – одно из укреплений Малахова кургана; место смертельного ранения адм. Корнилова – 105, 112, 302, || 417.

Батареи:

– Батарея Александровская – береговая батарея на южной стороне Севастополя на мысе между Карантинной и Артиллерийской бухтами – 116.

– Батарея Будищева № 3 – небольшая батарея на восточной части Севастопольской оборонительной линии на север от 3 бастиона у Докового оврага – 305.

– Батарея Генрихова № 124 – батарея полк. Геннериха на 2 оборонительной линии позади 2 бастиона (построена в самом конце осады в середине августа 1855 г.) – 302, 304.

– Батарея Жерве № 6 – батарея между Доковой балкой и Малаховым курганом – 302, 304.

– Батарея Забуцкого (или Забудского) № 8 и № 35 – батарея в траншее городского оврага на восток от редута Шварца–303, 305.

– Батарея Корниловская. См. Бастион Корниловский.

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru

– Батарея Михайловская – батарея на Северной стороне Севастопольской бухты у самого моста, ведущего на Южную сторону к Николаевской батарее; обе эти сильные каменные батареи были построены еще до войны с союзниками, в 1852 г. – 80.

– Батарея Николаевская – батарея на Южной стороне Севастополя по северо-западному берегу мыса, отделяющего Артиллерийскую бухту от Южной. Это было громадное каменное сооружение длиной в 227 саженей в три яруса казематов, единственное на всей Южной стороне, которое не пробивали бомбы; в конце осады сюда перекочевала вся жизнь Севастополя; сюда перенесена церковная служба; здесь было торговое отделение; жил военный губернатор; здесь же был перевязочный пункт – 82–84, 90, 116, 118, 306, || 422, 429, 430.

– Батарея № 18 (Панфилова) – на Малаховом кургане слева от полукруглого гласиса Малаховой башни – 304, 305.

– Батарея Парижская № 10 – батарея, находившаяся около 1 бастиона (крайний левый фланг) – 302, 304.

– Батарея Усова – одна из батарей 2 участка 3 отделения Севастопольской оборонительной линии над Лабораторной балкой правее 3 бастиона – 300, 305.

– Батарея Шемякина № 26 – батарея на запад от бастиона № 6 – || 391.

– Батарея № 10 (в начале «Донесения» ошибочно названная бастионом) – батарея на мысу у Карантинной бухты – 299, 306.

Баумгартен Александр Карлович (1815–1883) – ген.-адъютант, ген.-от-инфантерии. Во время Восточной войны 1853–1856 гг. сначала находился в Южной армии, где командовал полком, затем командовал 1 бригадой 10 пехотной дивизии, входившей в состав Севастопольского гарнизона. Впоследствии был начальником Николаевской академии генерального штаба – 283.

Бахус – бог вина в греческой мифологии: «в Бахусе» – в состоянии опьянения – 319.

Бахчисарай – город Таврической губ. в 30 верстах от Симферополя. В Крымскую войну там находился госпиталь – 60, || 385, 387, 424, 428.

Безак Александр Павлович (1801–1868) – ген.-адъютант и ген.-от артиллерии. Во время Крымской войны был начальником штаба инспектора всей артиллерии и управляющим артиллерийским департаментом. Впоследствии был командующим отдельным Оренбургским корпусом и оренбургским и самарским ген.-губернатором. Затем (с 1868 г.) назначен командующим войсками Киевского военного округа и ген.-губернатором киевским, подольским и волынским – 283.

Бекетов Владимир Николаевич (р. 1809) – цензор «Современника» – || 385, 389.

Белевцов Дмитрий Николаевич (1800–1883) – генерал-от-инфантерии; в 1841 г. оставил военную службу в чине ген.-майора; в 1855 г., вернувшись на службу, получил начальство над Курским ополчением и принял участие в Крымской войне – || 419, 421, 423.

Белкина редут. См. Редут Белкина.

Бельбек – река на север от Большой Севастопольской бухты, текущая параллельно бухте и впадающая в море; вдоль по реке шел тракт к Северной стороне Севастополя – 74, || 383, 391, 413, 414, 416.

Бессарабия – область между Днестром и Прутом, принадлежавшая России с 1809 по 1917 г. – || 429.

Библиотека морская – библиотека в Севастополе, основанная адмиралом А. С. Грейгом; находилась на самом высоком месте города на Городской стороне – 111.

Бирюков Павел Иванович (1860–1931) – биограф Толстого – || 420.

Бирюков П. И., «Биография Л. Н. Толстого» – || 385, 389, 419, 427.

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
Боборыкин Константин Николаевич (1829–1904) – в 1854 г. поручик артиллерии, впоследствии генерал-лейтенант, оренбургский военный губернатор и наказной атаман Оренбургского казачьего войска, затем орловский губенатор с 1876 до 1888 г. До занятия места оренбургского военного губернатора Боборыкин состоял при гр. Н. П. Игнатъеве в Китае, и был консулом в Урге – 282, 283, || 408.

Большая улица. См. Морская улица.

Большой мост. См. Мост Большой.

Большой Редут. См. Редут Новый.

Боткин Василий Петрович (1811–1869) – писатель – || 405, 406.

Бригады:

– Бригада 11 артиллерийская – 302, 304, || 393.

– Бригада 12 артиллерийская – 301, 304.

– Бригада 17 артиллерийская – 304.

– Бригада 14 артиллерийская – || 419.

– Бригада 20 артиллерийская – 284.

Бриммер Эдуард Владимирович (1797–1874) – боевой кавказский генерал. В период Восточной войны был начальником артиллерии Кавказского округа (в 1848–1856 гг.). Его воспоминания напечатаны в «Кавказском сборнике», тт. 15–18. Толстой обращался к нему по служебным делам в ноябре 1852 г., когда был в Тифлисе – 283.

Будищева батарея. См Батарей.

Бульвар – бульвар в центральной нагорной части Севастополя, ныне известный под названием Мичманского, называвшийся тогда Малым в отличие от Большого, до осады находившегося на месте 4 бастиона (А. Н. Ершов, «Севастопольские воспоминания артиллерийского офицера», п. 1891, стр. 109). На нем находится упоминаемый в конце рассказа «Севастополь в мае» памятник Александру Ивановичу Казарскому (1797–1833), в виде римской триремы, в память подвига, совершенного находившимся под его командой бригадом «Меркурием» в сражении с двумя турецкими линейными кораблями 14 мая 1829 г. – 19, 20, 22, 29, 52, 54, 55, 111.

Бутурлин Сергей Петрович (ум. в 1873 г.) – ген.-от-инфантерии. В начале Восточной войны 1853–1856 гг. состоял начальником штаба войск, собранных в Придунайских княжествах, потом был ген.-квартирмейстером армии – 283, || 422.

Бухмейер Александр Ефимович (1802–1860) – инженер, ген.-лейтенант. Известен постройкою понтонного моста через Севастопольскую бухту – || 422.

Валахия – юго-западная часть нынешнего государства Румынии. Во время Восточной войны 1853–1856 гг. называлась княжеством и управлялась господарями; была сначала занята русскими войсками; по договору с Австрией 14 июня 1854 г. военная оккупация была предоставлена Австрии. Валахия находилась под протекторатом Турции – 282, 298.

Варшава – во время Крымской войны столица Царства Польского. – По простонародному выговору Аршава – 110.

Васильчиков кн. Виктор Илларионович (1820–1878) – ген.-майор свиты, начальник штаба Севастопольского гарнизона – 307, || 422.

Веймарн Петр Владимирович (уб. под Федюхиными высотами 4 авг. 1855 г.) – один из очень образованных офицеров того времени; окончил курс Военной Академии, работал по истории войн, занимался живописью у Лампи – 283, 308, || 419, 422.

Венюков Михаил Иванович (1832–1901) – географ, писатель и путешественник – || 419.

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
Венюков М. И. сообщ. «Песня о Севастополе» – || 419.

Виктория (1819–1901) – королева Великобритании и Ирландии –296.

Винница – уездный город Подольской губ. на р. Буге – 23.

Войков Александр Сергеевич (р. в 1801 г.) – опекун малолетних Толстых – 364, || 402.

Волкова Валерия Владимировна, рожд. Арсеньева (1836– 1909) – || 405.

Волково поле – стрельбище в Петербурге – 105.

«Воспоминания об осаде Силистрии» – статья неизвестного автора из кружка артиллерийских офицеров, статьи которых Толстой предлагал Н. А. Некрасову для «Современника» – || 383.

Врангель Карл Карлович (ум. 1872 г.) – ген.-от-инфантерии – || 430.

Вревский бар. Павел Александрович (р. 1808 г., уб. 4 авг. 1855 г.) – ген.-лейтенант и ген.-адъютант, директор канцелярии военного министерства. Письма его к военному министру кн. В. А. Долгорукову за время его командировки в Севастополь, в которых он настаивал на необходимости перейти в наступление, были напечатаны Н. К. Шильдером в «Военном сборнике» 1903 г. – 307, || 421, 422.

«Вышла радость на крыльцо» – цыганская песня–198.

Гасфортова гора – гора на левом берегу р. Черной, близ дер. Чаргун – || 422, 423.

Гёзлев – татарское название Евпатории (русское произношение Козлов) – || 431.

Генрихова батарея. См. Батарей.

Георгий – святой, так называемый Победоносец (уб. 303 г.) – 295.

Герцен Александр Иванович (1812–1870) – писатель. См. т. 47 «Дневники» и записные книжки 1854–1857 гг. || 427.

Глебов Порфирий Николаевич– || 393.

Глебов П. Н. «Записки» – || 393, 420.

Гомер – легендарный творец Илиады и Одиссеи – 24.

Гончаров Иван Александрович (1814–1891) – писатель – || 405.

Горчаков – 364.

Горчаков кн. Михаил Дмитриевич (1791–1861) – ген.-адъютант, троюродный дядя Толстого. При начале войны 1853–1856 гг. командовал войсками, действовавшими на Дунае, потом был назначен главнокомандующим Южной армией, а в феврале 1855 г. и главнокомандующим Крымской армией; после смерти кн. Паскевича в январе 1856 г. был назначен наместником Царства Польского и главнокомандующим 1-й армии и занимал эту должность до самой смерти – 75, 283, 295, 296, 307, || 383, 387, 410, 413, 415, 417, 420–423, 426, 427, 430.

Горчаков кн. Петр Дмитриевич (1785–1868) – ген.-от-инфантерии; служил на Кавказе, был генерал-губернатором Западной Сибири. В начале Восточной войны был в распоряжении кн. А. С. Меншикова – || 413, 429.

Графская – пристань на Городской стороне Севастополя вблизи выхода Южной бухты в Большую бухту – 3, 5, 88.

Греция – древняя Греция или Эллада – 16, || 413.

Греческие волонтеры– местные греки из легиона Николая I – 61.

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
Данненберг Петр Андреевич (1792–1872) – ген.-от-инфантерии, во время Крымской войны командир корпуса; после Инкерманского сражения, которым руководил, был переведен в Петербург и сделан членом военного совета – || 413, 424, 429.

Дворянский полк – военноучебное заведение для подготовки молодых дворян, начиная с 16-летнего возраста, к военной службе; учрежден в 1807 г. под названием волонтерского корпуса, с 1808 г. получил наименование Дворянского полка, под которым и просуществовал до 1855 г., когда был преобразован в Константиновский кадетский корпус – 67.

Дивизии:

– Дивизия 12 пехотная– || 423.

– Дивизия 7 пехотная– || 423.

Доковая стена – стена, ограждающая доки (на корабельной стороне Севастополя) – || 393.

Доковый овраг – овраг, являющийся продолжением корабельной бухты, идущий с юго-востока на северо-запад по направлению к докам, отделяющий Малахов курган и смежные укрепления от батарей, примыкающих к 3 бастиону – 303.

Долгоруков кн. Василий Андреевич (1804–1868) – военный министр в 1853–1856 гг., впоследствии шеф жандармов и главный начальник III отделения – || 421.

Дом с римскими цифрами на фронте – дом Благородного Соборания в Севастополе – главный перевязочный пункт, где почти безвыходно работал Н. Ил. Пирогов – 5, 6.

Доницетти Гаэтано (1797–1848) – итальянский композитор – 79 («лучия»).

«Достоинно» – «Достоинно есть» церковное песнопение, 311.

Дубровин Н. Ф., «История Крымской войны и обороны Севастополя». СПб. 1900 – || 429.

Дуванкой – селение и почтовая станция на правом берегу р. Бельбека, иначе Дуванка – 60, 63, 69, 74.

Дудышкин Степан Степанович (1820–1866) – писатель – || 405, 407.

Евпатория – уездный приморский город Таврической губ. на север от Севастополя в расстоянии от него по морю в 50 верстах. В самом начале Крымской войны, 1 сентября 1854 г., город был взят войсками союзников и оставался в их руках до конца – 20, || 412, 414, 428, 430.

Екатерининская улица – одна из главных улиц Севастополя, идущая от Николаевской площади к Театральной площади, параллельно Южной бухте – 84.

Ергольская Татьяна Александровна (1795–1874) – троюродная тетка Толстого – || 393, 409–411, 417.

Ерофеич. См. Остен-Сакен., гр. Д. Е.

Жерве батарея. См. Батареи.

Забуцкого батареи. См. Батареи.

Затлер Федор Карлович (1805–1876) – ген.-интендант Крымской армии; им была дана мысль о постройке моста через Большую Севастопольскую бухту – || 422.

Зацепин Николай Константинович (1819–1855) – полковник, командир 3 саперного батальона. Первоначально служил на Кавказе, потом принимал деятельное участие в укреплении Севастополя. Состоял почетным вольным общником Академии художеств, ученик К. П. Брюллова – 284.

Зеленая гора – высота на юг от Южной бухты между Лабораторной и Сарандинакиной балками; на ней находились английские батареи – 18, 301.

Золотая – улица в Кишиневе, потом называвшаяся Пушкинской – 283, || 408.

Зорин Аполлинарий Александрович – капитан 1 ранга, по предложению которого был награжден Севастопольский рейд потоплением нескольких кораблей – || 428.

Зуавы – особые войска во французской армии (Zouaves), первоначально состоявшие из туземцев Алжира (племя Зуауа) – 57.

«Известия Общества Толстовского музея» – || 396.

«Инвалид». См. «Русский инвалид».

Инкерман – урочище при впадении Черной речки в Большую Севастопольскую бухту с развалинами древней крепости и остатками пещерного города. При Инкермане 24 октября 1854 г. произошло кровопролитное сражение – 60, 111, || 413.

Инкерманская гора – гора, на которой расположен Инкерман. – || 429.

Иннокентий (Борисов) (1800–1857) – архиепископ херсонский, проповедник и богослов – 283.

Институт русской литературы (б. Пушкинский дом Академии наук) – || 388, 395.

Исаков Николай Васильевич (1821–1891) – свиты ген.-майор – || 422.

Кавказ – || 409.

«Кавказ» – газета – || 409.

Казарский Александр Иванович. См. Бульвар.

«Как восьмого сентября мы за веру, за царя от француз ушли...» – севастопольская песня, в составлении которой принимал участие Толстой – || 418, 421, 424–430.

Камчатская (гора) – 301.

Камчатский редут. См. Редут Камчатский.

Канробер (François Canrobers) (1809–1895) – главнокомандующий французской армии, заменивший Сент-Арно – || 429.

Кантакузен – кн. ген.-майор, состоящий по артиллерии для особых поручений при инспекторе всей артиллерии (1855 г.) – 284.

Карантинная бухта – самое западное ответвление Большой Севастопольской бухты на восток от Стрелецкой Херсонского полуострова – || 391.

Карлгоф Николай Иванович – заведующий штабом войск, на Черноморской береговой линии расположенных, затем обер-квартирмейстер при штабе заместителя Кавказского. В бытность Толстого на Кавказе служил в 20 артиллерийской бригаде, где находился и Толстой – 283.

Кастор – один из мифологических близнецов, прославившихся своей искренней дружбой – 359.

Кача – река на Крымском полуострове, впадающая в Черное море – || 414, 428.

Кебеке Август Фердинандович – капитан генерального штаба (1854 г.), затем подполковник; состоял в распоряжении начальника главного штаба и ген.-квартирмейстера Южной армии и войск, в Крыму находящихся – 282.

Келим-балка. См. Килен-балка.

Керменчик – татарское селение близ Бахчисарая – || 394.

Киев – гор. || 392.

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
Кизляр – гор. Терской обл. на Тереке – 284.

Килен-балка (Келим-балка) – глубокий овраг с восточной стороны Севастопольских укреплений, оканчивающийся Килен-бухтой Большой Севастопольской бухты – 301, 305.

Кишинев – главный город Бессарабии – || 386, 407, 423.

Кларан – местечко на берегу Женевского озера в Швейцарии – || 406.

Князьки. См. Николай Николаевич и Михаил Николаевич в.к.

Ковалевский Егор Петрович (1811–1868) – государственный деятель, писатель и путешественник. Состоял при штабе кн. М. Д. Горчакова – 282, 284, || 387, 402, 419.

Ковалевский Петр Петрович (1808–1855) – ген.-лейтенант. В 1840-х гг. служил на Кавказе, с 1843 г. командир 20 артиллерийской бригады, в которой с 1852 г. был Толстой; затем с 1853 г. начальник правого фланга Кавказской линии. Умер от раны, полученной при штурме Карса – 283, 284, || 412.

Козлов (тат. Гёзлев) – старинное название Евпатории – || 430.

Козлянинов Николай Федорович (1818–1892) – полковник Ольвиопольского уланского полка, впоследствии ген.-адъютант – || 421, 422.

Колошин Валентин Павлович (уб. в 1855 г.) – прапорщик 11 артиллерийской бригады, приятель Толстого – || 388.

Колюбакин (ошибочно назван Кулебякин) Николай Петрович (1810–1868) – ген.-лейтенант с 1861 г., начальник Черноморской береговой линии во время Восточной войны 1853–1856 гг., затем управляющий Мингрелией, потом Эриванский военный губернатор. Колюбакин был причастен к исторической и военной литературе – 283.

Комстадиус Иосиф Карлович (уб. в 1854 г. в Инкерманском сражении) – штабс-капитан артиллерии – 282, || 408.

«Константин» – корабль – 4.

Константин Николаевич (1827–1892) – великий князь, второй сын Николая I. Один из деятельных помощников Александра II по проведению «великих реформ». С 1855 г. управлял флотом и морским ведомством – 107 («Кистянтин, царев брат»), 296, || 416.

Константинов Константин Иванович (1819–1871) – артиллерист, ген.-лейтенант, известный рядом ученых статей – 419.

Константинов Осип Ильич (1813–1856) – писатель, первый редактор газеты «Кавказ» – || 409.

Корабельная слободка – предместье Севастополя – часть корабельной стороны, находящаяся между Корабельной бухтой, доками и Ушаковой балкой – 306.

Корабельная (сторона) – восточная часть Южной стороны, Севастополя (расположенная на юг от Большой бухты); она отделяется от западной части Южной стороны, называемой Городскою, Южной бухтой – 63, 83–85, 304.

Корабельный Малый мост. См. Мост Малый Корабельный.

Коржановский. См. Крыжановский.

Корниловская батарея. См. Бастион Корниловский.

Корнилов Владимир Алексеевич (р. 1806, ум. 6 октября 1854 г.) – вице-адмирал, один из главнейших деятелей Крымской войны, главный руководитель устройства оборонительных укреплений Севастополя. Был смертельно ранен при первой бомбардировке Севастополя – 4, 16, || 428.

Корпуса пехотные – 3, 4, 5, 283.

Корш Евгений Федорович (1810–1897) – журналист и переводчик, издатель журнала «Атеней» – || 389.

Костомаровский редут. См. Редут Костомаровский.

Коцебу гр. Павел Евстафьевич (1801–1884) – ген.-адъютант, член Государственного совета. Начал службу на Кавказе; во время Восточной войны сначала служил в Дунайской армии, потом переведен в Севастополь, где был начальником штаба Южной армии и всех сухопутных и морских сил, расположенных на Крымском полуострове. С 1862 г. был новороссийским и бессарабским ген.-губернатором. С 1874 по 1880 г. состоял варшавским ген.-губернатором и командующим войсками варшавского военного округа – 283, || 422.

Краевский Андрей Александрович (1810–1889) – журналист, издатель – || 403–405.

Крыжановский Николай Андреевич (1818–1888) – ген.-адъютант, ген.-от-артиллерии. В начальный период Восточной войны был начальником артиллерии Южной армии. После назначения кн. Горчакова главнокомандующим занял место начальника штаба артиллерии. По окончании войны был назначен начальником Артиллерийского училища и Академии (до 1860 г.); затем после ряда других должностей назначен оренбургским генерал-губернатором и командующим войсками (с 1865 по 1881г.). Написал несколько руководств и статей по артиллерийскому делу, воспоминания об отдельных эпизодах Севастопольской обороны и роман «Дочь Алаяр-хана» (1884) – 282, 284 (Коржановский), || 393, 412, 417, 418, 422.

Крым – то же, что Таврический или Крымский полуостров – || 386, 417, 426, 430.

Кулебякин. См. Колюбакин.

Курск – губернский город – 162, 354.

Курское ополчение – || 423.

Кущин дом – дом Гущина на Городской стороне Севастополя, между Екатерининской и Морской улицами, близ Малого бульвара, превращенный в госпиталь, где находились смертельно раненые, и гангренозные – 91.

Лебедев Иван Семенович (ум. 1868 г.) – полковник, сапер. Сначала служил на Кавказе; во время Восточной войны 1853–1856 гг. находился сначала в Южной армии, затем служил в Севастополе – 283.

Левин Лев Федорович – командир 20 артиллерийской бригады (с 1852 по 1855 г.), в которой Толстой служил в бытность свою на Кавказе–283.

Лександра адмирал. См. Меншиков кн. А. С.

Ленинград – 392.

Ленинградское отделение Центрального исторического архива – || 392.

Липранди Павел Петрович (1796–1864) – генерал-от-инфантерии. Начал службу в 1813 г., участвовал в походе во Францию, в войне с Турцией 1828–1829 гг., в подавлении восстания поляков 1831 г. В начале войны 1853–1856 гг. командовал особым отрядом в Валахии, потом был переведен в Крымскую армию, где особенно отличился в сражении при Балаклаве, выполненном по его плану – 283, 307, || 420–424, 427, 428.

Лондон – столица Великобритании – || 426.

Лугинин Владимир Федорович (1834–1911) – прапорщик артиллерии, впоследствии профессор Московского университета – || 420.

Луначарский А. В. См. Толстой «Избранные произведения».

«Лучия» См. Доницетти.

Люнет Белкина. См. Редут Белкина.

Ляцкий – Евгений Александрович – || 396.

Малахов курган – одно из главнейших укреплений Севастополя, расположенное на восточной стороне оборонительной линии, между 2-м и 3-м бастионами; в значительной мере это был ключ всей Севастопольской позиции. – 64, 104, 111, 112, 114, 117, 300, 305, || 393, 394, 418.

Малый бульвар. См. Бульвар.

Малый Корабельный мост. См. Мост Малый Корабельный.

Мамадыш – уездный город Казанской губ. на р. Вятке – 23.

Мартинау Карл Александрович (ум. 1863? г.) – ген.-лейтенант. В офицерских чинах с 1817 г. Во время штурма Малахова кургана в августе 1855 г. был тяжело ранен. С 1859 г. директор Финляндского кадетского корпуса – || 419, 422.

Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Сборник, издаваемый по устройству Севастопольского музея под ред. Н. Ф. Дубровина. Спб. 1871–1874 – || 429.

Мекензиевы горы – возвышенность в окрестностях Севастополя – || 422.

Меншиков кн. Александр Сергеевич (1787–1869) – ген.-адъютант, адмирал, во время войны 1853–1856 гг. главнокомандующий Крымской армии (до 15 февраля 1855 г.) – || 415, 417, 424 («князь Александра»), 425 («Менщик»), 426 (idem), 427–430.

Менщик. См. Меншиков кн. А. С.

Меньков Петр Кононович (в рукописи ошибочно – Миньков) (1814–1875) – ген.-лейтенант, известный военный писатель и деятель, редактор «Русского инвалида» и «Военного сборника» – 282, || 420.

Мериканский флот. См. Американский флот.

Милошевич Мария Николаевна – дочь Н. С. Милошевича, издательница его воспоминаний – || 418, 419.

Милошевич Николай Степанович (1828–1901) – участник кампании 1853–1856 гг. и обороны Севастополя. Автор воспоминаний: «Из записок севастопольца» Спб., 1904 – || 418–420.

Милютин гр. Дмитрий Алексеевич (1816–1912) – ген.-адъютант, военный министр, военный писатель и деятель – 283.

Миньков. См. Меньков.

Митрофаний (1623–1703) – епископ воронежский, святой – 27, 52.

Михаил Николаевич (1832–1909) вел. кн. – четвертый сын имп. Николая I – || 412, 414, 415, 418, 425 (один из «князьков»), 429.

Михайловская батарея. См. Батареи.

Мияковский В. В. «Неизданные строки Л. Н. Толстого. Ночь весною 1855 г. в Севастополе» – || 392.

Мольер (1622–1673) – «Тартюф» – 364 (Тартюф).

Морская улица (Большая улица) – одна из главных улиц Севастополя, идущая от Николаевской площади к Театральной в западной его части – 19, 82.

Моод (Eugene Mood) – английский писатель, председатель Толстовского Общества в Лондоне, биограф Толстого – || 386, 389.

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
Москва – 62, 63, 67, 71, 72, 162.

Мост Большой через бухту – пловучий мост, устроенный в конце осады Севастополя между Михайловской (на Северной стороне) и Николаевской (на Южной стороне) батареями; он имел в длину 430 саж. и 20 саж. пристаней, в ширину 3 сажени. По нему совершалось 27 августа 1855 г. отступление Севастопольской армии на Северную сторону – 80, 116, 118, 299.

Мост Малый Корабельный – мост через Южную бухту с Городской стороны на Корабельную – 85.

Мусин-Пушкин Михаил Николаевич (1795–1862) – попечитель Петербургского учебного округа и начальник Цензурного комитета в 1845–1856 гг. – || 390.

Мусин-Пушкин Н. С. – || 421.

Наполеон I (1769–1821) – французский император – 39, 53, || 397.

Наполеон III (1808–1873) – французский император – 20, 296.

Некрасов Николай Алексеевич (1821–1877) – поэт и журналист, издатель и редактор «Современника» – 282, || 383, 389, 390, 395, 410, 411.

Николаев – гор. Херсонской губ. на Черном море при Бугском лимане, впоследствии сильная крепость с большими верфями для постройки военных судов – 296, || 429.

Николаевская батарея. См. Батареи.

Николаевские казармы – казармы на Николаевской батарее – 19, 80, 104, 114, || 394.

Николай I Павлович (1796–1855) (с 1825 г.) – 80, 286, 291, || 383, 410, 412, 414, 425, 426, 428, 430.

Николай Николаевич (1831–1891) вел. кн. – третий сын имп. Николая I – || 412, 414, 415, 425 (один из «князьков»), 429.

Николай Чудотворец – архиепископ мирликийский – || 414.

Новосильский Федор Михайлович (род. 1808) – командир Севастопольского порта – || 422.

Новый городок – иначе Балаганный городок, на Северной стороне Севастополя. В начале осады он устроился у самой Куриной балки на берегу Большой бухты, потом по мере увеличения досягаемости неприятельских снарядов отодвинулся значительно в глубь материка – 76.

Новый редут. См. Редут Новый.

Одесса (Одест) – первый по торговле русский порт на Черном море – 67, 161, 170, 357, || 412, 429.

Одест. См. Одесса.

Один из участников в составлении Севастопольской песни «Севастопольская песня» – || 421.

«Описание обороны Севастополя». Составлен под руководством генерал-адъютанта Тотлебена. СПб. 1863 и 1868 гг. – || 391.

Остен Сакен гр. Дмитрий Ерофеевич (1789–1881) (Ерофеич) – ген.-адъютант, ген.-от-кавалерии, начальник Севастопольского гарнизона, участник всех войн России, начиная с 1805 г. – 308, 421 (Ссакин), 422, 425, 428 (Ссакин), 430.

Отделения – вся оборонительная линия Севастопольских укреплений для удобства командования была разделена сначала на три, потом на четыре и наконец на пять отделений: два (1-е и 2-е) приходилось на Городскую сторону и два, а потом три (3-е, 4-е и 5-е) на Корабельную. Войска Городской стороны и войска Корабельной в

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
отношении общего командования были обособлены друг от друга – 301.

«Отечественные записки» журнал, выходивший в Петербурге в 1839–1884 гг. – 103, || 397, 403, 405–407.

«Отче» – молитва «Отче наш» – 170.

Павлов Прокофий Яковлевич (1796–1868) – ген.-лейтенант, командир 11-й, потом 17 пехотной дивизии – || 425, 429.

Павловская набережная – набережная у Павловской береговой батареи, находившейся на Корабельной стороне на мысе, образуемом Корабельной бухтой и Большой Севастопольской бухтой – 48.

Панаев Иван Иванович (1812–1862) – писатель – || 385, 386, 388 – 392.

Панфилова батарея. См. Батареи.

Парижская батарея. См. Батареи.

Пелисье (Pélissier), Жан-Жак (1794–1865) – главнокомандующий французских войск во время Крымской войны с мая 1855 г., сменивший Ф. Канробера. За взятие Малахова кургана он получил звание герцога – duc de Malakof – 75.

Перевязочный пункт – На южной стороне Севастополя было четыре перевязочных пункта; один из них находился в Николаевской батарее – 37, 38, 82–84.

Перекоп – уездный город Таврической губ. на перешейке, соединяющем Крымский полуостров с материком – 68.

Песня про сражение на р. Черной. См. Толстой «Как четвертого числа».

Песчаная бухта – Песочная или Круглая бухта Херсонесского полуострова – на запад от бухты Стрелецкой и на восток от Камышевой – 299.

Петербург (Санкт-Петербург, Питер, Петроград) – 20, 29, 48, 67, 71, 72, 79, 101, 102, 284, || 385, 395, 412, 419, 421, 425 (Питер), 427, 429.

Петр I (1672–1725) – имп. всероссийский – 77.

Пиксанов Н.К. См. Толстой «Избранные произведения».

«Письма Л. Н.Толстого 1848–1910 гг.» Собранные и отредактированные П. А. Сергеенко. (Толстовский Альманах) М. 1910– 1911. – || 386, 393, 409, 410, 413, 419.

«Письмо о сестрах милосердия» – статья неизвестного автора из кружка артиллерийских офицеров, статьи которых Толстой предлагал Н. А. Некрасову для «Современника» – || 383.

«Письмо солдата из Севастополя» – статья неизвестного автора из кружка артиллерийских офицеров, статьи которых Толстой предлагал Н. А. Некрасову для «Современника» – || 383.

Питер. См. Петербург.

Пластуны – название казаков-разведчиков Черноморского казачьего войска. Под Севастополем пластуны входили в состав двух пеших черноморских баталионов – 11, 13.

Плац-бек-кокум (в тексте «Плац-бек-кок»), Андрей Петрович – ген.-майор, генерал-полицеймейстер главного штаба Южной армии – 307, || 422.

Плетнев Петр Александрович (1792–1865) – друг Пушкина, историк литературы, профессор и ректор Петербургского университета, академик и председательствующий в Отделении русского языка и словесности Академии наук – || 385.

Полки:

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru

- Екатеринбургский (10 пехотной див.) – 304.
- Житомирский (14 пех. див.) – 303.
- Кременчугский (8 пех. див.) – 302.
- Минский (14 пех. див.) – 304.
- Подольский (14 пех. див.) – || 393.
- Селенгинский (11 пех. див.) – 303.

Полукс (Полюкс) – один из мифологических близнецов, прославившихся своей искренней дружбой – 359.

Полюкс. См. Полукс.

«Полярная звезда» – || 427.

Пруссия – королевство Прусское – 91.

Публичная библиотека Союза ССР им. Ленина (б. Румянцевский музей). – || 391, 395, 407, 411, 415–418.

Пушкинская улица. См. Золотая улица.

Пушкинский дом Академии наук. См. институт русской литературы.

Пятигорск – город Терской области (Кавказ) – || 7.

Раглан лорд Фицрой-Джемс Генри-Сомерсет (1788–1855) – фельдмаршал, английский главнокомандующий во время Крымской войны – || 428.

Рачинский Сергей Александрович (1833–1902) – профессор Московского университета, педагог, деятель по народному образованию. – || 389.

Рead Николай Андреевич (р. 1792 г., убит под Федюхиными высотами 4 авг. 1855 г.) – ген.-от-кавалерии, участник кавказских войн – 308, || 422, 423.

Редингер – повидимому в заметке о журнале неточно передана фамилия: возможно Ридигер – Ридигер, Федор Васильевич (1783–1856), участник войны 1812 г., Турецкой войны 1828–1829 гг., Венгерской кампании 1849 г.; в 1855 г. был главнокомандующим гвардейским и гренадерским корпусами – 284.

Редуты:

– Редут Белкина (люнет № 7) – укрепление в три фаса на запад от 5 бастиона – 304, || 393.

– Большой редут. См. Редут Новый.

– Редут Камчатский (люнет) – передовое укрепление Севастопольской оборонительной линии на холме впереди Малахова кургана (устроено в феврале 1855 г.); 27 мая 1855 г. он перешел в руки французов, устроивших в нем несколько сильных батарей – 302, 305.

– Редут Костомаровский – батарея № 38 впереди 4 бастиона – 300, 303.

– Редут Новый – редут на склоне Мекензиевых гор – || 422.

– Редут Шварца № 1 – укрепление Севастопольской оборонительной линии между бастионами 5-м и 4-м на гребне между Городским оврагом и Загородною балкою – 25, 113, 303–305.

– Редут Язоновский – позади 4 бастиона, образованный в конце ноября или начале декабря 1854 г. из батарей №№ 20, 23, 53 и 62. Язоновским назван по имени брига «Язон», команда которого работала над его сооружением (Тотлебен «Описание

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
обороны Севастополя», т. I. 542–543) – 13.

Рогатка – куртина между бастионами Корниловским и 2-м – 103, 300–302, 304, 305.

Ромен – Ромны, уездный город Полтавской губернии – 161, 170, 354, 357.

Россия – 10, 16, 23, 32, 285, 286, 291, 295, || 384, 413, 427.

Ростовцов гр. Николай Яковлевич (1831–1897) – обер-офицер артиллерии Южной армии (1854– 1855 гг.), впоследствии военный губернатор и командующий войсками Самаркандской области – || 409, 412.

Руководство для артиллерийских офицеров – «Руководство для артиллерийской службы офицерам». Издано по высочайшему повелению (СПб. 1853), составлено штабом инспектора всей артиллерии под руководством ген.-адъютанта А. П. Безака – настольная книга, воспитавшая несколько поколений артиллеристов – 104, 105.

«Русский инвалид» – газета 1813–1917 гг. – 20 («инвалид»), 22 (id.), || 383, 385, 410.

Сакен. См. Остен-Сакен гр. Д. Е.

Сапун-гора – возвышенность на юго-восток от Севастополя – 3, 52.

Саранск – уездный город Пензенской губ. – 5.

Саратов – губернский город – 23.

Севастополь – военно-портовый город на юго-западной оконечности Таврического полуострова – 3, 4, 6, 7, 16, 18, 19, 23, 52, 60–62, 65–69, 71–74, 76, 79, 82, 107, 109, 111, 112, 117, 119, 295, 299, || 383, 384–388, 391–395, 403, 409, 412, 421–423, 426–430.

«Севастопольская песня «Бой на Федюхиных высотах». См. «Как восьмого сентября».

Севастопольская песня про сражение на р. Черной. См. Толстой «Как четвертого числа».

Севастопольское собрание. См. Дом с римскими цифрами на фронте.

Северная (сторона) – местность на северном берегу Большой Севастопольской бухты – 3, 6, 60, 62, 76, 79, 81, 82, 84, 89, 90, 97, 102, 116, 118, 119, 306, || 393, 415, 417, 427.

Северное укрепление – старинное укрепление на Северной стороне Севастополя, перестроенное после Альминского сражения в сентябре 1854 г. Тотлебенom – 111.

Семякин Константин Романович (1802–1867) – ген.-лейтенант. Во время обороны Севастополя начальник 1-го и 2-го отделений Севастопольской оборонительной линии – || 422.

Сент-Арно (Arnaud, Jacques Leroy de Saint-Arnaud) (1798– 1854) – главнокомандующий французской армии в Крыму – || 424, 429.

Сержпутовский Адам Осипович (ум. 1860 г.), – ген.-лейт., начальник артиллерии Южной армии и войск, в Крыму находящихся – || 422.

Сержпутовский Осип Адамович (ум. 1900) – полковник, потом свиты ген.-майор и ген.-от-кавалерии – || 421.

Силистрия – турецкая крепость на правом берегу Дуная – || 383.

Симферополь – губернский город Таврической губ. – 60, 65, 67, 92, 95, 296.

«Снобсы». См. Теккерей В.

Соболев Андрей Ильич – яснополянский бурмистр – 377, || 395.

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
«Современник» – литературный журнал, издававшийся в Петербурге в 1847–1856 гг. – || 383, 385–390, 392, 395, 396, 411.

Соймонов Федор Иванович (1800–1854) – командующий 10 пехотной дивизии (с октября 1851 г.); был убит в самом начале Инкерманского сражения 24 окт. 1854 г., в котором командовал правой колонной – 283, || 425, 429.

Сороки – уездный город Бессарабской губ. – 100.

Сражения:

– Альминское дело – сражение на р. Альме 8/20 сентября 1854 г., первое столкновение с союзниками, окончившееся поражением русских – 10, || 411, 417, 427.

– Дело 8 сентября. См. Альминское дело.

– Дело 5 октября – первая бомбардировка Севастополя союзными войсками 5/17 октября 1854 г. – 8, 13, 28.

– Дело 13 октября 1854 г. – сражение под Балаклавой – || 427.

– Дело 24 октября – Инкерманское сражение 24 октября 1854 г. – 10, 102, || 413, 428.

– Дело 10 мая (1855 г.) – || 388, 391, 393.

– Дело 24 числа – 24 августа 1855 г. было произведено шестое усиленное бомбардирование Севастополя, направленное преимущественно на Малахов курган, 2 и 4 бастионы – 106.

– Евпаторийское дело – сражение 5 февраля 1855 г. – || 430.

– Сражение на р. Черной – сражение 4 августа 1855 г. (бой на Федюхиных высотах). Сражение на Черной речке Толстой в рассказе «Севастополь в августе» называет «Инкерманским сражением», как захватившее собою часть и скаты Инкерманских высот. Это сражение произошло незадолго до описываемых в рассказе событий, в то время как сражение, известное под названием «Инкерманского», было 24 октября 1854 г. В сражении 4 августа принимал участие и сам Толстой – 102, || 418, 419, 421–423.

Ссакин. См. Остен-Сакен гр. Д. Е.

Столыпин Аркадий Дмитриевич (1821–1899) – капитан л.-гв. Конной артиллерии, впоследствии генерал-от-инфантерии, генерал-адъютант. После Крымской войны был атаманом Уральского казачьего войска; в конце Турецкой войны (1877– 1878) ген.-губернатор Румелии и Адрианопольского санджака. Он был причастен к литературе, музыке и скульптуре; в 1855 г. через посредство Толстого напечатал в «Современнике» (№ 7) описание ночной вылазки в Севастополе – 282, || 385, 403, 408, 409.

Суворов Иван Васильевич – яснополянский служащий – || 395.

Сухонина – || 399.

Сухотин Александр Михайлович (1827–1905) – знакомый Толстого – || 399.

Сухотин Михаил Михайлович (1825–1881) – знакомый Толстого – || 399.

Сухотин Сергей Михайлович (1818–1886) – знакомый Толстого – || 399.

Сухотин Федор Михайлович (1816–1889) – знакомый Толстого – || 399.

Сухотина – || 399.

Сысоев С. П. «Песня о сражении при Федюхиных горах» – || 419, 420.

Тартюф – герой комедии Мольера «Тартюф». См. Мольер.

Теккерей. (William Thackeray) английский романист (1811–1863) – 24 («Снобсы» и «Тщеславие»), || 392 (id.). «Тщеславие» – роман «Ярмарка тщеславия» (Vanity Fair).

Тетеревников (в тексте Севастопольской песни «Тетеревкин»), Николай Кузьмич (1805–1874) – ген.-майор во время Крымской войны – || 419.

Тифлис – главный город Грузии – || 400.

Толстая гр. Мария Николаевна (1830–1912) – сестра Толстого – || 401.

Толстой гр. Валерьян Петрович (1813–1865) – муж гр. М. Н. Толстой, сестры Толстого – || 401.

Толстой Л. Н.

– «Весенняя ночь в Севастополе». См. «Севастополь в мае».

– «Военные рассказы». СПб. Изд. 1856 г. – || 385, 392.

– «Военный листок» («Солдатский вестник») – 281–284, || 383, 408–412.

– «Война и мир» – || 417.

– «10 мая». См. «Севастополь в мае».

– «Детство» («История моего детства») – || 385, 397, 398, 400.

– «Дневник офицера в Севастополе». См. «Отрывок из дневника штабс-капитана А. пехотного Л. Л. полка».

– «Дневник офицера». См. «Отрывок из дневника штабс-капитана А. пехотного Л. Л. полка».

– «Дневник помещика» – || 404.

– Дневники и записные книжки – || 384, 390, 391, 394, 397, 405, 411, 416–419.

– Докладная записка кн. М. Д. Горчакову 1855 г. – 295, || 415 («проект адреса»), 416.

– «Донесение о последней бомбардировке и взятии Севастополя союзными войсками» – 299–306, || 394, 417–418.

– «Заметка по поводу военного журнала» – 284, || 412.

– «Записки маркера» – || 385.

– Записка об отрицательных сторонах русского солдата и офицера – 285–294, || 412–415.

– «Избранные произведения». Ред., вступ. ст. и комментарии М. А. Цявловского – «Русские и мировые классики» под общей редакцией А. В. Луначарского и Н. К. Пиксанова – || 406.

– Идиллия офицерского быта – || 383, 412.

– «История моего детства». См. «Детство».

– «Как четвертого числа нас нелегкая несла» – 307–308, || 418–423.

– «Набег» – || 385.

– Несколько слов по поводу книги «Война и Мир» – || 417.

– «Ночь в Севастополе». См. «Севастополь в мае».

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru

- «Отрочество» - || 385, 400, 401.
- «Отрывок из Дневника штабс-капитана А. пехотного Л. Л. полка» «Дневник офицера в Севастополе», «Дневник офицера») - 296, || 416.
- «Песня про сражение на р. Черной 4 августа 1855 г.» См. «Как четвертого числа».

Письма Толстого:

- Ергольской, Т. А. - || 393, 409- 411, 417.
- Коршу, Е. Ф. - || 389.
- Крыжановскому Н. А. -393, || 418.
- Милошевич М. Н. - || 418, 419.
- Мооду Э. - || 386, 389.
- Некрасову Н. А. - || 383, 397, 410, 411.
- Панаеву И. И. - || 385, 388.
- Толстому гр. С. Н. - || 386, 400. 409, 410, 413, 421.

Письма к Толстому:

- Моод Э. - || 389.
- Некрасов Н. А. - || 383, 389, 390, 411.
- Панаев И. И. - || 385, 389.
- Полное собрание сочинений под ред. и с прим. П. И. Бирюкова. «Библиотека Русского Слова». Изд. Сытина. М. 1913 (в 24 томах) - || 386.
- Полное собрание художественных произведений. Редакция К. Халабаева и Б. Эйхенбаума. Гиз. Лгр. 1928-1930. - || 392.
- Полное собрание художественных произведений. Редакция И. И. Гливенко и М. А. Цявловского. Приложение к журн. «Огонек». Гиз. М. 1928. - || 392.
- «Помещик». См. «Утро помещика».
- «Правила и предположения» - || 401.
- Проект адреса. См. «Докладная записка кн. М. Д. Горчакову».
- Рассказ солдата о том, как его убило - || 384.
- «Роман русского помещика». См. «Утро помещика».
- «Рубка леса» - || 387.
- «Русский помещичий роман». См. «Утро помещика».
- «Севастополь». См. «Севастополь в декабре месяце».
- «Севастополь в августе» - 60- 119, 230-278, || 393-396, 417.
- «Севастополь в декабре месяце» («Севастополь», «Севастополь днем и ночью») - 3-17, 173-184, || 383-387.
- «Севастополь в мае» («Весенняя ночь в Севастополе», «10 мая», «Ночь в Севастополе», «Севастопольская ночь») - 18-59, 184-230, 387-392, 394, 416.
- «Севастополь в различных фазах» - || 383, 412.

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru

- «Севастополь днем и ночью». См. «Севастополь в декабре месяце».
- «Севастопольская ночь». См. «Севастополь в мае».
- «Солдатские разговоры» – 297, 298, || 417.
- «Солдатский вестник». См. «Военный листок».
- «Утро помещика» («Помещик», «Русский помещичий роман», «Роман русского помещика») – 123–171, 309–376, || 397–407.
- «Характеры и лица и кой-что к «Роману русского помещика» – 377–379, || 403, 407.
- «Четыре эпохи жизни» – || 400.
- «Юность» – || 400.
- «Юность и молодость» – || 416.
- «Л. Н. Толстой. Юбилейный сборник Московского Толстовского музея. – || 404.
- Толстой гр. Сергей Николаевич (1826–1904) – брат Толстого – || 386, 400, 408–410, 413, 421.
- Тотлебен Эдуард Иванович (1818–1884) – ген.-адъютант, военный инженер. Во время Крымской войны он был главным руководителем сооружения оборонительных укреплений – 71.
- Тотлебен Э. И. См. «Описание обороны Севастополя».
- Трактирный мост – мост через р. Черную под Федюхиными высотами – || 423.
- Тургенев Иван Сергеевич (1818–1883) – писатель – || 385, 406.
- Турция – 19.
- «Тщеславие». См. Теккерей В.
- Усова батарея. См. Батареи.
- Ушаков Александр Клеонакович (1803–1877) – ген.-лейтенант, начальник 7-й пехотной дивизии в конце Крымской войны, впоследствии ген.-от-инфантерии – || 422.
- Ушаков Николай Иванович (ум. 1861 г.) – ген.-лейтенант, дежурный генерал при кн. М. Д. Горчакове с 1853 г., с ним вместе перешедший из Южной в Крымскую армию. Ему принадлежат «Записки очевидца о войне России противу Турции и западных держав (1853–1855)» – 284 || 422.
- Ушакова балка – овраг на запад от Килен-бухты и на восток от Корабельной слободки, спускающийся к Большой Севастопольской бухте – 302.
- Федюхины высоты – возвышенность над р. Черной на восток от Севастополя – || 421, 422, 429.
- «Ферма». См. Віхіо.
- Филарет (Дроздов) (1782–1867) – митрополит московский, церковный проповедник и писатель – 283.
- Фриде Александр Яковлевич (1822–1894) – капитан артиллерии, служил в артиллерийском штабе Южной армии, впоследствии ген.-лейтенант, помощник начальника главного артиллерийского управления, затем начальник окружного артиллерийского управления на Кавказе до 1885 г. – 282, 284, || 408, 421.
- Хамудис – домовладелец в Кишиневе – 283 || 408.

Хрулев Степан Александрович (1807–1870) – ген.-лейтенант, с декабря 1854 г. перечислен в Крымскую армию из Южной. Участник обороны Севастополя – || 391, 422, 426, 430.

Царьград – Константинополь, столица Турции – 170.

Цявловский М.А. См. Толстой «Избранные произведения».

Часовня мертвых – в Севастополе было два места, куда складывали умерших; убитых на Городской стороне свозили на Николаевский мысок у Николаевской батареи, убитых на корабельной – на Павловский мысок. Отсюда тела переправлялись на Северную сторону в Куриную балку, откуда на мажарах свозились в братские могилы на Северном кладбище. Часовней мертвых, кажется, называлось именно место на Николаевском мысе – 52.

Черная речка – река, впадающая в большую Севастопольскую бухту – || 418, 421, 422.

Чернышевский Николай Гаврилович (1828–1892) – писатель. См. т. 47. Дневники 1854– 1857 гг. || 395.

Шварц. См. Редут Шварца.

Шварца редут. См. Редут Шварца.

Шварцевский редут. См. Редут Шварца.

Шекспир Вильям (1564–1616) – английский драматург – 24.

Шемякина батарея. См. Батареи.

Шклярский Михаил Валентинович (1826–1891) – капитан конной артиллерии, потом полковник – || 421.

Шуббе – полковник. В 1854 г. был командиром 5 отделения осадного артиллерийского парка на Дунае – 283.

Шубин – поручик конно-артиллерийской легкой № 9 батареи, адъютант начальника артиллерии Южной армии ген.-лейт. Сержпутовского – 282, || 408, 421.

Эски-Орда – татарская деревня в 6 верстах от Симферополя – 413.

Южная армия – часть русской армии во время Восточной войны 1853–1856 гг., действовавшая на Дунае, в Молдавии и Валахии – || 383, 408, 410, 413, 426, 430.

Южная бухта – бухта, отделяющая г. Севастополь от корабельной стороны – 4.

Язоновский редут. См. Редут Язоновский.

Яков – приказчик в Ясной поляне – || 405.

Якубовский Юрий Осипович (1857–1929) – || 409.

Якубовский Ю. О. «Л. Н. Толстой и его друзья. За 25 лет» – || 409.

Ясная поляна – имение Толстого, Крапивенского уезда, Тульской губернии – || 395.

Valzac O. «Splendeur et misère des courtisanes» («Блеск и ничтожество куртизанок») – 47.

Vixio J.-A. «Maison rustique du XIX siècle». («ферма XIX столетия»). – Большой трактат по сельскому хозяйству, впервые вышедший в свет в пяти томах в 1837 г. – 125.

«Journal de Francfort» –

«Le Nord» – брюссельская газета – || 385.

«Maison rustique». См. Bixio J.-A.

«Splendeur et misère des courtisanes» – роман (1843 и 1846 г.) Бальзака – 47.
См. Balzac O.

Tolstoy L. «Une journée á » – || 385.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ЧЕТВЕРТОМУ ТОМУ.

Настоящий том составляют, во-первых, произведения Севастопольского периода и, во-вторых, «Утро помещика».

В группу произведений Севастопольского периода входят, кроме трех общеизвестных, так называемых «Севастопольских рассказов» и песни про сражение на р. Черной 4 августа 1885 г., впервые публикуемые писания Толстого (по его автографам), вызванные его пребыванием в осажденном в 1854–1855 гг. Севастополе: 1) проект журнала «Солдатский вестник», 2) заметка по поводу этого журнала, 3) записка об отрицательных сторонах русского солдата и офицера, 4) набросок докладной записки кн. М. Д. Горчакову (?), 5) «Отрывок из дневника штабс-капитана А. пехотного Л. полка», 6) солдатские разговоры и 7) донесение о последней бомбардировке и взятии Севастополя союзными войсками.

В основу печатаемого текста рассказа «Севастополь в мае» впервые положен текст, посланный Толстым из Севастополя в редакцию «Современника».

Кроме обычного текста «Утра помещика», впервые полностью печатается первая редакция этого произведения, носившего первоначально название «Роман русского помещика», и вариант первых глав «Романа».

В подведении вариантов и держании корректур «Севастопольских рассказов» принимали участие О. В. Воронцова-Вельяминова и П. В. Булычев.

В. И. Срезневский.

М. А. Цявловский.

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ К ЧЕТВЕРТОМУ ТОМУ.

Тексты произведений, печатавшихся при жизни Л. Толстого, печатаются по новой орфографии, но с воспроизведением больших букв.

При воспроизведении текстов, не печатавшихся при жизни Л. Толстого (произведения, окончательно не отделанные, неоконченные, только начатые и черновые тексты), соблюдаются следующие правила.

Текст воспроизводится с соблюдением всех особенностей правописания, которое не унифицируется, т. е. в случаях различного написания одного и того же слова все эти различия воспроизводятся («этаго» и «этого»).

Слова, не написанные явно по рассеянности, дополняются в прямых скобках.

В местоимении «что» над «о» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание. Это «ударение» не оговаривается в сноске.

Ударения (в «что» и других словах), поставленные самим Толстым, воспроизводятся, и это оговаривается в сноске.

На месте слов, не допустимых в печати, ставится в двойных прямых скобках цифра, обозначающая число невозпроизводящихся слов: [[1]].

Неполно написанные конечные буквы (как, напр., крючек вниз, вместо конечного «ъ», или конечных букв «ся» в глагольных формах) воспроизводятся полностью без каких-либо обозначений и оговорок.

Условные сокращения (т. н. «аббревиатуры») типа «кый», вместо «который», и слова, написанные не полностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках: «к[отор]ый», «т[акъ] к[акъ]» лишь в тех случаях,

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
когда редактор сомневается в чтении.

Слитное написание слов, объясняемое лишь тем, что слова для экономии времени и сил писались без отрыва пера от бумаги, не воспроизводится.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

Слова, написанные явно по рассеянности дважды, воспроизводятся один раз, но это оговаривается в сноске.

После слов, в чтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках: [?]

На месте не поддающихся прочтению слов ставится: [1 неразобр.] или: [2 неразобр.], где цифры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что редактор признает важным в том или другом отношении. Незачеркнутое явно по рассеянности (или зачеркнутое сухим пером) рассматривается как зачеркнутое и не оговаривается.

Более или менее значительные по размерам места (абзац или несколько абзацев, глава или главы), перечеркнутые одной чертой или двумя чертами крест-на-крест и т. п., воспроизводятся не в сноске и ставятся в ломаных < > скобках, но в отдельных случаях допускается воспроизведение и зачеркнутых слов в ломаных < > скобках в тексте, а не в сноске.

Написанное Толстым в скобках воспроизводится в круглых скобках. Подчеркнутое воспроизводится курсивом. Дважды подчеркнутое – курсивом с оговоркой в сноске.

В отношении пунктуации: 1) воспроизводятся все точки, знаки восклицательные и вопросительные, тире, двоеточия и многоточия (кроме случаев явно ошибочного написания); 2) из запятых воспроизводятся лишь поставленные согласно с общепринятой пунктуацией; 3) ставятся все знаки в тех местах, где они отсутствуют с точки зрения общепринятой пунктуации, причем отсутствующие тире, двоеточия, кавычки и точки ставятся в самых редких случаях. При воспроизведении «многоточий» Толстого ставится столько же точек, сколько стоит у Толстого.

Воспроизводятся все абзацы. Делаются отсутствующие в диалогах абзацы без оговорки в сноске, а в других, – самых редких случаях – с оговоркой в сноске: Абзац редактора.

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому и печатаемые в сносках (внизу страницы), печатаются (петитом) без скобок.

Переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие редактору, печатаются в прямых [] скобках.

Обозначения: *, **, ***, **** в оглавлении томов, на шмуцтитулах и в тексте, как при названиях произведений, так и при номерах вариантов, означают: * – что печатается впервые, ** – что напечатано после смерти Толстого, *** – что не вошло ни в одно из собраний сочинений Толстого и **** – что печаталось со значительными сокращениями и искажениями текста.

Иллюстрации
фототипия с фотографии: Л. Н. Толстой март 1856 г. (размер подлинника) – между XII и 1 стр.

Автотипия с первой страницы рукописи «Предисловие не для читателя, а для автора» – между 364 и 365 стр.

Примечания

1

[Ферма,]

2

[порочный круг,]

3

[ферма,]

4

Позднейшая помета Толстого.

5

Позднейшая помета Толстого.

6

Зачеркнуто: какъ поднимется солнышко и бросить первые розовые лучи по тонкимъ, бѣлымъ деревьямъ, да утренній вѣтерокъ разбудить сочный зеленый листъ, куда мѣсто веселое. Мнѣ такъ-же хорошо извѣстно, что

7

Позднейшая помета Толстого.

8

Позднейшая помета Толстого.

9

Бранное выраженіе, означающее грубый мужикъ.

10

Позднейшая помета Толстого.

11

Позднейшая помета Толстого.

12

Позднейшая помета Толстого.

13

В подлиннике: лѣвой

14

Зачеркнуто крест на крест. Раньше было после слов: наклеены возлѣ: <Но я увѣренъ, что изъ одного этаго мрачнаго угла возносилось къ небу гораздо больше искреннихъ молитвъ, чѣмъ изъ сотни образныхъ съ золочеными иконами и наложичками краснаго дерева>.

15

Позднейшая помета Толстого.

16

Написано: не могъ

17

[ребенок из хорошей семьи;]

18

Зачеркнуто: и 5) представитель тщеславия – его приятель (Горчаковъ).

19

Зачеркнуто: Аникеевъ

20

Зачеркнуто: Оз В И

21

Зачеркнуто: П. Н. [?]

22

[Я принял решение, которое должно определить мою судьбу: я покидаю университет, чтобы посвятить себя сельской жизни, для которой я чувствую себя созданным. Ради всего святого, дорогая мама, не смейтесь надо мной. Я молод; быть может я и на самом деле еще ребенок, но это не мешает мне ощущать в себе призвание творить добро и любить его.

Как я вам уже писал, я застал дѣла в состоянии расстройства, не поддающегося описанию. Желая внести в них порядок, я пришел к выводу, что основное зло заключается в бедственном положении крестьян, изменить которое может одно лишь средство – время и терпение <ужасная нищета, в которой находятся крестьяне> и <что нет другого средства помочь беде, как> время и терпение.

Если бы вы только могли видеть Давыдку Козла и Ивана Белого – двое из моих крестьян – и существование, которое они ведут со своими семьями, я уверен, что один вид этих несчастных убедил бы вас лучше всего того, что я могу привести для объяснения моего решения. Не является ли моим самым священным долгом – трудиться на благо этих 700 человек, ответственность за которых я несу перед Богом? Не отвратительно ли бросать этих бедных и честных людей на плутов – управляющих и старост – ради удовольствия и честолюбия? Если я буду продолжать свои занятия, если я, как Николай, поступлю на службу, если даже со временем я займу видное место (я знаю, что вы лелеете для меня честолюбивые замыслы), – что мне даст всё это? Дела, уже теперь запущенные, в мое отсутствие расстроятся настолько, что, быть может, мне придется совсем потерять Красные Горки, которые всем нам так дороги. Не пойдя по своему призванию, я никогда ни на что не буду годен, и всю свою жизнь я не перестану упрекать себя в том, что я был причиной несчастий моих крестьян. Тогда как оставшись в деревне, я надеюсь путем упорного труда расплатиться вскоре со своими долгами, приобрести независимость, быть может, служить по выборам, а главное – обеспечить счастье своих крестьян и свое. Зачем искать другого случая быть полезным и творить добро, когда передо мной лежит возможность такой прекрасной и благородной деятельности.

Я чувствую себя способным быть хорошим хозяином (т. е. быть благодетелем своих крестьян), для этого мне не нужны ни кандидатские дипломы, ни чины, которых вы столь для меня желаете. Дорогая мама, перестаньте строить для меня честолюбивые планы, привыкните к мысли, что я избрал путь необычный, но хороший, который, я это чувствую, приведет меня к счастью.

Не показывайте этого письма Николаю; я опасюсь его насмешек. А вы ведь знаете, что он приобрел привычку надо мной властвовать, а я – ему подчиняться. Что касается Ивана, то я знаю, что он, если и не одобрит, то по крайней мере поймет меня...]

23

[Твое письмо, дорогой Дмитрий, лишний раз доказало мне, что у тебя прекрасное сердце, в чем я никогда не сомневалась, – писала ему графиня Белорецкая. – Но, дорогой мой, хорошие качества больше вредят нам в жизни, нежели плохие. Я не рассчитываю влиять на твои поступки, говорить тебе, что ты совершаешь сумасбродство, что поведение твое огорчает меня; но я постараюсь убедить тебя.

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru

Рассудим, друг мой. Ты говоришь, что ты чувствуешь призвание к сельской жизни что ты хочешь составить счастье своих крепостных, и что ты надеешься стать хорошим хозяином. Во-первых, должна сказать тебе, что свое настоящее призвание человек постигает лишь тогда, когда ему не удалось по нему пойти, во-вторых, что легче составить свое собственное счастье, чем счастье других, и в-третьих, что для того, чтобы быть хорошим хозяином, надо быть <рассудительным> холодным и строгим, чем ты никогда не сможешь быть. Тебе твои рассуждения кажутся решающими; больше того – ты хочешь возвести их в руководящие твоими поступками правила. В моем-же возрасте, друг мой, веришь только в опыт, а опыт говорит мне, что твой план – одно лишь ребячество. Мне уже около пятидесяти лет, в жизни я знавала много достойных людей, и тем не менее я никогда не слыхала, чтобы молодой человек хорошего происхождения и одаренный способностями зарылся бы безо всякого повода в деревне под предлогом творить добро. Вы всегда любили быть оригинальным, между тем ваша оригинальность является лишь избытком самолюбия. Ах, друг мой, идите по проторенным дорожкам; на них-то человек и преуспевает, а преуспеть надо, чтобы получить возможность творить добро. Несчастье некоторых крестьян – неизбежное зло, или во всяком случае такое зло, которому можно помочь без того, чтобы забыть свои обязанности по отношению к государству, к родителям и к самому себе.

С твоим умом, твоим сердцем и твоим восторженным отношением к добродетели – нет деятельности, в которой бы ты не преуспел, но выбери по крайней мере такую, которая сделала бы тебе честь и была бы тебя достойна. Я верю в твою искренность, когда ты говоришь, что у тебя нет честолюбия; но ты ошибаешься, друг мой; у тебя его больше, нежели у всякого другого. В твоём возрасте и при твоих возможностях честолюбие – достоинство; оно становится смешным недостатком, когда человек уже больше не в состоянии его удовлетворять. Ты это испытаешь, если будешь настаивать на своем решении.

Прощай, дорогой Дмитрий; мне кажется, что я еще больше люблю тебя за твое намерение, которое, несмотря на его своеобразность, благородно и великодушно Ты можешь поступить согласно своей воле, но, признаюсь, я ее не одобряю.

24

Со слов: Съ праздникомъ кончая: И прекрасно! зачеркнуто крест-на-крест.

25

Курсив Толстого.

26

Курсив Толстого.

27

См. здесь 341 стр.

28

См. здесь 313–320 стр.

29

Написано: подруги.

30

Можно прочесть и: Сухотина.

31

В дневниковых записях «листом» называется полулист писчей бумаги, согнутой пополам, т. е. четыре страницы.

32

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru

Под «книгой» нужно понимать «Роман русского помещика»: так он назван в записи дневника от 19 октября, а в неотправленном письме к брату Сергею Николаевичу от 5 декабря Толстой писал: «Роман этот называю книгой, потому что полагаю, что человеку в жизни довольно написать хоть одну короткую, но полезную книгу.

33

Курсив Толстого.

34

См. здесь стр. 309–362.

35

Гр. Валерьян Петрович Толстой, муж сестры Льва Николаевича Марьи Николаевны, живший в это время с ней в Пятигорске.

36

Напечатана в I томе дневников настоящего издания.

37

См. текст предисловия на стр. 363–364.

38

См. здесь стр. 364.

39

См. здесь, стр. 364.

40

См. здесь стр. 365–376.

41

См. дальше в «Описании рукописей» рукопись № 5 и на стр. 377–379 текст ее.

42

Аркадий Дмитриевич Столыпин (1821–1899), в это время адъютант начальника артиллерии действующей армии, приятель Толстого

43

«Л. Н. Толстой». Юбилейный сборник Моск. Толстовского музея, М. 1929. стр. 57.

44

В это время (июнь 1856 г) Толстой был занят весьма близким по теме «Роману русского помещика» произведением «Дневник помещика» (напечатанным в 5 томе настоящего издания). Это естественно и заставило снова вернуться к роману.

45

См. здесь стр. 364–369.

46

См. здесь стр. 375–376.

47

Это и объясняет, почему рукопись, с которой набиралось «Утро помещика»,

Утро помещика. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
сохранилась в архиве Толстого.

48

См. здесь. стр. 309–324 и 357–362 стр.

49

См. об этом подробнее в статье «История писания и печатания «Утра помещика», стр. 404.

50 Включены только слова, необъясненные в тексте самим Толстым.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://tolstoyleo.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!